

ЯПОНСКИЕ ЛЕГЕНДЫ О ЧУДЕСАХ

**ЯПОНСКИЕ
ЛЕГЕНДЫ
О ЧУДЕСАХ**

IX-XI вв.

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1984

ББК 84.35Я
Я70

Перевод с японского, предисловие
и комментарии А. Н. МЕЩЕРЯКОВА

Ответственный редактор
Т. П. ГРИГОРЬЕВА

Я70 Японские легенды о чудесах (IX—XI вв.). Пер.
с яп. А. Н. Мещерякова. Главная редакция восточ-
ной литературы издательства «Наука», 1984.

183 с.

Книга представляет собой комментированный перевод избранных легенд и преданий из трех буддийских памятников раннего средневековья: «Нихон рёнки», «Одзё гокуракки» и «Хокэ кэнки». Из этих легенд читатель узнает о представлениях японцев о чудесном, о добре и зле, о добродетели и пороке. Почти все легенды публикуются на русском языке впервые.

Я $\frac{4703000000-002}{013(02)-84}$ 192-84

ББК 84.35Я

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1984.

Предисловие

Читатель уже привык все связанное с Японией соотносить с чем-то необычайным и даже экзотическим. Это особенно касается средневековой литературы Японии, известной у нас прежде всего по произведениям аристократов эпохи Хэйан (794—1184)¹. Спору нет, проза, принадлежащая кисти Сэй-сёнагон или же Мурасаки, действительно достаточно уникальна для своего времени по точности передачи тончайших душевных переживаний, разомкнутости и свободе композиции. «Крупный план» этой прозы позволяет говорить о ее «кинематографичности». Однако аудитория произведений аристократов, а точнее аристократок (ибо основные произведения хэйанской литературы Японии написаны женщинами), была чрезвычайно узкой и ограничивалась высшей знатью столичного Хэйана (современный Киото). Мужчины же занимались делами государственными и описание окружающего их мира и быта почитали несерьезным. Возможно, именно в откровенной «непубличности» произведений аристократок и заключается секрет популярности их творчества среди значительной части западной интеллигенции, пресытившейся тоталитарными формами мышления XX в.

Однако наряду с этим существовала и совершенно другая, «духовная», по преимуществу буддийская, литература, монолитно связанная с фольклорным творчеством и коллективными формами мышления. Каждый, кто

¹ См.: Сэй-сёнагон. «Записки у изголовья». М., 1975; «Две старинные японские повести». М., 1976; «Исэ моногатари». М., 1979, «Ямато-моногатари». М., 1982. Фрагменты из некоторых произведений аристократической повествовательной литературы приведены также в книгах: Н. И. Конрад. «Японская литература в образцах и очерках». Л., 1927; «Восток», сборник первый. М.—Л., 1935; «Классическая проза Дальнего Востока». М., 1975.

знаком с народными формами культуры европейского раннего средневековья, тонко и своевременно проанализированными в недавно вышедшей в свет книге А. Я. Гуревича «Проблемы средневековой народной культуры» (М., 1981), несомненно, будет поражен сходством, иногда почти текстуальными совпадениями с аналогичными памятниками народного христианства европейского раннего средневековья. Сходство распространяется и на достаточно парадоксальный, с точки зрения современного человека, способ записи: и в Европе, и в Японии народные легенды при фиксации переводились на другой язык (латинский и китайский). Таким образом, будучи записанным, фольклор «легализуется» и попадает в разряд «серьезной литературы». Это делало его доступным для потенциально неограниченной аудитории. Разумеется, слово «литература» применимо к средневековым легендам, преданиям и житиям лишь с очень существенными оговорками прежде всего потому, что для средневековых их читателей и слушателей они не имели никакого отношения к fiction (выдумке). Понятие авторства было также достаточно своеобразно. «Авторство» тех, кто записывал народные легенды (а это были мужчины — монахи и чиновники, причем нередко весьма знатного происхождения), заключалось прежде всего в выборе из множества циркулировавших в устной (а впоследствии и письменной) форме сюжетов именно тех, которые подлежали фиксации именно в данном произведении, а также в некоторой, по-видимому, не слишком значительной «литературной» обработке оригинальных сюжетов.

Читателю следует иметь в виду, что интересующая нас литература — это литература неофициальная. В силу того что социальная стратификация в то время была еще недостаточно выражена, а также ввиду неполноты имеющихся в руках исследователя данных далеко не всегда удается описать особенности представлений каждой из выделяемых исторической наукой общественных групп, но противопоставление официального и неофициального (на основе рассмотрения литературного материала) выявляется достаточно рельефно. Причем на ранних этапах сосуществования официальной и неофициальной литератур различие между ними зачастую состоит не столько в неодинаковой трактовке тех или иных явлений, сколько в несовпадении объектов описания. Не совпадают поэтому и их жанры. Государство пытается

монополизировать право на порождение и фиксацию правовых, исторических (квазиисторических), мифологических и некоторых других текстов, ставя перед собой задачу обеспечить интеграцию государства (основной жанр — летопись), а в неофициальной письменно зафиксированной традиции одно из основных мест занимает проблема человека как носителя этических норм, интегрирующих его самого (основной жанр — буддийские легенды и предания).

Разумеется, в кратком предисловии к еще более кратким преданиям, которые выносит переводчик на суд читающей публики, невозможно даже мимоходом коснуться всех вопросов, возникающих при знакомстве со средневековой «духовной» литературой. Поэтому мы постараемся ограничиться рассмотрением одной, но, вероятно, самой главной проблемы — проблемы человека, его мироощущения и идейных поисков.

Но сначала о трех источниках, послуживших материалом для этой книги. Итак, перед нами «Записи о стране Японии и чудесах дивных воздаяния прижизненного за добрые и злые дела» («Нихон гэмпо дзэнъяку рёйки», или сокращенно, «Нихон рёйки», составлены на рубеже VIII—IX вв., 3 свитка, 116 историй)²; «Записи о вознесении в Край Вечной Радости» («Одзё гокуракки», конец X в., 1 свиток, 42 истории) и «Записи о чудесах „Сутры лотоса“³, сотворенных ею в великой стране Японии» («Дайнихонкоку хокэкё кэнки», сер. XI в., 3 свитка, 129 историй)⁴. «Нихон рёйки» принадлежит кисти монаха Кёкая; истории «Одзё гокуракки» записаны мелким чиновником Ёсисигэ-но Ясутанэ (принявшим впоследствии постриг под именем Дзякусуна); автор «Хокэ кэнки» — монах Тингэн.

Как говорилось выше, применительно к раннесредневековым легендам еще невозможно говорить об авторстве в полном смысле этого слова. Составители и не

² Перевод пяти историй см.: А. Н. Мещеряков. «Легенды из „Нихон рёнки“». — «Народы Азии и Африки». 1981, № 3.

³ Санскр. «Садхарма-пундарика сутра» один из основных священных текстов буддизма Великой Колесницы (махаяны).

⁴ Два последних памятника на русский язык не переводились. Несколько легенд из более поздних буддийских сборников были переведены В. С. Сановичем и Т. И. Редько, см. «Восточный альманах». Вып. 1. М., 1973; «Классическая проза Дальнего Востока». М., 1975. Многие вопросы, связанные с развитием буддийской прозы в Японии, рассмотрены Г. Г. Свиридовым в книге «Японская средневековая проза сэцува». М., 1981.

претендовали на него. Кёкай утверждал, что он лишь передает рассказы людей: Ясутанэ ссылается на летописи и жития как на источник своих записей, а Тингэн обосновывает необходимость своего труда по сведению преданий о «Сутре лотоса» в одной книге тем, что «в исторических сочинениях найти их затруднительно, а в передаче людей они легко утрачиваются».

Средневековое общество невнимательно к судьбам своих «авторов». Сохранились некоторые данные лишь о жизни одного Ясутанэ. О Кёкае и Тингэне мы знаем только, что первый был монахом в храме Якусидзи, а второй жил возле часовни Сюбогэн. О Ясутанэ можно сообщить несколько больше. Он родился в 931 г. Его учителем был знаток китайской литературы Сугавара-но Фумитоки (899—981). Долгие годы Ясутанэ служил регистратором государевых указов во дворце. Приобщением к культу владыки рая будды Амиды (Амитабхи) он обязан «Обществу поощрения учености» («Кангакуэ»), чьи участники проводили время в молитвах о перерождении в Краю Вечной Радости, сочинении стихов на китайском языке, изучении «Сутры лотоса». В 982 г. Ясутанэ заканчивает «Записки из павильона у пруда» («Титэйки»), в которых он воспевае царедворцев, посвятивших свою жизнь молитвам Амиде, придворным церемониям и изучению премудрых книг. Считается, что «Одзё гокуракки» увидело свет в 984 г., а в 985 г. Ясутанэ принимает монашество и нарекается теперь Дзякусином. Вместо упраздненного «Общества поощрения учености» Ясутанэ вместе с одним из крупнейших религиозных деятелей своего времени, Гэнсином, основывает «Общество двадцати пяти способов созерцания» («Нидзюго саммайэ»). Умер Ясутанэ в 997 г.

Безусловно, у каждого из авторов — составителей рассматриваемых нами памятников имелись свои литературные пристрастия, основанные прежде всего на общей идейной направленности их миропонимания. По необходимости кратко формулируя особенности трех произведений, последуем за оригиналом. Кёкай писал в предисловии к 1-му свитку: «Есть алчущие добра храмов Будды — они перерождаются волами, дабы отработать долг. Есть и такие — они оскорбляют монахов и Закон Будды, при жизни навлекая на себя несчастья. Иные же ищут путь, вершат подобающее и могут творить чудеса уже в этой жизни. Тот, кто глубоко верует в Закон Будды и творит добро, достигает счастья при жизни. Воз-

даяние за добро и зло неотступно, как тень. Радость и страдание следуют за добрыми и злыми деяниями, как эхо в ущелье. Кто-то видит и слышит об этом, удивляется, сомневается и тут же забывает. У тех же, кто стыдится своих грехов, с болью бьются сердца, и они спешат скрыться. Если бы карма⁵ не указывала нам на добро и зло, то как тогда исправить дурное и отделить добро от зла? Если бы карма не вела нас, то как было бы возможно наставлять дурные сердца и шествовать дорогой добролюбия?»

Во вступлении к «Одзё гокуракки» говорится: «С молодых ногтей молился я Амиде, а когда мне минуло сорок лет, вера моя укрепилась еще более. Губами я повторял имя Амиды, а в сердце лелеял дивный лик. Шел я или стоял, сидел или лежал — ни на миг о том не забывал. Стоят статуи Амиды во дворцах, домах, пагодах и усыпальницах. Нельзя не поклоняться и изображению Пречистой Земли. Монахи и миряне, мужи и жены вознестись хотят в Край Вечной Радости — не минует их молитва сия. В сутрах, шастрах и толкованиях к ним глаголется о добролюбии, и желающий Края Вечной Радости не читать их не может».

Тингэн писал: «„Сутра лотоса“ истинно повествует о далеких временах, когда Шакьямуни достиг просветления, и истинно указывает, что каждая тварь может стать Буддой... От царевича Сётоку⁶, призванного в западный Край Вечной Радости, и до дней нынешних немало найдется людей — поклоняющихся Сутре и читавших ее, — кто испытал на себе ее дивную благодать... Если не записать дела дней минувших, то чем тогда будут одушевляться потомки?»

Итак, «Нихон рёики» повествует о воздаянии в этой жизни за добрые и злые дела, в «Одзё гокуракки» концентрируется внимание на моменте смерти (просветления, нирваны), непосредственно вслед за которым следует возрождение в раю, где пребывает будда Амиде, а «Хокэ кэнки» описывает дивную силу одного из основных махаянистских текстов — «Сутры лотоса», а также чудодейственные способности ее почитателей. Таким образом, эти три памятника представляют собой не толь-

⁵ Карма — здесь совокупность добрых и злых деяний человека в прошлом рождении, определяющих его судьбу в будущих рождениях.

⁶ 574—622, подробнее см. Комментарий.

ко три временных этапа японского буддизма, но и три идейных направления его развития.

Для объединения трех японских памятников в одном томе русского перевода имеются достаточно веские основания, хотя в идейной и литературной направленности каждого из них есть определенное своеобразие. Внимательный читатель, возможно, уже заметил, что названия всех трех сборников кончаются на *ки* (букв. «запись»). Это дает право утверждать, что предлагаемое объединение трех произведений вполне органично не только с точки зрения современного исследователя и переводчика. Более того, многие истории из «Хокэ кэнки» с весьма незначительными изменениями перекочевали в этот сборник из «Нихон рёйки» и «Одзё гокуракки». Ничего здесь удивительного нет, ибо атомическая структура трех памятников достаточно сходна. В качестве осознаваемой единицы построения выступает отдельное предание, но, включенное в комбинацию, оно может смещать свои «внутренние» акценты. Так, рассказ о юноше, который не мог запомнить один иероглиф «Сутры лотоса», поскольку он по небрежности сжег его лампой в предыдущем рождении, в «Нихон рёйки» читается как иллюстрация к взаимообусловленности деяний прошлой и нынешней жизни, а в «Хокэ кэнки» выступает как повествование о чуде, сотворенном сутрой. Таким образом, средневековые сборники буддийских легенд связаны между собой не только своим «духом», но и «плотью» — кочующими из произведения в произведение частями текста. Текст подобных памятников принципиально открыт, ибо он в действительности не имеет конкретно-исторического героя. Герой сборника — это не человек, а идея, «живущая» в пространстве, времени и обществе.

Многочисленные буддийские сочинения в эпоху Хэйан не были призваны обеспечить литературно-эстетические запросы человека. Они должны были представить обществу образцы и примеры награжденной праведности и наказанного злодейства. Вспомним, чем был буддизм для тогдашних японцев. Оставим в стороне государственный буддизм, поскольку наши памятники связаны с ним лишь опосредованно. Заметим лишь, что правящий дом в VI—VIII вв., а вслед за ним и могущественный род Фудзивара, в руках которого находилась реальная власть в IX—XI вв., пытались использовать буддизм для оттеснения родо-племенных культов местной религии — синтоизма, поскольку они служили пре-

пятствием для укрепления центральной власти. На микросоциальном уровне буддизм был призван обеспечить и защитить интересы выделявшейся из родового коллектива личности (в средневековом понимании этого термина). Разложение родо-племенных отношений, формирование классового общества, нарастание имущественного и социального неравенства способствовали тому, что у человека появлялись новые потребности, которые далеко не всегда совпадали с интересами коллектива. Отсюда — обостряющееся внимание к переживаниям индивида, его устремлениям, способам их удовлетворения.

Нельзя сказать, что синтоизм никак не реагировал на происходившие изменения, но, как и всякая религия родо-племенного строя, он обладал значительной инерцией покоя. Единицей синтоистского социума были род или община. Человек же еще не воспринимался как его составляющая часть. Синтоистские представления, дошедшие до нас в письменной зафиксированной, главным образом официальной версии мифа и ритуала, несли в себе экспрессию коллективных, но не личных переживаний. Антропоморфными, точнее квазиантропоморфными, чертами надделены в мифе боги. Люди же, как правило, выступают пассивными преемниками мироустроительной активности божеств и державной деятельности «императоров». Через миф объясняются устои существования людей: феномен — космический или социальный — находит соответствие в мифическом повествовании, а ритуал призван сохранить между ними однозначное соответствие, нарушаемое действительным ходом жизни.

Итак, для синтоизма человек, как таковой, был не столь важен, и общение с богами, как и общий модус поведения, носило не индивидуальный, а коллективный характер. А человек этот между тем жил и переживал. Основу поведения и ориентации человека в новом, переросшем рамки общины социуме, а именно в государстве, где возникает потребность в регулировании общения индивидов вне зависимости от их родо-племенной принадлежности, составил буддизм, принесший с собой богатую литературную традицию. Быть может, какому-нибудь любителю *belles-lettres* повороты судьбы героев буддийских легенд и преданий покажутся чересчур примитивными, язык — бедным, мораль — слишком однозначной. Возможно, это и так. Но все же не стоит забывать, что к интересующей нас литературе нельзя применять привычные нам мерки — ведь в тот период зна-

чительная информационная избыточность, присущая всякому сакрализованному тексту, с которой пытается сражаться современная литература, была неотъемлемой частью авторского замысла. Кёкай писал в предисловии к 3-му свитку, что буддийские сутры «показывают, как приходит воздаяние за добрые и злые дела». В этом высказывании открыто прокламируется цель его произведения: оно должно убедить читателя в истинности и всеобщности закона кармы, утвердить его однозначно толкуемыми примерами, взятыми из исторического прошлого и настоящего. Если миф обычно хорошо атрибутируется географически, но создание на его основе универсальной хронологии невозможно, поскольку он описывает последовательность действий, а не их продолжительность, то большинство историй «Нихон рёйки» имеют и определенную хронологическую привязку — по времени правления того или иного государя. Хронологическое расположение легенд в «Нихон рёйки» давало, по всей вероятности, читателю этого произведения возможность рассматривать его как историю воздаяния за добрые и злые дела в Японии. В «Одзэ гокуракки» и «Хокэ кэнки» хронологически-летописная привязка легенд ко времени правления государей выявлена значительно слабее: японский буддизм уже осознает себя как субъект своей собственной истории, эмансипируясь от всего светского и мирского. Многие герои «Хокэ кэнки», даже достигнув высокой степени святости, опасаются жить в миру, ибо он непременно вводит в грех. Если в «Нихон рёйки» Кёкай всегда, когда ему это известно, указывает род, из которого происходит герой, то место рода в «Одзэ гокуракки» и «Хокэ кэнки» занимает учитель праведника. Осознание того, что основы воспитания, обучения и социализации могут закладываться вне общины и семьи, означает значительный качественный сдвиг в мировоззрении общества.

Если говорить о композиционном построении легенд, то в большинстве случаев истории «Нихон рёйки» начинаются либо с констатации несоответствия (реже — соответствия) поведения героя нормам буддийской этики, либо с описания несоответствия окружающих героя условий его достоинством и недостаткам, оцениваемым с позиций буддийской этики. Нарушение этого соответствия и его преодоление и составляет движущую силу сюжета. «Нихон рёйки» — это поучение о причинах неадекватности человека окружающим его условиям и о спо-

собах ее компенсации. Отсюда — дидактичность историй «Нихон рёнки», многие из которых венчают нравучение, похвала праведнику. Не то мы видим в «Одзё гокуракки» и «Хокэ кэнки». Поскольку цель героев этих произведений (в большинстве случаев положительных) состоит не в улучшении чего-то, что делает их земную жизнь более приятной, а в решительном самовыключении из нее ради последующего вознесения в рай, то и сюжетом здесь движет преодоление жизни ее каждодневным отрицанием (отказ от пищи, речи, семьи и т. п.). Как сказано в одной из историй «Хокэ кэнки», подвижничество праведника — «не для жизни нынешней, а ради просветления в рождении грядущем».

Буддийские легенды — литература дидактическая. Дидактичны и ее герои. До появления «Нихон рёнки» божество, «император», эпический герой удостаивались быть изображенными ввиду их мироустроительной или же исторической значимости. Для Кёкая те или иные люди значимы именно потому, что через них явлены основные закономерности человеческого существования. Они изображаются не потому, что они значимы сами по себе, но потому, что в них лучше, чем в ком-либо другом, воплощены качества, способные показать действенность и универсальность кармического воздаяния. Поэтому в «Нихон рёнки» мало житий. Деяния сподвижников (Гёги, например) могут быть представлены в разных историях, но полное жизнеописание отсутствует, поскольку основной акцент здесь делается не на последовательности событий, характеризующих достоинства сподвижника, а на описании всеобщих принципов, которые управляют миром людей и проявляются через поведение конкретных индивидов в ситуациях, позволяющих наиболее полно выявить эти закономерности. В «Одзё гокуракки» и «Хокэ кэнки» «житийность» проявляется в гораздо большей степени, о чем, в частности, свидетельствуют и названия историй в этих памятниках. Если в «Нихон рёнки» название свернуто и представляет сюжет истории, при этом опускаются имена персонажей, то в «Одзё гокуракки» и «Хокэ кэнки» в большинстве случаев названы лишь имена праведников («Одзё гокуракки») и их храмовая принадлежность или же место их проживания («Хокэ кэнки»).

Объектом внимания «Нихон рёнки» становятся только те свойства человеческой природы, которые могут повлечь за собой кармическое воздаяние. К ним относятся

в первую очередь грехи и добродетели, зафиксированные в буддийских заповедях. В этом смысле «Нихон рёйки» изображает не столько человека в целокупности его идейных и социальных отношений, сколько кармически маркированные параметры его бытия. Строгое самоограничение тем, сюжетов и выводов присуще также «Одзё гокуракки» и «Хокэ кэнки»: из общего потока информации о жизни выхватывается лишь то, что имеет касательство к переселению в рай или же чудесам о «Сутре лотоса», причем в отличие от Кёкая Ясутанэ и Тингэн тяготеют к положительным воспитательным образцам.

Как указывается в предисловиях, забота о просвещении потомков оказывается одним из основных движущих мотивов письменной фиксации разрозненных сюжетов. Мы, далекие потомки, безусловно, должны быть только благодарны за такое усердие, но все же чувство некоторой неудовлетворенности не покидает современного читателя, ибо очень многие вещи, которые авторам того времени казались слишком малосущественными и тривиальными, теперь уже узнать попросту невозможно. Тут есть хороший урок для современности, если она хочет полнее сохранить себя для будущего.

Итак, быт, повседневная жизнь, внешность людей в наших памятниках охарактеризованы минимально, поскольку помыслы авторов сосредоточены на главном, и при описании напряженно переживаемой драмы человеческого существования детали каждодневности обесцениваются. Поэтому же речи и поступки героев лишены какого бы то ни было оттенка легкомысленности. Совершенно недопустимы смех и фривольность, отмеченные в более поздних сборниках легенд и преданий буддийского толка, когда этот жанр обмирщвляется. Например, в сборнике «Удзи сюи моногатари», составленном в XIII в., рассказывается, как к одному царедворцу пришел просить подавание монах. Он поведал, что решил отбросить желанья и поэтому удалил их источник, дабы разорвать цепь перерождений. При обследовании оказалось, что источник желаний был спрятан в особом мешочке, сокрытом под волосами. Все присутствующие встретили это открытие громким смехом. Серьезность более ранних преданий становится легко объяснимой, если вспомнить, что для их авторов воздаяние — страшное или благое — могло быть явлено в любой момент. В историях «Нихон рёйки» сделан акцент на воздаянии при-

жизненном, часто — немедленном: «Близок час воздаяния в этой жизни! Подумай о будущем и смягчись. Пусть сердце твое станет добрым», «Как можно не верить, что воздаяние близко и наступит в этой жизни?» и т. д. Для «Хокэ кэнки» и особенно для «Одзэ гокуракки» более характерно воздаяние посмертное. Но вознесение в рай можно заслужить, лишь отбросив временное и преходящее. В эту категорию попадает и смех.

Потребность в этической оценке поступков людей, готально маркирующей все социальные отношения в терминах «плохой» — «хороший», общая установка на дидактичность определяли и монохромность изображения человеческих характеров. В историях «Нихон рёйки», «Одзэ гокуракки» и «Хокэ кэнки» можно наблюдать начатки описания психологической жизни, но не полноценных характеров. Герои лишены неповторимо-личностных черт, характер укладывается в одно-два определения, и весь набор его черт жестко задан. Человек обычно описывается или грешником, или святым. Остальные персонажи, встречающиеся в повествовании, можно назвать вспомогательными, ибо их поступки, служащие фоном, на котором высвечиваются свойства главного героя, никак не осмысляются ввиду их этической нейтральности, и эти персонажи не становятся поэтому объектом воздаяния.

Есть и другая категория «вспомогательных» персонажей — аудитория («родичи», «друзья», «люди»), для которой чудо служит толчком, непосредственной причиной и поводом саморефлексии, обращения к учению Будды.

В подавляющем большинстве случаев герои легенд рисуются либо безгранично злыми, либо исключительно добрыми. Значительная информационная избыточность обеспечивается предписанностью качеств героя и ситуационными повторами. Такое «черно-белое» изображение персонажей свойственно для средневековой религиозно-дидактической литературы вообще.

Мир буддийских преданий — это мир идеальных причинно-следственных связей. Как только в начале повествования сообщается о герое, злодей он или добролюб, читателю уже ясен исход рассказа. Значимость легенды — не в ее занимательности, а в ритуальном подтверждении и утверждении социальной справедливости. Процесс социализации достаточно сходно протекает и в современном обществе — разве мы не говорим детям, что

при соблюдении определенных норм поведения будут достигнуты желаемые результаты?

Избыточность, интенсификация качества вели к появлению стереотипа в описании правителей, чиновников, главной добродетелью которых становится приверженность учению Будды. В «Нихон рёйки» повествуется о деяниях Отомо-но-Ясуноко, благодаря радениям которого были изваяны три буддийские статуи. Ясуноко выступал против Мононобэ, когда тот потребовал находившиеся в Японии статуи будд и бодхисаттв отправить обратно в Корею, поскольку они якобы вызвали повальные болезни. По непосредственному предложению Ясуноко были приняты меры по ужесточению контроля над поведением нерадивых монахов. За его заслуги и добродетели Ясуноко были дарованы высокие ранги и обширные земли.

Все эпизоды деятельности Ясуноко в той или иной степени находят отражение в повествовании хроники «Нихон сёки». Имя же Ясуноко нигде не упоминается, а его деяния приписываются разным лицам. Таким образом, легенда в передаче Кёкай из деяний других лиц создает жизнеописание идеального придворного-чиновника. Такой подход знаменует собой начальный этап развития жанра житий, неизвестного в синтоистской традиции. Как уже говорилось, в «Одзё гокуракки» и «Хокэ кэнки» жития представлены в более зрелой форме. Еще одно важное отличие от «Нихон рёйки» — иная, не хронологическая последовательность расположения историй в зависимости от места, занимаемого в буддийской иерархии духовных лиц (повествований о мирянах в «Одзё гокуракки» и «Хокэ кэнки» чрезвычайно мало).

Помимо фигуры чиновника в «Нихон рёйки» представлен и тип добродетельного государя. В предисловии ко 2-му свитку Кёкай писал о Сёму (724—749): «Бывший император Сёхо-одзин-Сёму отлил невиданно большую статую Будды, упрочил Учение на вечные времена, обрел голову, носил одежды монаха, получил посвящение, творил добро и справедливо повелевал людям. Его сострадание распространялось на животных и растения, и никто не превосходил его добродетелью. Он стал первым в стране, и судьба была благосклонна к нему... Добродетель его была такова, что порхающие в небе насекомые носили траву для крыши храма, а ползающие по земле муравьи собирали золотой песок на постройку пагоды. Высоко поднялись знамена Закона

Будды, и во все стороны развевалась их бахрома. Благословенная лодка Закона скользила легко, и тень от ее паруса ложилась на небеса. Поля цветов счастливых предзнаменований расцветали в стране, и приходило воздаяние за добрые и злые дела».

Однако более характерной как для «Нихон рёйки», так и для двух других наших памятников представляется не фигура государя и чиновника, но праведника или же противника буддизма, фигура, не имеющая ярко выраженной социальной принадлежности. Учение Будды в народной традиции, особенно на ранней стадии развития феодальных отношений, было призвано, как и раннее христианство, снимать противоположность социального «верха» и «низа», государя и подданного. Во 2-м свитке «Нихон рёйки» сообщается о монахе Тайкё, проклявшем царевича Удзи, который оскорбил его. Родичи царевича доносили государю: «На убийство отвечают убийством. Удзи умер. Мы отомстим Тайкё». Однако государь отвечал: «И я монах, и Тайкё тоже монах. Как может монах убить монаха?»

Соображение о сравнительной недостаточности социальной окрашенности подтверждается для «Нихон рёйки» и изменениями в динамике упоминаний имен персонажей: с течением времени все меньше персонажей удается идентифицировать в плане их родовой и социальной принадлежности, что служит одним из важных средств типизации. В предисловии к «Хокэ кэнки» Тингэн открыто утверждает, что он «собрал и записал в трех свитках виденное и слышанное о столице и деревне, о местах далеких и близких, о монахах и мирянах, о людях высоких и низких. Истории эти предназначаю лишь для глупцов и невежд. Они не предназначены для мудрецов». На первый план, таким образом, выдвигаются не социальные противоречия, но антагонизм сакрального знания и невежества. Относительно слабую окрашенность персонажей легенд и преданий можно объяснить по меньшей мере тремя факторами: 1) логикой буддийского вероучения, согласно которому решающее значение имеет не место, занимаемое индивидом в социальной иерархии, а сумма его добродетелей; 2) сравнительно неразвитой дифференциацией японского общества; 3) окончательно еще не определившимся местом буддизма в системе социально-идеологических отношений японского раннесредневекового общества (два последних фактора с течением времени, естественно, теря-

ли свое значение). Власти старались использовать буддизм в качестве опоры своей централизаторской политики, и социальная нейтральность неофициального буддизма вызывала их бурные протесты. Так, в указе государыни Гэнсё (715—724) осуждаются монахи, занятые схоластическими спорами о карме. «Главным они почитают святое учение, а не планы императора».

Говоря о монохромности изображения героев буддийских преданий, следует иметь в виду, что в «Нихон рёнки» и «Хокэ кэнки» есть несколько историй, в которых сделана попытка более разносторонне взглянуть на человека, представить его как единство качественно отличающихся свойств. В пятой истории 2-го свитка «Нихон рёнки», например, повествуется о том, как некий человек был призван царем страны мертвых Эммой за то, что он убивал быков, принося их в жертву «китайскому богу». Однако ему удалось избежать сурового приговора, поскольку он вовремя одумался и стал выкупать животных и отпускать их на волю. В этой истории, так же как и в других, ей подобных, более уместно видеть акцент, поставленный на чудодейственности праведности, компенсирующей даже злодейство. «Хоть я и использовал вещи храма себе на потребу, но дал обет переписать сутру и потому избежал мучений в преисподней». Вместе с тем в этих историях, несомненно, проводится мысль о тотальности воздаяния: «Верно говорю — добрые деяния приносят счастье, а злые — несчастье. Неизбежно воздаяние за добро и зло. Должно вершить добро, а зло — отринуть».

Для понимания психологического климата эпохи чрезвычайно большое значение имеют представления о рождении и смерти. В японском мифе, как и во всяком другом, более полно отражены сюжеты, касающиеся рождения. Боги рождаются из чресел, частей тела, испражнений, священных предметов, воды и т. д. С появлением на свет связано множество эпизодов «чудесного рождения». Повышенное внимание мифа именно к рождению неудивительно — ведь миф есть по преимуществу рассказ о происхождении мира. Синтоизм вообще больше интересуют начальные стадии явления, и вся система ритуально-магических действий направлена на воспроизведение начального миропорядка. Поэтому при контаминации синтоистских и буддийских сюжетов именно завязка сюжета содержит наиболее весомый субстрат синтоистских представлений. «Смерти» богов и их суще-

ствования после «смерти» мифы касаются гораздо меньше. Со сцены мифического действия боги уходят по-разному: одни — спокойно, другие — вызывая своей «смертью» космические катаклизмы. Вопрос о способе их существования после «смерти» в письменных текстах попросту не встает, что, однако, отнюдь не избавляет адептов от необходимости совершения коллективных молений, ставивших своей целью заручиться помощью предков для обеспечения благополучия рода и общины.

Смерть государя осмысливалась как процесс космический. Занятие престола описывается как нисхождение с неба, смерть — как восхождение на небо. В поэтической антологии «Манъёсю» (середина VIII в.) о восхождении на престол и смерти государя говорится так:

Он во временный дворец
К нам сошел тогда с небес
Поднебесной управлять...

Он возвел себе чертог
На извечных небесах.

(Перевод А. Е. Глускиной).

При этом смерть государя, наделенного постоянным солярным эпитетом «небесноносящий», воспринимается как потеря солнечного света и перерыв во времени — поданные перестают различать «день и ночь». Как перерыв во времени выглядит и обычай прекращать все государственные дела во время траура. Считалось, что государь скрывается в пещере, что находит буквальное соответствие в знаменитом мифе о сокрытии богини солнца Аматэрасу в небесном гроте — мифе о ее временной «смерти», когда весь мир погрузился во мрак до тех пор, пока богиню не удалось выманить оттуда.

Буддизм принес мало существенного в осмысление японцами мотива рождения. Немногочисленные буддийские легенды, в которых присутствует мотив «чудесного рождения», в большинстве случаев самым непосредственным образом связаны с синтоистскими представлениями. Вклад буддизма в концепцию смерти намного весомее — он заключается в привнесении этической идеи посмертного воздаяния в соответствии с земными преступлениями и добродетелями. В «Нихон рёйки» воздаяние это проявляется по меньшей мере в двух видах: 1) перерождение на земле в той или иной ипостаси — человеческой или звериной и 2) мучениях (наслаждениях) грешников (праведников) в аду (раю) царства

мертвых Эммы, причем ад и рай локализируются где-то поблизости друг от друга. Адовы муки описаны несравненно подробнее, о рае упоминается лишь вскользь.

В «Одзё гокуракки» мы застаем концепцию посмертного существования уже в значительной степени трансформированной. Если в «Нихон рёнки» основной наградой за добродетельную жизнь служит вполне материальное благополучие, достигаемое в данном перерождении, то в «Одзё гокуракки» праведники разрывают цепь рождений и смертей и навсегда возносятся в Край Вечной Радости, который, правда, нигде не описывается. Эта функция возлагалась на иконографическую живопись.

В «Хокэ кэнки» встречаются оба типа воздаяния. Для Тингэна эта проблема не представляла самостоятельного интереса, так как для него был важен не столько конечный продукт усилий, сколько средство (т. е. «Сутра лотоса»), с помощью которого он достигался.

В общем и целом концепция смерти (посмертного воздаяния) в буддизме разработана намного полнее, нежели в синтоизме, что связано с общей религиозно-этической направленностью этого вероучения на сознательное целеполагание самосовершенствования человека. В синтоизме же любое божество (человек) является священным объектом поклонения для своих потомков вне зависимости от своих прижизненных заслуг, в силу своего физического существования, в силу того, что он непременно является чьим-то предком. Первоначальная недифференцированность рая и ада связана, по всей вероятности, с синтоистскими представлениями о единой стране предков, куда попадают все умершие. Возможно, что и акцент «Нихон рёнки» на прижизненном воздаянии связан, хотя бы отчасти, с «амортизирующим» воздействием синтоизма: тотальный перевод воздаяния в область посмертного существования означал бы слишком резкий отказ от традиционных представлений о предках-охранителях. Буддийская концепция смерти более дифференцирована и всеобъемлюща, ибо позволяет увидеть индивида не только как предка, но и в его социальном окружении.

Рождение и смерть можно рассматривать и в более широком контексте — трансформации героя вообще. Если для мифа характерно скачкообразное, ситуационное изменение физического облика божества, служащее знаком обратимого изменения качеств его поведения, то в буддийских легендах подвижничество ведет к преобра-

жению прежде всего духовному — благодаря своим добродетелям и духовному прозрению святой получает возможность творить чудеса, причем духовное совершенство отнюдь не обязательно сопровождается совершенством физическим. Так, в историях «Нихон рёнки» и «Хокэ кэнки», повествующих о деяниях царевича Сётоку, рассказывается о грязном и больном нищем, покинувшем чудесным образом гробницу, построенную для него по повелению царевича, который признал в нем человека необыкновенного. Кёкай заключает: «Там, где глазу простого смертного открывается лишь жалкое тело, святой своим провидящим оком распознает святого». В другой истории «Нихон рёнки» утверждается: «Нельзя гневаться на монаха, даже если он недостоин видом. Под недостойной наружностью может быть сокрыт святой». Духовное совершенство может укорениться в любом теле, а в убогом оно «смотрится» еще чудеснее.

Но, с другой стороны, подвижничество и праведность, равно как и злодеяния, могут приводить к выздоровлению и исправлению физических недостатков, а могут вызывать и увечья, которые, однако, не являются чем-то самодовлеющим, но служат лишь визуальным индикатором адекватности духа нормам учения Будды. Если в мифе физическая трансформация есть следствие прирожденной поливалентности, причем каждой из них соответствует определенный облик, то в религиозно-дидактической литературе она в какой-то степени подконтрольна осознанной деятельности индивида. Заметим при этом, что авторов «Одзё гокуракки» и «Хокэ кэнки» физическая трансформация героя занимает гораздо меньше, нежели Кёкая. Ясутанэ и Тингэн вообще пренебрегают телом — их герои умерщвляют плоть, ибо только ее **смерть** освобождает дух для истинного преобразования в раю. Духовное совершенство в этих памятниках внешне проявляется скорее не в облике, а в красоте голоса (особенно в «Хокэ кэнки») и может противопоставляться внешнему уродству.

Уже отмечалось, что буддийские легенды в средневековой Японии еще не успевают утратить связь с фольклором. В частности, заявляемый в начале сюжета «Нихон рёнки» дефицит нормы (увечность, болезнь, бедность и т. п.) соответствует мотиву «испытания героя», который в той или иной форме можно обнаружить практически в любом фольклорном произведении. После такого испытания кандидат в герои становится героем на-

стоящим. Но если в синтоистском фольклоре испытаниям подвергаются, как правило, физические кондиции или умственные способности, то в буддийских легендах проверяются глубина и безоглядность веры. В «Слове о ревностном переписывании „Сутры лотоса“ и о чуде дивном» «Нихон рёнки» повествуется о муже, благодаря жарким молитвам которого свиток сутры мог быть вложен в футляр, не подходивший ранее ему по размерам. Кёкай заключает: «Верно говорю — чудо явлено было сутрой всемогущей, а праведник тем самым веру свою испытал. Кто в том усомнится?»

Следует отметить, что в «Хокэ кэнки» до некоторой степени, в «Одзё гокуракки» в более полной мере мотивы испытания героя значительно переосмыслены. Это связано, по всей вероятности, с более «книжным» характером этих памятников. «Испытание героя» присутствует в них как испытание аскетическим монашеским бытом, одиночеством, т. е. полным отрешением от мира. Таким образом, обычно ограниченный во времени и навязанный внешними обстоятельствами акт испытания растягивается на всю жизнь, которую монах выбирает по собственной воле.

Персонажи буддийских легенд в отличие от героев мифа приобрели внутренние эмоции. В мифе определяющим является действие. «Жизнь» божества предстает не как целокупность внутренних состояний и поступков, но как непрерываемая последовательность действий. В легендах поступки героев всегда мотивированы — добрым или злым умыслом. Но сострадательность святого во многих случаях выглядит не как результат духовного опыта, но как органичное, природное свойство праведника. Так, о Гёги говорится: «Гёги оставил мирскую жизнь, отринув желания, распространял Закон и наставлял заблудших. С рождения его отличали светлый ум и премудрость. Сердцем он был бодхисаттва, а ликом — монах». Злодеями также рождаются: «В округе Хинэ земли Идзуми возле дороги жил вор. Он не был прямодушен от рождения. Он убивал, грабил и не верил в карму». Кёкай не смущают даже такие утверждения: «Ёкоэ-но-оми-Наритодзимэ жила в округе Кага земли Этидзэн. С самого рождения она была похотлива и любила мужчин без разбору». Святость святого как бы генетически запрограммирована, и чудеса с ним творятся с самого рождения, даже когда он не успел совершить подвига подвижничества. Так, святого Дзога, когда он

был младенцем, «обронили» на оживленной дороге, но копыта лошадей миновали его.

Эта органичность, предписанность поведения была близка и понятна как последователям буддизма, так и адептам синто. Врожденные свойства природы, понимаемые синтоизмом как воспроизведение свойств предка в потомках (например, когда божественная сила змея — бога грома переходит на его потомков, см. «Слово о мальчике силы необычайной, рожденном с помощью грома»), буддизм трактовал, прибегая к учению о карме, как соответствующее воздаяние за совершенные в прошлых рожденьях деяния. Таким образом, в синтоизме человек воспроизводит своих предков, а в буддизме он воспроизводит сам себя, причем характер самовоспроизведения находился в прямой зависимости от кармоформирующей сознательной деятельности человека. Вместе с тем необходимо отметить, что дурная натура всегда приобретает с рождением, а добрые свойства могут быть также и результатом личного духовного опыта индивида.

Приветствуемые легендами благодеяния можно с некоторой степенью условности разделить на этические («дело») и ритуальные («слово»); под «словом» понимается любая сакрализованная речевая деятельность. Причем нетрудно заметить, что с течением времени «слово» (молитва, чтение сутр) все более эмансипируется от «дела» (благотворительности, заботы о ближнем и т. п.), подавляет его. В исторической перспективе это привело к утверждению, что для вознесения в Край Вечной Радости достаточно ограничиться единственной словесной формулой, восхваляющей Амиду. Самураям, жизнь проводившим в кровопролитии, и в голову не приходило, что их воинское занятие может противоречить учению Будды, ибо в их сознании окончательно произошел разрыв между «словом» сутр и «делом».

Персонажи легенд еще не умеют, как правило, оценить свои поступки. Такие оценки даются не ими самими и даже не окружающими их людьми, но прилагаются к внешней идеальной шкале. В «Нихон рёйки» оценка поведения определяется еще не столько саморефлексией, сколько набором визуальных поощрений — наказаний: болезнью, увечьем, богатством, долголетием и т. д., которые иногда становятся стимулом подобной рефлексии: «Увидев, к какому воздаянию привели его деяния (речь идет о прижизненном путешествии во дворец царя Эммы.— А. М.), он полюбил подавать милостыню».

В «Хокэ кэнки» часто, а в «Одзё гокуракки» всегда промежуточные поощрения ликвидируются ради достижения одной-единственной цели — вознесения в рай, для чего земная жизнь служит лишь предуготовлением. Недостаточная развитость способности к самоанализу, которому, однако, в громадной степени способствует практика исповеди, неизвестная синтоизму, приводит к «материализации» того, что в дальнейшем станет внутренними эмоциями: в «Нихон рёйки» почти никто из злодеев не мучается от осознания совершенного греха, но наказание тем не менее всегда настигает его. Собственно говоря, в буддийских легендах сам человек не может решить, праведен он или грешен. Отсюда — несколько неожиданное развитие сюжета, когда вдруг выясняется, что всеми признанный праведник не столь уж и безупречен. В повествовании «О настоятеле храма Тэнъодзи монахе Домэе» рассказывается, как другу досточтимого Домэя, уже покойного, во сне были открыты его грехи.

Д. С. Лихачев писал: «Чудо в житийной христианской литературе — сюжетная необходимость. Чудом заменяется психологическая мотивировка. Только чудо вносит движение в биографию святого»⁷. Так же обстоит дело и с буддийскими легендами — фиксации подлжит не норма, а чудо, и чудо становится нормой литературы. Нам представляется, что наиболее общей причиной «чуждести» средневековой литературы является ее идеальность в смысле идеальности конструируемых ею ситуаций, в которых отсекается слишком много реального, чтобы конфликты могли разрешаться обыденным образом.

Поощрения — наказания также даны через чудо. Не случайно поэтому, что наиболее часто употреблявшаяся Кёкаем финальная формула звучит так: «Такие вот чудеса». Необходимым условием чудесной награды является соединение сострадательности будды и праведности человека. В конце повествования о слепце, прозревшем благодаря своим молитвам, говорится: «Верно говорю — чудо случилось благодаря всемогуществу Каннон и глубокой вере слепого».

Всеблагие будды и бодхисаттвы могут выступать только как податели добра; добро персонифицируется в них, наказание же за преступления в одних случаях вы-

⁷ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М., 1970, с. 74.

носится Эммой, а в других (и их большинство) носит характер внезапного несчастья и ни с кем из буддийского пантеона не соотносится. В отличие от будд среди синтоистских божеств есть и божества-вредители, которых следует всячески остерегаться, ибо они способны на неспровоцированное злодейство.

Чудо — движущий мотив не только средневековой религиозной литературы. Мифы и героический эпос также полны необычайного и сверхъестественного. Чудеса там творят боги и богатыри. Но, во-первых, эти чудеса являются не столько нормой литературы, сколько нормой мифического времени, когда, согласно утверждению одного из источников, камни, деревья и травы умели разговаривать, и, во-вторых, лишены морализирующего начала — победителем выходит обычно сильный и хитрый. В буддийских преданиях мы не раз встречаемся с персонализированной борьбой добра и зла, и добро, соотнесенное с представлениями о социальной и личной гармонии, неизменно выходит победителем.

В средневековой религиозно-дидактической литературе мерилom человека становится интенсивность переживания им сакральных истин. Именно глубина переживания, а не беспомощная рассудочность служит безусловной целью верующего. «Есть люди ученые, но творят они недостойное. Они желают чужого и скупы своим». Лишь вера придает смысл и пользу всем человеческим деяниям.

В мифе же почти единственно возможной является характеристика героя через последовательность и интенсивность внутренне немотивированных действий (не случайно поэтому слово «затем» из всех употребляющихся временных понятий наиболее популярно), и физические кондиции, необходимые для выполнения этих действий (скорость, сила, ловкость и т. п.), имеют в мифе первостепенное значение. Свойства героев мифа определяются также в значительной степени набором тех предметов, которыми они обладают и за которые постоянно сражаются. Эти предметы неотделимы от тела божества — из меча и посоха они могут «производить» детей так же как из глаза или слюны. Буддийские статуи и сутры тоже творят чудеса, но не для тех, кто ими физически обладает, а для тех, кто поклоняется им с чистым сердцем.

Итак, в мифе основным моментом, конституирующим героя, являются его действия, поскольку мироустрои-

тельная цель героя всегда заключена не в нем самом, но вне его.

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что буддизм проник в области духовной культуры, синтоизмом еще не освоенные либо находящиеся еще в «подсознании» культуры («готовность», которую проявило японское общество к усвоению материковой культуры и цивилизации, заключается, возможно, именно в этом, а роль буддизма сводится к «проговариванию» подсознательных структур). Мифологическое объяснение человека как понятия родового дополняется буддийским объяснением человека как личности.

Буддийские легенды — это литература «нового поколения», важная для нас не только сама по себе, но значительная и как зеркало самопознания и средство психогенеза, осуществлявшегося в результате социального и личностного саморазвития человека. Концепция кармы, сочетающая в себе идею казуальности человеческих деяний с представлением о свободе воли и целеполагания, комплекс ритуальных и этических представлений, дающих возможность достичь личного спасения, постепенно подрывали традиционные представления о неизменной сущности человека, идеальным способом существования которой является следование дорогой предков. Недаром поэтому вся раннесинтоистская традиция ориентирована на мифологические нормы, на их сохранение.

Однако новизна буддийской литературы, и прежде всего «Нихон рёйки» как первого крупного самостоятельного памятника буддийской мысли в Японии, по своей значимости далеко превосходит достаточно широкие сами по себе рамки буддийского вероучения. В общекультурном смысле «Нихон рёйки» знаменует собой появление нового класса текстов, часть которых (в первую очередь предисловия, нравоучения, похвалы праведникам) с самого начала возникают как тексты письменные. Это указывает на принципиально немыслимую для раннего синтоизма возможность «свертывания» текста. Лингвистические данные подтверждают, что многие языковые способности определяются умением преобразовывать текст, главным образом перефразировать его. Для синтоизма такое преобразование еще невозможно. Не случайно поэтому, что даже в таком полемически заостренном произведении, как «Когосюи» (начало IX в.), его автор не оговаривает в приводимом им мифе сущест-

венные для него отличия хранимого его жреческим родом Имибэ текста от канонизированной версии мифа, но неизменно приводит миф полностью.

Все это не только открывает по сравнению с устной речевой деятельностью принципиально новые возможности в фиксации, хранении и распространении информации, но и делает возможными благодаря материализации слова операции с ним как с материальным объектом (ввиду отделения текста от его носителя — человека), что невероятно убыстряет развитие процесса понятийного мышления, т. е. мышления, манипулирующего словами вне конкретно обусловленной ситуации.

Ко времени появления «Нихон рёйки» в японском обществе уже созревает психологическая установка на «порождение» текстов. Синтоистская традиция с ее ориентацией на трансляцию продолжает сохранять большое значение, и эти тексты (мифологические, ритуальные), будучи частично зафиксированы письменно, прочно входят в генофонд культур. Однако все большую роль приобретает установка на создание новых текстов, без чего был бы немислим кумулятивный культурный взрыв, приведший в эпоху Хэйан к появлению огромного количества произведений самого различного содержания, некоторые авторы которых (например, писательницы-аристократки) совершенно сознательно выделяют себя из традиции.

* * *

В данной книге выбранные для перевода легенды разнесены по восьми рубрикам. Сознвая всю условность и несовершенство такого приема, мы тем не менее полагаем, что это позволит читателю более свободно ориентироваться в незнакомом для него материале и лучше представить себе сюжетную и хронологическую трансформацию тех или иных мотивов. В нашей выборке представлено 68 историй из «Нихон рёйки», 11 — из «Одзё гокуракки» и 38 — из «Хокэ кэнки». При определении целесообразности отбора переводчик старался, чтобы в книгу вошло наибольшее число типов преданий, с тем чтобы у читателя сформировалось адекватное представление о многообразии оригинала.

Перевод был выполнен по следующим изданиям: «Нихон рёйки» в серии «Нихон котэн бунгаку тайкэй», т. 70, Токио, изд-во «Иванами», 1974; «Одзё гокуракки» и «Хокэ кэнки» в серии «Нихон сисо тайкэй», т. 7, Токио, изд-во «Иванами», 1974.

Подвижники и кудесники

Слово о ревностном изучении Закона Будды, проповеди Учения на благо всеобщее и о чуде, явленном на смертном одре

Покойный монах Досё происходил из рода Фунэ, а родился он в земле Кавати. Государь отправил его изучать Закон Будды в великую страну Тан. Там он встретился с преподобномудрым Сюань-цзаном и выбрал его наставником. Сюань-цзан сказал ученикам: «Муж сей вернется на родину и многих учить будет. Отнеситесь к нему со вниманием и учите его как подобает».

Набравшись премудрости, Досё вернулся в Японию и построил храм Дзэнъиндзи. Его добродетели достигли несравнимого совершенства, а мудрость сияла как зеркало. Странствовал без усталы, повсюду об Ученик рассказывая и людей наставляя. Состарившись, он поселился в храме и растолковывал привезенные им сутры. Когда подошло время умирать, он омыл тело, переоделся в чистое и уселся прямо, лицом обратившись к западу. Сияние наполнило комнату. Он открыл глаза и спросил ученика Титё: «Ты видел сияние?» Тот ответил: «Да, видел». Досё строго-настрого велел о том помалкивать. Рано утром сияние покинуло комнату и осветило сосну в саду храма. Прошло еще немного времени, и сияние улетело на запад. Титё трепетал и удивлялся без меры. Повернувшись лицом к западу, Досё мирно скончался. Верно говорю — он переродился в Земле Пречистой.

В похвале говорится: «Добродетелен был Досё из рода Фунэ. Он отправился в далекую страну, дабы изучать Закон Будды. Это был святой, а не простой смертный. Он умер, окруженный сиянием».

Слово о чтении заклинаний «Будды Фазана», обретении в этой жизни сил чудотворных горного отшельника и о вознесении на небо

Э-но-Убасоко происходил из рода Камо-но-э-но-кими. Сейчас род зовется Така-камо-но-асоми. Э-но-Убасоко появился на свет в деревне Тихара, что в округе Кадзураки-но-ками земли Ямато. С детских лет он был первым в учении и жил с верой в Три Сокровища. Он мечтал летать на пятицветном облаке за краем необъятного неба, быть званым во дворец горных отшельников, отдыхать в саду вечности, нежиться среди цветов и дышать живительным воздухом. Поэтому на пятом десятке лет Э-но-Убасоко поселился в пещере, сплел одежду из трав, ел иголки сосновые, купался в источниках чистых, смывая с себя грязь мира желаний, и читал заклинания «Будды Фазана». Он слыл чудотворцем, повелевал духами и богами.

Однажды он призвал их всех и сказал: «Постройте мост в земле Ямато между горами Канэ и Кадзураки». Боги не знали, что им делать, и в те времена, когда государь Момму управлял Поднебесной из дворца Фудзивара, бог горы Кадзураки по имени Хитокото-ну-мномикото бесноваться стал и донес на отшельника: «Э-но-Убасоко государя свергнуть хочет». Государь повелел схватить отшельника, но тот сотворил чудо и скрылся. Тогда схватили его мать. Чтобы отпустили ее, Э-но-Убасоко себя выдал. Его сослали на остров Идзу.

Однажды Э-но-Убасоко прошел по морю, как посуху. Он всходил на высокую гору и летал там словно феникс. Днем волей государя он оставался на острове, а ночью летал на гору Фудзи в Суруга и там подвижничал. Чтобы вымолить прощение и вернуться в столицу, он взбирался на Фудзи по лезвию меча.

Три года минуло с тех пор, как Э-но-Убасоко сослали на остров. Государь сжалился над ним и простил в первой луне первого года эры Великого Сокровища, в год быка. Тогда отшельник приблизился к столице и вознесся.

Подданный нашего государя учитель Закона Досё по высочайшему повелению отправился в великую страну Тан, дабы изучать Закон Будды. Пятьсот тигров призвали его, и он дошел до земли Силла, чтобы рассказывать им в горах о «Сутре лотоса». Среди тигров оказался муж некий, по-японски говоривший. Досё спросил:

«Кто ты такой?» Тот ответил: «Я — Э-но-Убасоко». До сё подумал, что этот святой — из нашей страны, и спустился со своего высокого места, но тот уже исчез.

Э-но-Убасоко проклял бога Хитокото. Он не освобо­дился от заклятия до сих пор. Э-но-Убасоко много со­творил чудес — всех не перечесть. Верно говорю — Закон Будды творит чудеса. Подвижнику от тех чудес да воз­дастся.

**Слово о монахе, что совершал благодеяния,
вырезая статуи будд, и о чуде, случившемся с ним
в конце дней его**

Престарелого монаха Канки звали в миру Мимана­но-Кануки. Он родился в округе Нагуса земли Кию. С ранних лет полюбил Канки ваяние и преуспевал в учении, и люди слушались его. Канки кормил жену и де­тей землепашеством.

В деревне Ноо, что в округе Нагуса, стоял храм, по­строенный его предками. Он назывался Мироку, но лю­ди знали его как храм Ноо. Во времена правления го­сударя Сёму Канки принес обет — вырезать статуи Шакьямуни высотой в один дзё и шесть сяку вместе с сопровождающими его бодхисаттвами Мондзю и Фугэн. Во времена правления государя Конина в десятом году эры Драгоценной Черепахи, в год овцы, он закончил статуи, поместил их в золотой зал храма Ноо и освя­тил.

И снова Канки дал слово вырезать деревянную ста­тую одиннадцатиликой Каннон высотой в десять сяку, но сумел закончить работу только наполовину. Много лет провел он без помощников, стар стал и слаб и не мог в одиночку работать. Престарелый монах скончал­ся в своей постели, в храме Ноо, когда ему уже мину­ло восемьдесят лет. Это случилось во времена правле­ния государя Камму, что управлял восемью Большими Островами Японии из дворца Нагаока, весной первого года эры Вечного Здравствия, одиннадцатого дня вто­рой луны года свиньи. Но прошло два дня, Канки ожил, позвал ученика Мёки и сказал ему: «Я вернулся, ибо забыл предупредить тебя и молчания снести не мог». Он велел приготовить сиденье и еду. Канки пригласил Му­саси-но-сугури-Таримаро из числа прихожан, усадил его, и они разделили трапезу, сидя друг против друга. За-

тем Канки покинул свое место, вместе с Мёки и сородичами преклонил колени перед Таримаро и сказал: «Жизнь моя окончена. Умер я не ко времени, статую Каннон завершить не успев. Но судьба надо мною смилостивилась, и я могу передать свою последнюю волю. Нижайше прошу досточтимого Таримаро сжалиться надо мной и завершить священную статую. Если желание недостойного Канки исполнишь хотя бы наполовину, то в будущем рождении я обрету счастье, а ты совершишь дело доброе в жизни этой. Я не мог не высказать сокровенное желание и вернулся сюда, дабы сообщить свою недостойную просьбу. Со страхом и дрожью жду твоего ответа». Таримаро и Мёки запричитали, заплакали: «Обещаем непременно закончить работу». Обрадованный монах встал и возликовал.

Прошло еще два дня, и пятнадцатого дня той же луны он позвал Мёки и сказал: «Настал день, когда Будда достиг нирваны, и я тоже мир покину сегодня». Мёки хотел было сказать, что Канки не ошибся в дне, но из любви и жалости солгал: «Этот день еще не наступил». Монах попросил календарь и сказал: «Сегодня пятнадцатый день. Почему же, сын мой, ты обманываешь меня и говоришь, что этот день еще не наступил?» Он попросил теплой воды и омыл тело. Надевши чистое, он встал на колени и благоговейно сложил ладони. Потом внесли курительницу для благовоний, Канки зажег их и, повернувшись лицом на запад, скончался в час обезьяны. Ваятель Таримаро, выполняя завет Канки, вырезал статую одиннадцатиликой Каннон, освятил ее и совершил приношения. Теперь статуя находится в пагоде храма Ноо.

В похвале говорится: «Достоин восхищения высокодобродетельный монах Мимана-но-Кануки! Он таил в себе сердце святого, хотя на лицо был как все. Он жил в миру и касался грязи дел мирских, но драгоценный камень заповедей не запятнал. Он умер лицом к западу, и его дух достиг удивительных высот. Верно говорю — он был святым, а не простым смертным».

О царевиче Сётоку

Царевич Сётоку был вторым сыном государя Ёмэя. Мать Сётоку, государыня, увидела во сне монаха в золотых одеждах. Тот сказал: «Хочу спасти тебя, а для

того поселюсь в твоей утробе». Государыня спросила: «Кто ты таков?» Монах отвечал: «Я — бодхисаттва Каннон. Дом мой — на западе». Государыня вопрошала: «Тело мое нечисто. Отчего же хочешь поселиться во мне?» Монах сказал: «Грязь мне не страшна. Важно сына родить». И тут возьми да и прыгни ей в самый рот.

Вот государыня проснулась и чувствует — что-то в горле застряло. Тут она и поняла, что забеременела. Была она еще на восьмом месяце, а люди вокруг уже слышали, как сыночек у нее в животе разговаривает. А когда он родился, тут же произошло сияние красное и желтое, двинулось к западу и осветило покой дворца.

Только что родился Сётоку, а говорил складно и ходил ладно. Когда нашему государю из страны Пэкче сутры преподнесли, Сётоку спросил почтительно: «Можно я буду читать их?» Государь удивился и спросил: «Зачем тебе?» Тот отвечал: «Давным-давно родился я в Китае и прожил в Наньюе многие годы. Там изучал я книги Будды».

В то время Сётоку исполнилось шесть лет. Тело его благоухало. Кому посчастливилось приласкать его, пропитывался чудесным ароматом на многие месяцы.

Как-то прибыл ко двору Ильна из страны Пэкче. Он излучал сияние. Вместе с другими детьми Сётоку незаметно пробрался в залу. Ильна заметил его и сказал: «Этот мальчик — не от мира сего». Сётоку в недоумении скрылся. Ильна разулся и бросился за ним. Сётоку сначала затаился, потом переоделся и вышел к гостю. Ильна принес извинения, почтительно пал ниц и произнес: «Благоговейно склоняюсь перед бодхисаттвой Каннон, над Японией светильник учения Будды поднявшим». Сётоку как ни в чем не бывало поблагодарил его. Тут Ильна телом испустил сияние яркое. Тогда Сётоку испустил сияние бровями. Свет слепил, как солнце. Вокруг говорили: «Ильна — святой. Когда Сётоку родился в Китае, он был его учеником. Ежечасно поклоняется он Дайнити и оттого телом излучает сияние».

Государыня Суйко сделала Сётоку своим наследником и все дела доверила. В те дни, когда Сётоку просителей принимал, восемь мужей говорили разом о делах, ждущих решения. Сётоку же каждому отвечал вразумительно. Оттого от министра и ниже звали его Восьмиухим.

Как-то прибыл ко двору монах Хйеча из страны Когурё. Был он начитан и в книгах Будды, и кроме них. Особенно же в учении Будды был сведущ. Сётоку спрашивал его с пристрастием. Говорил: «В таком-то месте „Сутры лотоса“ пропущен один знак». Монах отвечал: «А в сутрах, что мне довелось видеть в других странах, этого знака нет». Сётоку сказал: «А в сутре, что я читал давным-давно, знак этот был». Монах спросил: «А где та сутра?» Сётоку улыбнулся и ответил: «В храме, что в Наньюе». Из числа министров указал на Оно Имоко и велел отправляться в Китай: «Доставь сутру из пагоды Банжо в Наньюе — я читал ее в прошлом рождении. На той горе живут три престарелых монаха — вместе с ними я постигал Закон. Преподнеси каждому монашеское одеяние». С этим напутствием Имоко отправился за море, добрался до Наньюе и передал монахам слова Сётоку. Монахи исторгли вопль радости и велели послушнику принести лаковую шкатулку, где хранилась сутра. С ней Имоко вернулся на родину. Сётоку сказал: «Это не та сутра, что я читал в прошлом рождении».

Возле дворца Сётоку стоял храм, называвшийся Дворцом Снов. В первой луне, трижды омыв ш, Сётоку вошел в храм. Думал — посмотрю толкования к сутрам, и тогда увидят, кто прав. С тем и вошел. Там был муж в золотых одеждах — он пришел с востока и речи говорил премудрые. Сётоку затворился в храме на семь дней, семь ночей. Люди тому дивились. Хйеча сказал: «Сётоку предается созерцанию. Беспokoиться нечего». Утром восьмого дня на столике перед Сётоку появился свиток. Сётоку позвал Хйеча и сказал: «Вот сутра, что я читал в прошлом рождении. Вот он, этот свиток. Имоко же доставил в прошлом году сутру моего ученика». — «На сей раз мне служил дух», — сказал Сётоку, указывая на недостающий знак. Монах был много удивлен. Ведь в сутре, доставленной Имоко ранее, знака этого не было. Уже после того как Сётоку скончался, его сын Ямасиро-но-Оэ шесть раз в день продолжал поклоняться этой сутре. И вдруг двадцать третьего дня десятой луны сутра исчезла неизвестно куда. Сутру, что хранится теперь в храме Хорюдзи, привез Имоко.

Сётоку составил «Установления о семнадцати статьях», переписал набело и подал государыне Суйко. Вся Поднебесная ликовала.

Как-то государыня призвала Сётоку и велела ему три

дня толковать «Сутру о царице Сёман». Сётоку облачился в монашеские одежды, взошел на место проповедника и гляделся настоящим монахом. В ночь, когда он закончил читать проповедь, с неба стали падать цветы лотоса длиною в два и в три сяку. Наутро их преподнесли государыне. Она много поразилась. А поскольку гадание показало то место счастливым, там поставили храм. Назвали его Татибана.

Еще государыня повелела Сётоку семь дней толковать «Сутру лотоса» и пожаловала ему триста тё заливных земель в земле Харима. А Сётоку даровал их храму Хорюдзи.

Как-то раз Сётоку велел подать ему паланкин и отправился проверить, как движется строительство одной гробницы. На обратном пути повстречался ему нищий. Он валялся на обочине. Сётоку сошел на землю, подошел к нищему и воскликнул: «Как мне жаль его, как жаль!» Сняв сине-алую свою накидку, он укрыл нищего и пропел:

Путнику жаль
Голодного да сирого,
Что лежит
В горах Катаока.
Был прямее бамбука,
А теперь склонился
Ивою плакучей.
Путнику жаль.

Нищий поднял голову и пропел в ответ:

Имя моего властелина
Забудут лишь тогда,
Когда воды реки Огава
Перестанут струиться.

Когда Сётоку вернулся во дворец, он отправил посыльного, дабы тот присмотрел за нищим. Но он уже умер. Сётоку опечалился и пышно похоронил его. Великий министр Умако-но-сукунэ и другие придворные остались тем недовольны. Сётоку прознал про это, недовольных призвал и повелел: «Откройте гробницу и убедитесь — то был святой».

Услышав повеление, Великий министр Умако отправился туда и не обнаружил останков. Гроб благоухал, а приношения и шелка лежали на крышке гроба. Не было там только сине-алой накидки Сётоку. Умако не мог прийти в себя от изумления и с тех пор нахваливал Сётоку.

Супруга Сётоку принадлежала к роду Касивадэ. Сё-

гоку сказал ей: «Сделай так, как велю. Когда умру, пусть тебя похоронят вместе со мной». И еще сказал: «Тело мое прошло десятки рождений, и всегда я прилеплялся к Учению Будды. Теперь я стал наследником в этом царстве невеликом и проповедую мудрость Учения здесь. Но нет мне радости жить в нынешний век упадка Учения».

Царевна закрылась рукавом и зарыдала. И еще рек: «Умру сегодня ночью. Хочу оставить этот мир вместе с тобой».

Сётоку омыл тело и облачился в одежды новые. Царевна тоже омылась и, сменив одежды, легла возле Сётоку. На следующее утро Сётоку и царевна не вышли из опочивальни. Открыли двери — а они скончались. И было тогда Сётоку сорок девять лет. Все в Поднебесной — и старые и малые — горевали, как если бы прощались с любимым сыном или как если бы хоронили родного отца. Рыдания заполнили доли и веси. Люди причитали: «Закатилось солнышко, померкла луна, пошатнулся свод небесный, расколосась земля. Теперь навсегда остались мы без опоры».

Когда хоронили Сётоку с царевной, они были словно живые, а тела их благоухали. Когда подняли их, они были легче шелка тонкого.

Услышав про смерть Сётоку, Хйеча из страны Когурё горевать стал и обет принес: «Сётоку из страны Японии и вправду святой был. Хоть я и из другой земли, сердце мое там, за морем. К чему мне одному жить на этом свете? Уж лучше я умру в тот же день, что и Сётоку, и встречу с ним в Пречистой Земле».

И на следующий год, двадцать второго дня второй луны, день в день в годовщину смерти Сётоку, монах скончался. Вышло, как он и обещал.

О бодхисаттве Гёги

Бодхисаттва Гёги вышел из рода Коси. Он родился в округе Отори земли Идзуми. Когда Гёги покинул материнскую утробу, он был завернут в послед. Мать с отцом испугались и посадили его на развилку дерева. Прошла ночь, и они увидели, что мальчик сбросил послед и бойко говорит. Родители спустили его на землю и выкормили.

Сызмальства Гёги нахваливал Учение Будды сосед-

ским ребятишкам. Подпаски оставляли лошадей, коров и вместе с другими слугами сходились сотнями, дабы его послушать. Когда же хозяину нужны были его лошади или коровы и он посылал за ними мужа или жену, старого или малого, то и они сами, заслышав благородный голос, про скотину не спрашивали, плакали, а вернуться забывали. Гёги же взбирался на высокое место, звал эту лошадь или ту корову, и они сами шли на его голос. Хозяева разбирали каждый свое и расходились.

Гёги покинул родительский дом и стал монахом в храме Якусидзи. Он читал «Шастру мудрости йогов» и овладел истиной. Гёги без усталости бродил с места на место и толковал с людьми о спасении Учением Будды. Монахи и миряне числом более тысячи в тоске по Краю Вечной Радости последовали за Гёги. Где он бродил — там они и ночевали. Опустели гавани, а на полях не стало землепашцев. Мужья и жены, старые и малые выбрасывали мотыги, оставляли ткацкие станки и теснили один другого, дабы поклониться Гёги, а он как мог утешал и наставлял их. От зла отвращал, к добру направлял. Он отправлялся туда, где в том была нужда, наводил переправы и мостил дороги. Он пахал землю и сеял, а чтобы воду воедино собрать, копал канавы и пруды, строил плотины. Слышавшие о том собирались к нему, дабы приумножить свои благодеяния, и вскоре добивались того. И сегодня люди те дары пользуют.

В Киное Гёги поставил сорок девять храмов, а еще есть и в других местах.

Бродил он по разным землям и попал как-то в родную деревню. Тамошние жители от мала до велика собрались у пруда, ловили рыбу и поедали ее. Когда Гёги проходил мимо, юная грешница из шалости дала ему несколько кусков рыбы. Святой проглотил их и тут же выплюнул — кусочки сложились в рыбешку. Люди во круг затряслись от страха.

Государь Сёму всем сердцем любил Гёги и повелел ему быть патриархом. Тогда Тико подумал: «Я — великий монах многомудрый, а Гёги — низкоумный послушник. Отчего же государь пренебрегает мною и жалуется Гёги?» Затаив против государя злобу, он укрылся в горном храме.

Тут Тико умер. Согласно его воле хоронить его не стали, и через десять дней он ожил. Ученикам он рассказывал: «Прибежали посольные от царя Эммы и по-

ташили меня. Посреди дороги стоял золотой дворец. Он был высок и велик, сиял и светился. Я спросил посыльных, что это за дворец. Они ответили, что здесь возродится бодхисаттва Гёги. Снова пошли и увидели вдалеке небо в дыму и пламени. Снова спросил, где я. Посыльные отвечали: „А там преисподняя, куда ты провалишься“. Наконец пришли. Царь Эмма стал браниться: „Проживая в стране Японии, как посмел ты в сердце своем затаить злобу и ненависть против бодхисаттвы Гёги? В наказание за твой грех я и призвал тебя“. И заставил тогда обнимать раскаленный медный столб до тех пор, покауда мясо не выгорело и кости не рассыпались. А как искупил грехи, Эмма меня отпустил и велел домой возвращаться».

Воскрес Тико и решил восславить Гёги. Он тогда пребывал в земле Сэцу и наводил переправу через бухту в Нанива. Только Тико пришел туда, а Гёги уже понял, что у него на сердце, и улыбнулся. Тико почтительно распростерся, заплакал и покаялся.

Когда Сёму кончил строить храм Тодайдзи, он велел Гёги: «Храм нужно освятить. Ты будешь читать молитвы». Гёги почтительно отвечал: «Негоже мне читать сутры на великие праздники. Пусть придет заморский святой». Когда настал нужный день, Гёги доносил: «Сегодня прибудет заморский святой».

Государь повелел Гёги: «Возьмешь сотню монахов и чиновников из Ведомства по управлению, Приказа по монахам и чужеземцам и Управления музыки. Направьтесь в гавань Нанива и устройте там на берегу встречу с пением». Гёги встал последним среди монахов, возжег благовония в сосуде для приношений, поставил туда цветы и пустил по волнам. Сосуд сам собой поплыл к западу. Через какое-то время взглянули на запад — оттуда плыла лодка. Когда она приблизилась, увидели — перед нею в целости и сохранности плывет сосуд. Лодка пристала, и из нее спустился на берег индийский монах. Гёги подал ему руку, улыбнулся и пропел ему по-японски:

И если сотворишь молитву
На дивной горе,
Где глаголил Будда,
Вечная истина безмолвно
Заполнит тебя.

Чужеземный святой согласно откликнулся:

Мы вместе молились
На родине Будды

В Капилавасту,
И лик Манджушри
Был явлен нам.

Гёги сказал монахам и мирянам: «Святой чужеземец — это брахман из южной страны Индии, и звать его Ботэй». Люди же, там бывшие, уразумели, что Гёги — воплощение Манджушри.

Не хватит времени, чтобы описать другие чудеса. Гёги скончался второго дня второй луны первого года эры Небесного Спокойствия и Несравненного Сокровища. Лет тогда ему было восемьдесят.

О монахе с горы Ёсино

Монах Гиэй обошел многие горы, постигая Учение Будды. От гор Кумано он отправился в Оминэ, а оттуда к горе Митакэ. По пути туда он заблудился и не знал, куда дальше идти. Пробовал и так и этак, но взобраться на вершину не мог. На западном склоне горы пропасть была. Десять дней искал Гиэй дорогу, устал и измучился, призывал Будду и молился Трем Сокровищам, надеясь к людям выйти. Так плутал он, покуда не набрел на небольшую рощу. Там стоял новый и опрятный дом. Все в том доме — двери, окна, крыша, — да и все вокруг было устроено с красотою и тщанием великим. Сад был обширен и посыпан белым песком. И росли там деревья, цветущие и плодоносящие, фрукты диковинные и травы невиданные. Огляделся Гиэй, обрадовался и уселся недвижно, смирив дыхание. Потом приблизился к дому и увидел монаха. Лет ему на вид было чуть больше двадцати.

Монах сидел прямо и достойно, читая «Сутру лотоса». Голос его был глубок и силен, напоминая игру на кото. Окончив читать один свиток, монах клал его на стол, а тот, подпрыгивая, свертывался сам собой, завязывался тесемкой и снова на стол ложился. Так свертывался свиток за свитком, пока наконец монах сутру не дочел. Сотворив молитву, монах поднялся и вышел в сад. Увидев Гиэя, он спросил в великом изумлении: «С давних пор никто не приходил сюда. Место это сокрыто горами, и пропасть лежит на пути. Даже щебетание птиц сюда не доносится. Как ты сюда попал?»

Гиэй рассказал без утайки, как плутал он в горах. Услышав про его злоключения, монах пригласил Гиэя в дом, посадил и накормил.

Красивейшие юноши накрыли изысканный стол. Много там было разных диковинок. Гизэй спросил: «Как долго ты живешь в горах? И как случилось, что ты очутился здесь?» Монах отвечал: «Живу я здесь уж больше восьмидесяти лет, а раньше был я учеником Гикэя в Восточной пагоде на горе Хизэй. За малую провинность наставник выбрал меня и наказал. Я же, дурак, разозлился и ушел навсегда. Я брел куда глаза глядят. Так я и провел в скитаниях лучшие юные годы. Ближе к старости решил с этой горы никуда не уходить и уже много лет дожидаюсь здесь смерти». Гизэй его выслушал и еще более утвердился в мысли, что монах тот — человек непростой. Спросил: «Нет вокруг следов человека — так откуда взялись юноши, прислуживающие тебе? Или глаза мои обманывают меня?» Монах отвечал: «Разве странно, что небожители помогают мне?» Гизэй спросил еще: «Лет тебе много, а ликом ты молод. Уж не колдун ли ты?» Монах отвечал: «Если хворый услышит „Сутру лотоса“, недуг его сгинет, и не будет он знать старости и не умрет — так что колдовства здесь нет».

Тут монах стал Гизэя поторапливать — чтобы уходил он поскорее. Гизэй же причитал: «В горах заплутался я, дорогу потерял. Тело и душа обессилели, ноги не ходят. Вытянулись тени, ночь близка. Отчего же гонишь меня?» Монах сказал: «Ты мне люб. Только место это не для людей, годы долгие никто сюда не приходил. Оттого и велю тебе уходить. Но если все же пожелаешь остаться на ночь, не шевелись и помалкивай, затаись».

Ночью вдруг задул ветер и сделалось страшно. Явились невиданные люди и звери — коровы с лошадиными мордами, олени с птичьими клювами. В саду на помост высокий легли цветы благоуханные, приношения, еда и питье, яства изысканные. Духи и звери попадали на землю и стали молиться. Потом разом молитву закончили и расселись. Кто-то сказал: «Странно. Человеком пахнет». Кто-то еще сказал: «Кто тут?» Монах же истово читал «Сутру лотоса», и так настал рассвет. Духи и звери, сотворив молитву горячую, исчезали один за другим. Гизэй спросил: «Откуда взялись духи и звери диковинные?» Монах отвечал: «Если читаешь „Сутру лотоса“, а людей вокруг нет, тогда собираются на голос небожители, драконы, демоны и духи».

Тут заспешил Гизэй обратно, да не знал, куда идти. Монах сказал: «Дам тебе провожатого, укажет он дорогу». Взял кувшин, поставил на изгородь. Кувшин —

прыг за изгородь и помчался. Гиэй пошел за ним и через час или два достиг вершины. Посмотрел с вершины вниз и увидел деревню. Тогда кувшин взмыл в небо и вернулся к хозяину.

Гиэй шел по деревне, плакал и рассказывал о монахе и кудеснике, сокрывшемся в горах. Люди же от его слов заливались слезами радости, и много было таких, кто сердцем прозрел.

О монахе Сьютё

Монах Сьютё был Буддой во плоти, а не простым смертным. Говорил сладкогласно, «Сутру лотоса» читал — заслушаешься. Внимали ему с затаенным дыханием, часы летели скорее, чем успеешь ложку до рта донести. Доброты был несказанной и всех жалел. Когда люди страдали, их болью болел, когда радовались — он тоже смеялся. Высокие рождением и власть имеющие, дети чиновников и придворных наперебой звали его читать сутры, и каждый хотел видеть его в своем доме. Сьютё бывал в цветущей столице и селах, стучался в дома высоких и низких, читал сутры и восхвалял Будду.

В граде престольном Хэйане святой видел темницы и прознал про мучения узников. Жалко ему их стало. Возжелал он облегчить участь несчастных, посеяв в их сердцах семена Учения. Принеся обет такой, задумал семь раз в темницу войти и читать узникам «Сутру лотоса». Так он решил, отправился в дом знатный, схватил там кувшин серебряный, ссыпал в него фигурки для игры в сугуроку и убежал. Сьютё схватили и посадили в темницу. Тотчас же святой стал читать «Сутру лотоса». Голос его слышался высоко и далеко — словно колокол. Преступники молились в умилении, плакали — слезами обливались.

Из дворца весть о том передали Управителю тюрем, а тот препоручил дело помощнику. Сьютё ни о чем спрашивать не стали, а высыпали ему розог.

И было Управителю тюрем видение: будто бы в темнице — сотни белых слонов, будто бы собрались толпы небесных защитников Закона и спрашивают Сьютё. И видел Управитель, как едет бодхисаттва Фугэн на белом слоне, испуская блеск и сияние. А в руках у него чашка с рисом, и направляется он к тюремным воротам. Спросил, отчего он здесь, а бодхисаттва отвечал, что

день каждый приходит сюда, дабы Сюнтё подаяние по-давать.

Подивившись такому знамению, Управитель темницу покинул. Еще приходил туда раз пять или шесть. Но ни разу не решился он поговорить с Сюнтё.

И тут власти постановили, что на Сюнтё вины нет. Решили, что он не злодей и не вор какой, и отпустили его без дальнейших объяснений. Он, однако же, сделал по-своему и снова своровал. Тогда приговорили его к отсечению обеих ног и каторжным работам. Порешив на том, чиновники отвели Сюнтё на пастбище Укон, где кормятся лошади, чтобы исполнить приговор. В это время святой Сюнтё возвысил голос и стал читать «Сутру лотоса». Шестнадцать чиновников, сердцами злые и неправедные, вдруг залились нежданнами слезами, поклонились святому и разбежались. Прознавшие о том приходили подивиться, скованные кандалами плакали от умиления.

Управителю снова сон привиделся. Будто бы спустился с неба отрок и повелел: «Дабы освободить святого Сюнтё и других узников, должен ты семь раз сходить в темницу. Угодно то буддам, и так спасешь преступников».

А Сюнтё оставался на пастбище, да так и помер, до дому не дойдя. Череп его валялся там же и каждую ночь читал «Сутру лотоса». Кто слышал, дивился и благоговел. А один святой взял да и захоронил тот череп далеко в горах. С тех пор голос и не слышен стал.

Об отшельнике Есё из обители Ходо, что у Западной пагоды на горе Хиэй

Отшельник Есе происходил из рода Ки, что в земле Ното. Учителем его был монах Кудзицу из обители Сёрэнкэ. В третьем году эры Источника Радости он впервые взошел на гору Хиэй. Минуло ему тогда одиннадцать лет. Умом был крепок и, если раз слышал, как сутру толкуют, больше уже не спрашивал. «Сутру лотоса» помнил наизусть, предавался созерцанию. Суету мира не любил, любил созерцать. Сердцем был спокоен, к упрекам и похвалам равнодушен, радости и гневу не подвержен, в страстях обуздан. Спать он не спал и в постель отдыхать не ложился. Состраданием обширен — всех жалел. Увидит голого — отдаст одежду, увидит го-

лодного и изможденного — последнее изо рта вынет. Гниды и вши, комары и слепни тело его точили да сосали. Переписывал он «Сутру лотоса» и читал ее каждый день.

Взобрался Ёсё на гору Митакэ, ходил по хижинам отшельников. Поселился затворником при храме Мутадзи в южной столице Нара, стал в умение отшельников вникать. Для начала отказался от зерна и питался овощами, потом овощи оставил и ел только траву сладкую. Наконец есть-пить и вовсе бросил, позволяя себе лишь по зернышку риса в день. Наготу прикрывал ветками, пропитанием пренебрегал. О еде да одежде и думать забыл, сердцем устремляясь к Учению, просветления ожидая. Осенью первого года эры Вечной Радости Ёсё исчез, как дым, следов не оставив. Одежду нашли повешенной на сосновой ветке. В приложенной записке говорилось, что одежда отходит монаху Эммэю из храма Догэндзи. Эммэй одежду взял и плакал от горя не переставая. Искал он Ёсё и в горах, и в долинах, да так и не нашел.

Подвижник Онсин с горы Ёсино сказал ему: «Ёсё преобразился, мяса и крови теперь в нем нет, кости чудные, волосы дивные. Два крыла у него выросли, ими по бескрайнему небу порхает, словно единорог или же феникс. Частенько вижу я его у храма Рёмондзи на северной вершине».

Ёсё видели и на вершине Мацумото в Кумано, разговаривали с ним. Один монах затворился на время летних молений в Сё-но-Ивамуро. Сколько-то дней он не ел, а только «Сутру лотоса» читал. Пришел к нему послушник в голубых одеждах и принес белого риса. Монах рис съел, и сладок был он на вкус. Монах спросил послушника, откуда тот пришел. Он отвечал: «Я состоял послушником при учителе Энсае из обители Сэнко на горе Хиэй. Многие годы упражнялся он душою и телом и стал небожителем. Теперь Ёсё наставляет меня. Он-то и велел мне принести риса». Сказав так, послушник удалился.

В двадцать третьем году эры Вечной Радости на горе Митакэ Ёсё говорил одному монаху из храма Тодайдзи: «Больше пятидесяти лет живу я на этой горе, а самому мне минуло восемьдесят. Искусен стал и летаю, когда того захочу. Хочу — на небо поднимусь, а хочу — на землю спущусь без помехи. Всемогуша „Сутра лотоса“, и могу теперь Будду видеть, слышу его и сердцем

волен стал. Паству просветляю, людей наставляю, всех живущих выручаю».

Когда занемог отец Ёсё и стоял уже на пороге смерти, сказал он в отчаянии: «Много у меня детей, а Ёсё среди них — любимейший. Пусть сердцем почувет и придет свидеться со мной». Услышав его, Ёсё прилетел на крышу отчего дома, стал читать «Сутру лотоса». Люди выбежали поглядеть, в чем дело: голос слышно, а никого не видно. И сказал Ёсё отцу: «Отстал я от горестей этого мира и с людьми не бываю. Почтить твои седины прилетел я, „Сутру лотоса“ почитать, с тобой поговорить». И еще сказал: «Восемнадцатого дня этого месяца воскурите благовония, цветы по земле рассыпьте — ждите меня. Я спущусь на аромат благовоний, буду сутру читать, говорить об Учении. Благодеяния родительские грех забывать».

Старики рассказывают: «Всякий год в конце восьмой луны Ёсё появляется на горе Хиэй, слушает молитвы, поклоняется великому учителю Дзикаку. В другое время его на горе не бывает. Спрашивают его — отчего так? Он же отвечает: „Приношений паствы — сверх меры, обжигают они меня ледяным огнем, и не могу я вынести вони надушенных монахов“».

О святом Сэйку с горы Сёся, что в земле Харима

Святой Сэйку с горы Сёся родился в западной части стольного града Хэйана. Он происходил из рода Татибана. Когда Сэйку только появился на свет, его правая ладонь была крепко сжата. Родители разжали ее — там оказалась игла. Через три дня мальчик пропал. Стали искать его — он тихо сидел в саду и играл с цветами. С рождения и до самой смерти с губ Сэйку не сходила улыбка, а лицо сияло добротой. Говорил ласково, не сквернословил, а только твердил «Сутру лотоса» и ожидал милостей от Будды.

Бродил Сэйку по святым местам и построил себе хижину далеко в горах, куда люди не заходят и птицы не залетают. Многие дни провел он без пищи, к очагу не подходил, огня не разводил. Так и жил. Молитвы «Сутре лотоса» силы поддерживали, а упорство брэнное тело согревало.

Как-то раз отведал Сэйку во сне с изысканного стола. Проснулся и был сыт, а в зубах еда застряла. В дру-

гой раз из сутры высыпались чистые белые зерна риса. И еще видел во сне человека, оставившего что-то. Проснулся. Оказалось — снесь. А еще из сутры вываливались теплые лепешки вкуса несравненного — как сладкая небесная роса. Сэйку растолстел и упитанностью превосходил людей влиятельных.

В промозглую ночь продрог Сэйку в своих лохмотьях, и тело стало как льдышка, а он терпел и читал сутру. Тут с потолка упал ватный халат, и Сэйку смог прикрыть тело. Еще приходил невидимка и разговаривал с ним. Был то Будда или бодхисаттва? Или появлялся слуга — он повиновался Сэйку. Был то небожитель или дракон? Столько с Сэйку чудес случилось — всех и не упомянуть.

Для своего спасения Сэйку сделал немало и спустился с гор к людям, дабы других спасти. Он переходил из храма в храм на горе Сёся. Послушать его приходили толпы монахов и мирян, людей высоких и низких. Таблички с именами прибывших высились горой, а приношения могли бы засыпать море. Кто видел это, думал, что встречают Будду, а кто слышал хоть слово из проповеди Сэйку, был уверен, что то сам Будда глаголет. Кому из даров доставалось хоть зернышко риса, радовался, как если бы в его руках оказались мощи Будды, кому доставался хоть клочок одежды, принимал его с благоговением, как если бы то была одежда самого Будды.

Бывший государь Кадзан дважды посещал гору Сёся. Во второй раз приезжал с монахом Энгэном. Тот запечатлел Сэйку во время вечерней молитвы. Когда Энгэн отложил в сторону кисть, содрогнулись горы, затряслась земля. Испугался Кадзан, задрожали и остальные. Сэйку же сказал: «Не бойтесь. Земля трясется оттого, что рисует меня монах алчный. И еще раз трести будет». И вправду — когда живописец работу закончил, земля и горы содрогнулись с силой. Кадзан упал и склонился перед Сэйку. Тут Сэйку почувал, что пришел его смертный час. Ушел он в свою келью и сел неподвижно, душа очистилась, и покой снизошел на него. Стал читать «Сутру лотоса», дыхание его прекратилось, и Сэйку скончался.

О святом Куватори из земли Этиго

Покуда святой Куватори в миру жил, мыслями был неправеден. И хоть взошли семена, посеянные в прошлых рожденьях, и он обрил голову и вступил на Путь, но был глуп и к учению негоден. Только почитывал изредка «Сутру лотоса» и ничего другого знать не хотел. Но потом, собравшись для веры с силами, зло отринул. С рассвета и до заката не расставался теперь с «Сутрой лотоса», а с наступлением сумерек и до утра читал ее. Когда только вступал он на Путь, Куватори смастерил статую Великого священного Будды высотой в пять или шесть дзё. Вставал перед ней и «Сутру лотоса» читал. Поэтому люди прозвали его Святым Великого Будды. Потом стал он жить на горе Куватори. Поэтому его называли Святым Куватори.

Жил он не как люди и молился не как другие. За пятнадцать дней до полнолуния Куватори затворялся и еды не ел, а из пятнадцати дней после полнолуния ел только дней пять или шесть. Так он всегда делал, и удивительно эго. Однажды взял Куватори с сотню горьких каштанов и первого дня десятой луны залез в землянку. Вышел оттуда в третьей луне на следующий год. Посмотрели, сколько у него каштанов — осталось половина.

Люди из Этиго, богатые и бедные, высокие и низкие, приходили ему поклониться, собирались, дабы сердцем просветлеть. Удивлялись они, как это святой столько дней без еды живет.

Жил тогда один смелый да удалой разбойник. И сказал он святому: «Люди все едою живы. Ежели не пить, не есть, тут и помрешь. Как же так? Ты схоронишься и не ешь и десять дней, и двадцать. Чудеса, да и только. А можешь ты так — ничего не есть и сутру читать?» Святой отвечал: «Будь по-твоему. Приходи, и сделаем, как ты того хочешь. Ничем меня не испугать». И святой удалился в уединенную хижину. Удалой разбойник дверь затворил крепко-накрепко и ушел. Святой был там три луны кряду, не ел, не пил и на волю не выглядывал. Не испражнялся, а только сутру читал не смолкая. Три луны миновало. Разбойник пришел, запер отпер, дверь отворил. Видит: святой жив-здоров, улыбается. Тогда слава Куватори еще приумножилась. Кто видел его, ладони почтительно складывал и на землю падал, дивился.

Когда же настал его смертный час, Куватори учени-

кам да и скажи: «Умру я тринадцатого дня этой луны. Грех великий на вас будет, ежели потащите в горы хоронить тело мое смердящее. Хочу умереть, вам хлопот не причиняя». Собрал хворосту побольше, на него залез, костер запалил и сжег себя, «Сутру лотоса» читая, телом не извиваясь. Так и исчез вместе с дымом.

О монахе Коку

Монах Коку родился в земле Оми, а жил при храме Консэджи. Голос его был красив и чист, словно колокольчик. Коку читал «Сутру лотоса» и подвижничал долгие годы.

Муж по имени Хиракими служил по военному ведомству. Он приходился близким родственником мятежнику Масакадо и отличался нравом злым и жестоким. Он привязался к Коку и оставил его жить в своем доме.

Только прошло сколько-то лет, и он обвинил монаха в сожительстве со своей женой. Ему так ложно донес слуга. Услышав его слова, Хиракими возненавидел монаха и задумал месть. Схватил Коку и потащил его далеко в горы. Скрутив его, привязал к дереву и велел выпустить стрелу ему в живот, а она ударилась о тело, согнулась и упала на землю. Монах же разом догадался: судьба его такова, что напрасно должен он претерпеть, и стал тогда читать «Сутру лотоса» зычно и с достоинством. Стреляли раз пять или шесть, но стрелы все гнулись и падали. Поначалу стрелял слуга, а потом Хиракими взял лук сам, да только со всеми стрелами случилось то же, что и с первой. Всего же он выпустил двадцать девять стрел — и все без толку.

Тут оторопь взяла Хиракими, развязал он монаха и стал молить о прощении: «Грех великий взял я на душу и зряшно глумился над тобой, святым. Отныне не задумаю я против тебя дурное» — так он каялся и плакал. Потом они возвратились домой.

В ту ночь Хиракими привиделся во сне бодхисаттва Фугэн в золотых одеждах и верхом на белом слоне. У бодхисаттвы из живота торчали стрелы. Хиракими спросил: «Отчего живот твой утыкан стрелами?» Бодхисаттва отвечал: «Вчера ты ни за что ни про что хотел убить монаха. Вместо него я подставил свое тело стрелам».

Хиракими проснулся трепещущим от страха. Пошел

к Коку, заплакал и покаялся, потом рассказал обо всем слуге. Минуло дня два или же три, и монах в глубоком отрешении от мира, читая сутру и молясь, ночью навсегда покинул дом. Бодхисаттва Фугэн сказал Хиракими во сне: «Эти годы ты совершал мне приношения. Благодеяние должно бы спасти тебя, да только ты хотел подло убить меня. Будда глаголет: „Видишь зло — удались скорее, видишь добро — скорее приблизься“. Поэтому я и уйду отсюда и навечно пребуду от тебя вдалеке».

Хиракими испугался сна. Пошел к монаху, а он ушел неизвестно куда. Хиракими плакал и горевал отчаянно.

О монахе Сайэне

Сайэн был монахом в храме Тодзи, а родился он в земле Суо. С детских лет читал он «Сутру лотоса» и от своего обычая не отступался. Достигнув зрелых лет, вернулся на родину и поселился в горном храме Мии, что в округе Куга. Статуя Каннон из того храма славилась чудесами. Сайэн сколько-то лет прожил в храме, проводя дни в чтении «Сутры лотоса», совершая приношения благовониями и цветами.

Случилось так, что выпал глубокий снег, многие дни люди не могли добраться до храма, и Сайэн чуть не умер с голоду. Но он читал «Сутру лотоса», страдания превозмогая. Как-то утром Сайэн выглянул в сад — там валялась туша оленя, задранного волком. Монах отрезал кусок мяса и съел его, продлив тем самым свою жизнь. Принес на алтарь цветы и продолжал читать «Сутру лотоса».

Прошло дня два или три. Сайэн готовил оленину. Из села пришел некий муж, и монах застыдился, что он ест скоромное. Человек тот заглянул в котел — там варились дубовые поленья. Гость удивился и спросил, зачем монаху это. Монах же подумал: «Не бывало еще такого, чтобы мясо превращалось в деревяшку». И рассказал все как есть. Селянин закричал от радости, расчувствовался и сказал: «Сострадание Каннон и сила молитвы сотворили чудо сие».

Монах между тем взглянул на статую Каннон: бок у нее разодран и из него вырван кусок. Тогда его осенило: ведь Каннон превратила себя в оленя, дабы накормить его. Посмотрел монах на Каннон и еще более ук-

репился в вере, все свои силы без остатка отдав молитве Каннон и чтению «Сутры лотоса».

Сайэн много еще сотворил чудес — обо всех и не рассказать.

О святом Дзога с горы Тоно

Святой Дзога родился в стольном граде Хэйане. Немного времени прошло с тех пор, как он появился на свет, а родители уже отправились по делам в Бандо. Укрепили на лошади нечто вроде паланкина, посадили в него кормилицу с младенцем, да так и путешествовали. Родители с кормилицей ехали впереди поезда. Уже стуснулись сумерки. Кормилица возьми да и засни. Младенец с рук и скатился. Проехали уже немало. Кормилица глаза открыла — младенца нет как нет. Испугалась, ужаснулась, отцу с матерью сказала. Родители ее слова услышали, в голос закричали, заплакали: «Многие коровы, лошади и люди прошли по той дороге и, верно, затоптали насмерть нашего сыночка. Однако же хотим его увидеть хотя бы и мертвым и потому возвращаемся».

Поехали обратно. Видят — сын их лежит в ложбинке на камне посреди пыльной и узкой дороги. Лежит да в небо глядит, улыбается без заботы. Грязь к нему не пристала, на тельце — ни царапинки. Родители, кормилица и люди чужие младенца на руки брали, не могли надивиться. В ту ночь видели отец с матерью во сне: камень в пыли, а на нем подушка, камнями расшитая, одежды небесные постелены. Поверх них младенец сидит, а по четырем углам стоят отроки небесные, ладони сложили благоговейно, приговаривают: «Родился ты из рта Будды, и оттого защитили мы тебя». Родители глаза открыли, не могли чудесам тем надивиться, а любви их родительской еще больше прибавило.

Мальчику минуло четыре года, когда он заговорил впервые. Сказал родителям: «Должен я на гору Хизй подняться, „Сутру лотоса“ читать, учиться дорогой Великой Колесницы идти, дабы дела святые перерыва не знали». Сказал так — и снова молчок. Отец с матерью очень тому удивились — отчего это сын их такое сказал? Может, дух в него вселился? Так они гадали, дрожа от страха. И видела добрая матушка во сне: держит она сына на руках и кормит грудью. Глядь — а он вдруг

обернулся монахом взрослым лет за тридцать, в руках сутру держит. Рядом мудрец стоит, отцу с матерью говорит: «Бояться нечего. Судьба сына вашего такова — быть ему святым». Проснулась мать, и паче прежнего уверовали они в сына.

Когда Дзога минуло десять лет, он взошел на гору Хиэй. Его взял в ученики настоятель школы Опоры Неба наместник Дзикэй. С тщанием читал Дзога «Сутру лотоса», с усердием вникая в истины явленные и сокрытые. Преуспел он в созерцании, учение Великой Колесницы постигнул. С толком спрашивал, с толком и отвечал, словно Касэн в последние дни свои. Просветление и озарение приходили к нему, словно Кусё был ему отцом. Каждодневно без изъятия прочитывал он по разу, «Сутру лотоса» и три раза на дню в грехах каялся. Молитвы творил частые, как того предписывает Учение явное и Учение тайное. Людей наставлять не любил, славу с выгодой отринул. Одно у него было желание — от мира убежать и спрятаться.

Прежний государь Рэйдзэй призвал Дзога к себе и велел ему молитвы читать оберегающие, а тот стал речи говорить безумные, телом двигать по-мерзкому, да так и ушел. Мать государя почтительно позвала его к себе, желая, дабы он был ее духовным наставником. Дзога же к ней вошел, стал ругаться словами непристойными, да так и ушел. Вот так силами всеми Дзога от мира отвращался.

Людную гору Хиэй покинув, от цветущей столицы подальше держась, взошел на гору Тоно, затворился там от глаз людских. Заповедей держался, помощи не искал. Так провел Дзога многие годы, четыре раза в году покаяние себе устраивал, на котором «Сутру лотоса» читал. Однажды явились ему во сне Хуэй-сы и Чжи-и, погладили по голове, сказали: «Как непорочен ты, сын Будды. Как упорен ты. Будды защищают тебя, бодхисаттва Фугэн оберегает». Дзога открыл глаза, в вере еще более укрепился, с еще большим усердием молитвам предаваясь. О делах мирских духи ему рассказывали, или же открывались они ему во сне. После того как укрылся Дзога на горе Тоно, он к людям больше не выходил, ни с кем ни слова не говорил и, временем дорожа, молитвам и священнодействию предавался.

Когда приблизился его последний срок, Дзога провидел свой смертный час за десять дней до кончины. Знал он, что в нравах этого мира о смерти сожалеть безмер-

но и жизнь оплакивать. А он улыбнулся, и радость его предела не знала.

Собрались вокруг Дзога монахи, стали причитать и плакать. Дзога же сказал им: «Мне, недостойному, много лет минуло, и долгие годы желал я скорее этот мир покинуть и вознестись в Край Вечной Радости. Утром исполнится сие. Радостно мне». Тут же стали службу служить, молитву Будде сотворяя. И еще разговор повели, смыслом глубокий. Стали песни Ямато распевать и другие гимны возглашать. Сам святой Дзога тоже песню пропел. Слова там были такие:

Долгие минули годы.
Радостно мне —
Так близко счастье,
Луною недоступной
Взошедшее над морем.

С радостью встретить свой смертный час — все равно что бедному богатым сделаться. Верно говорю — ежели жить по заповедям Будды и желания отринуть, тогда и смерть примешь с радостью, как если бы от недугов избавился.

Вот так и расстался Дзога с людьми и призрачным миром. Оставив людей, взошел он в келью чистую, сел на сиденье веревочное, «Сутру лотоса» стал читать, пальцы сложил как положено. Сидя так и скончался. Лет ему было больше восьмидесяти.

О настоятеле храма Тэнъодзи монахе Домэе

Домэй был старшим сыном советника Митицуна. Настоятель школы Опоры Неба патриарх Дзикэй взял его себе в ученики. Еще мальчиком взошел Домэй на гору Хиэй, дабы дорогой Будды стопы свои направить. Истоиво поклонялся он «Сутре лотоса», других занятий не придумывая. В год читал он по свитку и за восемь лет прочел всю сутру. Паломничал по всем святым местам и так подвижничал многие годы. Голос его приобрел благозвучие необычайное, и стоило ему рот открыть, как люди останавливались и радостно его перевозносили, хоть то была не музыка и не пение согласное.

Прорицатели указали, что место ему в храме Хориндзи, и Домэй там подвижничал. Иногда затворялся, а чаще вокруг бродил.

Один монах престарелый поселился в том же храме.

И видел он во сне: в саду храма и вокруг собралось мужей знатных и благородных видимо-невидимо. Ладони сложили благоговейно, кланялись, лицом к храму обратившись. Тут с южной стороны звуки какие-то послышались. Мужички в один голос возглаголили: «То боги земли родной — Митакэ, Кумано, Сумиёси и еще с ними сюда грядут, дабы „Сутру лотоса“ послушать».

Боги подошли, разом поклонились, стали слушать, как Домэй сутру читает. Сумиёси тут рек богу Мацуо: «Немало в Японии обожателей „Сутры лотоса“, а Домэй среди них — первый. Когда слушаю его, стихают страдания, добрых дел моих прибавляется. А посему ночь каждую прихожу сюда издалека». Мацуо отвечал: «Верно говоришь, верно. Место мое поближе будет, и потому прихожу сюда сутру слушать и днем, и ночью». Так они Домэя нахваливали с радостью, кланяться не забывая.

Монах глаза открыл и видит: Домэй с рвением, во весь голос читает в храме шестой свиток «Сутры лотоса». Монах тогда заплакал от умиления, с постели поднялся и молиться стал.

Жила-была одна жена. Вселился в нее злой дух, и сколько-то дней она бесновалась. Тут дух себя обнаружил и так сказал: «Я — муж твой. Не хочу я тебя мучить, но истязают меня так, что не стерпеть, и пришлось в тебя вселиться. При жизни любил я зло всякое, убивал и распутничал, вещи Будды себе брал — так я зло творил, ни единого благодеяния не свершив. После смерти провалился в преисподнюю Аби и принял муки страшные, помощи ниоткуда не ожидая. Но вот отправился я вместе со святым Домэем в храм Хориндзи и слушал ночью, как он сутру читает. Внимал я его голосу благородному, дивному, и возрадовалось сердце мое. Сутру слушая, выхлопотал я себе облегчение в страданиях нескончаемых, послабление в муках получил и родился теперь змеем. Коли еще раз услышу сутру эту, с телом змея распрощаюсь, в ином обличье на свете появлюсь. Если же ты пойдешь к святому и умолишь ради меня сутру почитать, немочь твоя из тебя тут же и выйдет».

Жена тогда отправилась к Домэю и упросила сутру почитать. Дух тогда обнаружил себя словами: «Благостно мне, благостно. Снова слушаю, как святой сутру читает, и не будет у меня теперь шкуры змеиной и вознесусь». После того жену свою мучить перестал. Так святой духов изгонял не раз и не два.

Вот Домэю срок жизни на земле вышел, и переселился он в мир иной. Остался у него друг старинный. Еще при жизни Домэя принес он обет — вызнать, где после смерти Домэй обитать будет. Частенько так он думал: «И где теперь Домэй? Вознесла „Сутра лотоса“ его до Пречистой Земли или же нет? Дабы знать доподлинно, пусть истина мне во сне откроется». Гола два или три дума эта не покидала его. И вот был ему сон: едет он возле пруда и цветут в нем пышно лотосы голубые и желтые, красные и белые. И доносится голос, «Сутру лотоса» читающий. Прислушался — так ведь это Домэй. Обрадовался, с повозки слез, пригляделся — а Домэй на лодке по пруду разъезжает, сутру читает. Вот взял свисток в руки, на берег сошел. Голос его, сутру читающий, в десять раз окреп против прежнего и уж очень благозвучен был. Сказал Домэй: «Хоть и поклонялся я Будде, да плоть, язык и душу не неволил, заповедей не держался, сердцу повиновался, грех творя. Когда сделался настоятелем Тэнъодзи, вещи храма расточал. По грехам моим не мог я до Пречистой Земли вознестись. Но всемогуществом „Сутры лотоса“ от преисподней оборонился, духом голодным или же зверем не родился — тут живу, в пруду лотосовом, сутру почитываю, телом и сердцем не мучаюсь. Пройдет еще гола два или же три, грехи искупятся, и уж тогда вознесусь на небо Тосоцу. Обещания своего о себе дать знать не забыл, оттого тебе и явился». Сказав так, Домэй в лодку сел и от берега отчалил. Друг же его глаза открыл и слезами облился.

О монахе Синсэе

Синсэй был третьим сыном Ава-но-Такасина-но-махи-то-Канэхиро. Монах Каммё был его учителем. С юных лет прилепился Синсэй к Учению Будды. От рождения отличался он серьезностью и читал «Сутру лотоса».

Долгие гола провел Синсэй в затворничестве у водопада Тананами, что в округе Фунаи земли Танго, истово предаваясь там священнодействию и запоминая молитвы. Он стал мудр, как незамутненная вода, отражающая без изъятия, и преуспел в делах, словах и вере. Навсегда отринул он славу и блеск мира, всеми силами стремился к прозрению и читал «Сутру лотоса».

Как-то явился ему небесный отрок, сложил молит-

венно ладони и сказал: «Я пришел послушать, как ты читаешь „Сутру лотоса“, и великое понимание озарило меня. От губ твоих, читающих сутру, исходит чудесный аромат цветов мелии». Так он хвалил Синсэя и слушал его.

И вот, дабы исполнить свой сыновний долг, Синсэй спустился с гор в родную деревню и, как велели ему родители, отправился по делам в Ава. Когда он странствовал по земле Исэ, увидел, как многие поклоняются поганым богам. И тогда он подумал так: «Часто читал я „Сутру лотоса“, неисчислимы и несравненны принесенные ею благодеяния. Если же долго доведется мне жить среди людей, осквернюсь много и продолжу круговорот рождений и смертей. Пусть я умру поскорее, да не запачкаюсь». И выпил тогда ядовитой травы буси. Выпить-то выпил, да не умер. Только Синсэй не одумался. «Надо же, жив остался»,— жалел он, что трава не помогла, и съел теперь ядовитого гриба ватари. Съесть-то съел, да жив остался. Чудо это. Тогда Синсэя осенило, что поклоны «Сутре лотоса» силу имели и яд тот уничтожили, хоть и пил его. Недаром в сутре говорится: «Кто читает „Сутру лотоса“, того палкой не ударишь, мечом не зарубишь, ядом не опоишь».

И вот устал Синсэй и, притомившись телом и душою, как-то остановился на ночлег, а «Сутрой лотоса» взял да и пренебрег. В час быка привиделся ему сон. Будто бы пришел человек и ошеломил его, сказав: «Время настало для молитвы и очищения. Поднимайся скорее и читай сутру». Тот человек был бодхисаттвой Фугэн. Он пришел к Синсэю и испугал его, велел не мешкая встать с постели.

Пробудившись от сна, Синсэй уже не отступал от молитвы и читал «Сутру лотоса». Такие чудные сны видел он не раз.

Случился в Поднебесной мор. Захворали и Синсэй, и его родители. Они мучились от боли, и смерть уже стояла на пороге. И было Синсэю видение: духи пятицветные сбились вместе и бегом бежали на тот свет. Синсэй знал, что то были обожатели «Сутры лотоса». Потом их с того света отпустили, и они вернулись. Синсэй проснулся — хворь из него вышла. Он поглядел на отца с матерью — а они умерли. Синсэй заплакал и стал читать «Сутру лотоса», моля, чтобы родители воскресли. И привиделось ему: спустился с неба шестой свиток «Сутры лотоса». К нему была приложена грамота. В ней

говорилось: «Поскольку почтительный сын молит за отца с матерью, их жизни продлеваются и на сей раз они отпускаются». То писал царь Эмма.

Очнувшись, Синсэй день и ночь глядел на родителей, и тут они воскресли и стали рассказывать, как они гостили на том свете.

За свою жизнь Синсэй прочел «Сутру лотоса» десятки тысяч раз. Каждый день без изъятия читал он также «Сутру вечной жизни», «Малую сутру Амиды», «Заклипания великого Будды», «Заклипания бодхисаттвы, исполняющего желания», «Заклипания тысячерукой Каннон». Не сосчитать, сколько раз преуспел он в этом. Не вообразить, сколько раз будды защищали его. Будущие мудрецы да не усомнятся. В четвертом году эры Бесконечного Правления ему минуло семьдесят лет. Он еще с нами.

Об обожателе «Сутры лотоса» монахе Рэнсё

Рэнсё ушел из дому и стал монахом. Истово повторял он «Сутру лотоса», не давая себе роздыха ни когда он шел, ни когда стоял, ни днем, ни ночью. Всею душою следовал он этим Путем, и обширно было его страдание. Одежду отдавал другим и не жаловался на холод. Обед жертвовал людям и не брюзжал, что хочет пить и есть. Собирал вшей и блох и кормил своим телом. Не берегся от слепней и москитов, не страшился клещей и пиявок, потчужа их кровью своей. Когда в горах настало время для слепней и клещей, Рэнсё стал скармливать им свое мясо и кровь. Много собралось кровососов, и, когда они пожирали его тело, слепни откладывали в раны яйца. Монах мучился от боли, места укусов страшно вздулись, доставляя жуткие страдания. Люди вокруг говорили: «Нужно скорее унять боль и прижечь ранки. Если прижечь нужным снадобьем, личинки погибнут и ты поправишься».

Монах отвечал: «Не будет так! Если прижечь раны, слепни погибнут. Из-за ничтожной боли придется губить жизнь. Как не пожалеть их?!»

Из последних сил превозмогал Рэнсё страдания, читая «Сутру лотоса». И было ему видение. Будто бы явился монах благородной наружности и пел ему хвалу: «Ты — святой почтенный. Ты — монах добродетельный. Глубоко твое страдание. Укутавшись в плотные одежды

терпения и почитая „Сутру лотоса“, ты оберегаешь жизнь».

Тут монах погладил раны Рэнсё. Рэнсё пробудился, и боли не стало, раны на глазах затягивались, из них вылетали тысячи слепней и устремлялись в небо. Мучения Рэнсё стихли, душа и тело успокоились.

Святой всем сердцем желал переродиться в Краю Вечной Радости и читал «Сутру лотоса». Так обрел он просветление вечное.

О монахе Мёсё

Монах Мёсё родился в земле Синано и почитал «Сутру лотоса». Он был слеп на оба глаза и ничегошеньки не видел. Раз далеко в горах он с дороги сбился и пятнадцатого дня седьмой луны какого-то храма достиг. Тамшний монах слепого увидел, пожалел его и сказал: «Поживи в храме. Потом я отведу тебя в деревню. А сейчас у меня есть дела неотложные, но завтра же вернусь. Побудь пока здесь». Монах оставил Мёсё риса немного, а сам ушел. Слепой один остался, того монаха поджидая. Тот сказал, что придет скоро, сам же не возвращался. Прошло и две, и три луны, а его все не было. Мёсё же жил далеко в горах, в месте безлюдном, и где он есть — не знал. Дни его проходили в чтении «Сутры лотоса». Рукою же нащупывал и срывал траву да листочки помягче и тем жив был. В одиннадцатой луне выпал снег глубокий, так что наружу выйти нельзя стало. Время близилось с голоду помирать. Тогда Мёсё перед статуей Будды стал «Сутру лотоса» читать. И привиделось ему, будто бы монах престарелый говорит: «Не плачь. Я тебя охраню и пошлю плодов в пропитание».

Очнулся Мёсё, и тут поднялся страшный ветер, с корнем высоченные деревья выворачивал. Слепой монах от страха дрожал и молился истово. Когда ветер спал, он в сад вышел и наткнулся на поваленное грушевое дерево. Попробовал грушу — она оказалась как сладкая роса. Съел сколько-то и тем голод и жажду унял, в тело силы вернулись, и больше уж о еде не задумывался. Тогда он уразумел, что Три Сокровища над ним сжалились и от беды спасли, а небесные защитники Закона его насытили. Нарвал он груш и день каждый ими питался. Ветви дерева на дрова пошли — жег их в зимнюю стужу. Когда во второй луне следующего года жи-

тели деревни поднялись в горы и увидели слепого, очень они удивились. Мёсё рассказал им все как есть и спросил о судьбе монаха из этого храма. Жители отвечали: «Он скончался скоропостижно шестнадцатого дня седьмой луны прошлого года». Услышав их слова, Мёсё горевал и сокрушался без удержу.

Вместе с людьми отправился Мёсё в деревню. Именем «Сутры лотоса» чудеса творил: услышав голос его, «Сутру лотоса» читавший, больные да хворые болезнь прочь прогоняли. Услышав голос его, духи злобные сердцем просветлялись и безобразия свои навсегда оставляли. Если же солнце поля высушивало, то Мёсё сутру читал, и тогда откуда ни возьмись вода прибывать начинала, и с тех полей урожай брали богатый.

Так молился он, пока вдруг в одночасье не прозрел на оба глаза, и стал тогда Мёсё все вокруг видеть.

След прошлого

Слово о запоминании «Сутры лотоса» и о воздаянии в этой жизни

В округе Кадзураки-но-ками земли Ямато в давние времена жил-был обожатель «Сутры лотоса». Человек этот происходил из рода Тадзихи. С самого рождения он был крепок умом и к восьми годам мог прочитывать наизусть всю «Сутру лотоса», за вычетом одного иероглифа. Даже в двадцать лет он не мог запомнить его.

Как-то раз обожатель стал каяться в грехах перед статуей Каннон, и было ему видение. Явился муж некий и сказал: «В прошлом рождении ты был сыном Кусакабэ-но-Сару из округи Вакэ земли Иё. Однажды ты читал „Сутру лотоса“, сжег лампой один иероглиф и потом не мог прочесть его. Теперь иди туда и убедишься». Обожатель открыл глаза в удивлении и сомнениях и сказал родителям: «Я должен отправиться в Иё по неотложному делу». Родители позволили.

Обожатель достиг округи Вакэ, отыскал дом Сару и, постучав в ворота, попросил открыть ему. Вышла улыбающаяся служанка. Она доложила хозяйке: «У ворот стоит гость. Лицом он — ваш покойный сын». Хозяйка посмотрела на обожателя и убедилась, что он точь-в-точь как ее сын. Уже хозяин увидел обожателя, удивился и спросил: «Кто ты и откуда?» Гость поведал ему о себе. Обожатель тоже расспрашивал хозяина. Тот без утайки поведал о своем роде. Тут обожатель уразумел, что перед ним его родители в прошлом рождении. Он встал перед ними на колени и поклонился. Сару любезно пригласил его войти в дом, усадил на почетное место и спросил, глядя прямо в глаза: «Может быть, ты дух нашего сына?» Гость тогда поведал о своем видении и признал в пожилых супругах своих родителей в прошлом рождении. Сару рассказывал ему о сыне и, показывая дом, говорил: «Нашего покойного сына звали так-

то, вот его комната, вот сутра, что он читал, вот его кувшин». Бывший сын вошел в комнату, взял «Сутру лотоса», раскрыл ее и увидел: один иероглиф сожжен лампой. Он покаялся в своем недосмотре, вписал недостающий знак и мог теперь читать без запинки. Убедившись в этом, родители и сын удивились, возрадовались и с тех пор исполняли родительский и сыновний долг.

В похвале говорится: «Благословен род Кусакабэ, чей сын шел верной дорогой и неустанно читал „Сутру лотоса“ и в прошлой, и в настоящей жизни. В нынешней жизни он служил двум отцам. Поэтому имя его стало известно простым людям. Такое бывает со святым, но не с простым смертным. Верно говорю — чудо творится священной „Сутрой лотоса“ и всемогущей Каннон. В „Сутре воздаяний за добрые и злые дела“ говорится в подтверждение: „Хочешь знать семена прошлого — взгляни на плоды настоящего. Хочешь знать будущее воздаяние — взгляни на дела нынешние“».

Слово о богатырше и ее подвигах

Овари-но-сукунэ-Кукури управлял округой Накасима в земле Овари. Это было, когда повелевал страной государь Сёму. Жена Кукури родилась в деревне Катава округи Анти той же земли. (Она приходилась внучкой монаху Додзё, который в давние времена жил в храме Гангодзи.) Она повиновалась мужу, была почтительна и мягка, как лучший шелк.

Однажды она соткала для мужа тонкую одежду из конопли. Цвет и узор были несравненны. В то время Управителем земли служил муж из рода Вакасакурабэ. Он увидел на Кукури прекрасную одежду и отобрал ее со словами: «Ты не должен носить такую одежду».

Жена спросила: «Что случилось с одеждой?» Кукури ответил: «Ее забрал Управитель Вакасакурабэ». Спросила еще: «Тебе жалко одежду?» Он ответил: «Очень жалко». Жена пришла к Управителю Вакасакурабэ, уселась перед ним и сказала: «Отдавай одежду». Тот возмутился: «Что это за женщина? Уведите ее». Но ее не могли сдвинуть с места. Двумя пальцами она подняла Вакасакурабэ вместе с сиденьем, вынесла вот так за ворота Управления делами, порвала в клочья рукава его одеяния и сказала: «Отдавай что взял!» Управитель Вакасакурабэ испугался и отдал одежду. Забрав ее, жена вер-

нулась домой, выстирала ее и сложила. Она могла расщепить ствол бамбука на волокна тонкие, как нити шелка.

Узнав о случившемся, родители Кукури задрожали и сказали сыну: «Из-за твоей жены Управитель Вакакурабэ сживет тебя со свету». В великом страхе они говорили: «Как она могла сотворить такое? Что теперь с нами будет? Мы не можем успокоиться». Поэтому жену навсегда отослали в родительский дом.

Некоторое время спустя она пошла стирать белье на реку Кусацу, что протекала возле деревни. В это время большое купеческое судно, груженное товаром, проплывало мимо. Кормчий увидел женщину, стал издеваться над ней и насмехаться. Женщина сказала: «Замолчи». И еще женщина сказала: «Тех, кто издевается над людьми, бьют по щекам». Услышав ее слова, кормчий разгневался. Он велел причалить и ударил женщину, но она не почувствовала боли. Она наполовину вытащила судно на берег, а корму затопила в воде. Кормчий нанял людей, живших неподалеку, чтобы те подняли товар и снова погрузили его на судно. Богатырша сказала: «Кормчий обидел меня, и потому я вытащила судно. Почему люди издеваются над бедной женщиной?» Она снова вытащила нагруженное судно далеко на берег. Моряки страшно испугались, упали на колени и сказали: «Мы виноваты перед тобой. Сжался над нами». Богатырша простила их.

Даже пятьсот мужей не могли сдвинуть судно с места, и потому известно, что богатырша была сильнее пятисот мужей. В одной сутре говорится: «Если испечь рисовые лепешки и преподнести их Трем Сокровищам, приобретешь силу Нараэны, несокрушимого, как алмаз». Верно говорю — женщина стала богатыршей, потому что в прошлых рожденьях совершала приношения Трем Сокровищам и монахам большими лепешками.

**Слово о высокодобродетельном Гёги,
распознавшем в женщине с ребенком ненависть
прошлого и заставившем ее бросить дитя в реку**

Высокодобротельный Гёги прорыл канал Нанива, строил пристани, рассказывал об Учении, наставлял людей. Послушать его проповеди собирались монахи и миряне, высокие и низкие.

В то время в деревне Кавамата, что в округе Вакаэ земли Кавати, жила некая женщина. Она взяла с собой сына и пошла в храм, чтобы послушать проповедь. Ребенок плакал и кричал, мешая слушать. Сыну минуло уж десять лет, но он не умел ходить. Не зная отдыха, он плакал, кричал, пил молоко и ел. Высокодобродетельный сказал: «Женщина, унеси ребенка и брось в реку». Люди услышали его слова и зашептались: «Отчего это сострадательный святой повелел ей избавиться от ребенка?»

Мать любила сына и не выбросила его. Взяв сына на руки, она слушала проповедь. На следующий день женщина снова взяла его в храм. Он надоедливо плакал и мешал прихожанам слушать проповедь. Высокодобродетельный закричал: «Брось ребенка в реку!» Обуреваемая сомнениями, но не в силах ослушаться, мать бросила сына в омут. Он всплыл, барахтался, колотил ногами по воде, тарачил глаза и сказал со злобой: «Какая жалость! А я хотел жить за твой счет еще три года».

Пораженная женщина вернулась, чтобы дослушать проповедь. Высокодобродетельный спросил: «Ты выбросила ребенка?» Мать без утайки поведала о случившемся. Высокодобродетельный сказал: «В прошлом рождении ты взяла у него взаймы и не вернула долг. Поэтому он стал твоим сыном, чтобы есть твою еду в счет долга. Твой ребенок — это заимодавец в прошлом».

О, горе! Как можно умереть, не расплатившись с долгами? Ведь воздаяния в следующем рождении не избежать! Поэтому в «Сутре спасения» говорится в подтверждение: «Он занял соли на один сэн и не возвратил долг. Чтобы отработать долг, он переродился быком и таскал соль заимодавца».

Слово о жене, съеденной злым духом

Во время правления государя Сёму по всей стране распевали:

Кто тебя в жены возьмет,
Ёродзу-но-ко из деревни Амути?

В деревне Амути, что в округе Тоти земли Ямато, жила тогда семья Кагами-цукури-но-мияцуко, богатствами владевшая немалыми. В семье той росла дочь пригожая по имени Ёродзу-но-ко. Она была незамужняя

девственница. Хотя люди знатные и сватались к ней, она им отказывала.

Прошло сколько-то лет. Один человек посватался к ней и спешно послал три воза красивых одежд. Ёродзу-но-ко обрадовалась и была ласкова с ним, согласилась стать его женой и приняла на брачном ложе. В эту ночь она три раза прокричала из спальни: «Мне больно!» Родители слышали крики и сказали друг другу: «Ей больно, потому что она не привыкла». Они пожалели дочь и снова заснули.

На следующее утро родители встали поздно. Мать постучалась к дочери, звала ее, кричала, да только никто не отвечал. Удивилась она, дверь открыла и видит: все тело дочери, кроме головы и одного пальца, сожрано. Родители исполнились страха, ужаса, боли и горя. Поглядели на подаренные одежды, а они обернулись костями звериными, три же воза превратились в дерево карахадзиками. Слух о том пронесся повсюду, сбежали люди. Увидев останки, они не могли прийти в себя. Голову Ёродзу-но-ко уложили в заморский ящик, а утром седьмого дня ее поставили перед статуями будд и отслужили службу поминальную.

Раньше смерти была песня. То было дурное знамение. Кто-то говорит — то умысел таинственный божества, а некоторые — что виноват дух. Но оглянемся и узрим грехи Ёродзу-но-ко в прошлом рождении. Случаются и такие вот чудеса.

Слово об убийстве, ненависти, перерождении лисой и собакой и о взаимном мщении

Эйго стал монахом в храме Кофукудзи, что в восточной части стольного града Нара. Одни говорят, будто происходил он из рода Асия-но-кими, другие — что из рода Итики. Эйго родился в округе Тэсима земли Сэцу, а жил и молился в деревне Кумано округа Муру земли Кии. Как-то раз некий крестьянин из этой деревни захворал и пришел в храм, где жил монах. Он попросил вылечить его. Когда монах читал заклинания, больному легчало. Когда замолкал, хворь тут же возвращалась.

Так прошло много дней, а больному не становилось легче. Покаявшись вылечить его во что бы то ни стало, Эйго читал заклинания. Тут дух овладел больным, и он

сказал: «Я — лиса и не уступлю тебе. Монах, перестань бороться со мной». Эйго спросил: «В чем дело?» Дух ответил: «Этот человек убил меня в прошлом рождении, и теперь я мщу ему. Когда он умрет, то переродится псом и загрызет меня». Пораженный монах пытался изгнать духа, но тот не поддавался и замучил крестьянина до смерти.

Через год заболел ученик Эйго. Его уложили туда же, где Эйго лечил крестьянина. К монаху пришел некий человек. Он привязал своего пса, а тот лаял и прыгал, пытаясь перегрызть цепь и сорваться с привязи. Монах недоумевал и сказал гостю: «Отвяжи его, и тогда узнаем, в чем дело». Как только пса спустили с цепи, он вбежал в комнату больного и выскочил оттуда с лисицей в зубах. Монах пытался обуздать пса, но тот не выпускал лису и загрыз ее.

Верно говорю — покойник вернулся, чтобы отомстить. О, месть, что не знает конца! Из-за нее царь Хирури уничтожил девяносто девять миллионов девятьсот тысяч шакбев. Если местью платишь за месть, ей не будет конца и будет она катиться, как колесо повозки. Сдержанность есть добродетель владеющего собой. Он почитает врага как учителя и не желает мести. Поэтому вражда есть учитель сдержанности. Вот в книге и говорится в подтверждение: «Необузданный может убить даже родную мать».

Слово о вырывании ростка бамбука из глазницы черепа и о чуде, сотворенном молитвой

Это случилось во времена правления государя Кони-па, зимой девятого года эры Драгоценной Черепахи, в конце двенадцатой луны года лошади. Хомути-но-Макихито, родом из деревни Ояма, что в округе Асида земли Бинго, отправился на рынок Фукацу в округе Фукацу земли Бинго, дабы купить товар, необходимый для празднования Нового года. Сумерки застали его в пути, и Макихито остановился на ночлег в бамбуковой роще Асида.

Вдруг он услышал жалобные стоны: «Как болят мои глаза!» Из-за криков Макихито не мог заснуть и просидел всю ночь на корточках. Когда рассвело, он увидел череп. Через его глазницы проросли побеги бамбука.

Макихито вырвал их, избавив череп от страданий, и совершил ему приношения рисом, что он взял с собой для собственного пропитания. Макихито сказал: «Пусть успех сопутствует мне!» Макихито добрался до рынка и сделал все покупки. Он подумал, что череп воздает ему за его доброту, как он и просил того в молитве.

На обратном пути Макихито остановился на ночлег в той же роще. Вдруг череп ожил и сказал: «Я — Ана-но-кими-Отогими из деревни Янакуни в округе Асида. Мой подлый дядя Акимару убил меня. Каждый раз, когда поднимался ветер, бамбук раскачивался, причиняя глазам страшную боль. Благодаря вашему состраданию я избавился от мучений и обрел бесконечную радость. Никогда не забуду вашей доброты. Сердце мое наполнилось счастьем, и я хочу отблагодарить вас. Дом моих родителей находится в деревне Янакуни. Ночью последнего дня этой луны приходите туда. Только в эту ночь я смогу ответить добром на добро».

Услышав его слова, Макихито удивился безмерно и не стал никому рассказывать о случившемся. В последнюю ночь луны он, как и условились, отправился в деревню Янакуни. Дух Отогими взял Макихито за руку и повел в дом. Дух стал угощать Макихито, и они совершили трапезу. Оставшиеся яства дух вместе с другими дарами преподнес Макихито. Затем он вдруг исчез.

Тут родители Отогими вошли в комнату, дабы почтить души предков. Они увидели Макихито, удивились и спросили, как он сюда попал. Макихито без утайки все им поведал. Родители схватили Акимару и стали допытываться о причине убийства: «Ты говорил нам, что по пути на рынок ты и наш сын встретили человека, у которого ты ранее взял взаймы, но не успел расплатиться. Увидев тебя, он требовал вернуть долг. Ты бросился бежать, добрался до дому и спросил: „Отогими уже здесь?“ Мы ответили: „Нет, мы не видели его“. Кто же говорит правду — ты или Макихито?»

Грабитель Акимару испугался и, не в силах скрыть правду, поведал: «В конце двенадцатой луны прошлого года мы с Отогими отправились на рынок, дабы купить все необходимое для празднования Нового года. У Отогими была с собой лошадь, а также ткани и соль. В пути нас застала ночь. Мы остановились на ночлег в бамбуковой роще. Я убил Отогими, забрал его вещи и на рынке Фукацу продал лошадь человеку из земли Сануки. Остальным я воспользовался сам». Услышав его слова,

родители сказали: «О! Нашего любимого сына убил ты, а вовсе не разбойники!»

Поскольку дети и родители близки друг другу, как стебли камыша, родители выгнали Акимару из дому. Но они скрыли преступление. Родители кланялись Макихито и угощали его. Макихито вернулся домой и поведал о случившемся.

Даже палимый солнцем череп платит добром за добро, если ему совершили приношения. На добро отвечают добром. Как можно забыть вернуть долг! В «Сутре нирваны» говорится об этом: «Добро возвращают добром».

О чернокожем монахе Ансё

У монаха Ансё кожа была черная-пречерная. Как тушь для бровей или как уголь. Стыдился он своей черноты и людей сторонился.

Ансё «Сутру лотоса» читал голосом благозвучным. Люди слышать его спешили и внимали благоговейно. И дал Ансё обет — изваять статую Будды, переписать «Сутру лотоса» и, освятив их, поклоняться. Проникнувшись его благочестием, бедняки раздевались и одежду жертвовали, а хворые из сострадания лекарства отдавали.

Пошел как-то Ансё в храм Хацусэ и молился Каннон: «Отчего не такой я, как все, и кожа у меня черная? От всевидящего ока твоего ничто не утаится — открой мне причину». Так три дня молился он в храме, и в полночь было ему видение: благородная жена красоты несравненной, одетая в одежды благоуханные, сказала: «Открою тебе тайну. В прошлом рождении был ты волом черным. Неподалеку человек жил — каждый день читал он „Сутру лотоса“. Благословением этим избавлен ты от скотского вида и рожден в мире людей и можешь теперь человеком „Сутру лотоса“ слушать. Оттого в нынешнем рождении поклоняешься ты „Сутре лотоса“, но от прошлого черную шкуру унаследовал. Не плачь. Будущее избавит тебя от нее, вознесешься ты и предстанешь перед светлыми очами Амиды и просветлен будешь».

Ансё глаза открыл и поклонился Каннон до самой земли. Обет исполнив и собравшись с душевными силами, приступил он к чтению «Сутры лотоса». Не зная от-

дыха, творил Ансё добро. Так и жил он долгие годы с сердцем покойным и невозмутимым, просветления достигнув.

О монахе Какунэне

Какунэн был учеником Мэйкая. Ненавидел он пути мира и устремлялся душою к Учению Будды. Волосы обрив, покинул он дом, стопы направил на Путь истинный, надел одежду монашескую и принял посвящение, достоинства полон. Сердцем был чист, нравом — кроток. Греха сторонился, а согрешит — покаяется. Сердцем укрепившись, «Сутру лотоса» читал. Только всегда так было — станет читать, а три строки выговорить не может. Станет на память читать, дойдет до того места — и забудет. Сколько ни учил, запомнить не мог. Святой уж и плакал, и Трем Сокровищам молился, бодхисаттве Фуген поклонялся, о пригляде просил. Явился ему во сне монах годами старый и сказал: «Знаю я, отчего ты три строки запомнил. В прошлом рождении был ты жучком книжным, жил в „Сутре лотоса“ и три строчки съел. Жил в сутре — оттого родился человеком и „Сутру лотоса“ читать можешь. Но три строки съел и оттого их запомнил. Теперь же в грехе своем с усердием покайся, сердце верою наполни. Тогда и я тебе помогу — память верну».

Проснулся Какунэн и три строки те запомнил как есть и читал теперь без запинки.

После того как грех его Какунэну открыт был, читал он сутру с рвением и усердием каждый день по три раза, от правила своего не отступаясь. Славу и богатство этого мира отринув, долгие годы ожидал он просветления. Если так он жил, кто усомнится, что он вознесся?

Исполненные молитвы

Слово о немедленном воздаянии за веру в бодхисаттву Каннон

Престарелый монах Гёдзэн происходил из рода Касибэ. В те времена, когда государыня Суйко управляла Поднебесной из дворца Оварида, его отправили учиться в страну Когурё. Но войны Тан разграбили страну, и он скитался с места на место.

Однажды случилось так, что он не мог переправиться через реку, поскольку мост оказался разрушен, а лодки у него не было. Гёдзэн стоял на обрушенном мосту и размышлял о Каннон. Тут какой-то старец подъехал на лодке и перевез его на ту сторону. Только успел Гёдзэн ступить на берег, а старик сделался невидим. Лодка тоже мигом исчезла. Тогда Гёдзэн уразумел, что старик был воплощением Каннон. Гёдзэн дал обет изваять статую Каннон и поклоняться ей. В конце концов он попал в страну Тан, изваял статую Каннон и поклонялся ей день и ночь. Его называли Учителем Закона с Речного Берега. Никто не превосходил его крепостью духа, и сам танский государь относился к нему с почтением. Гёдзэн вернулся в Японию вместе с посольством во втором году эры Заботы о Престарелых. Он жил в храме Кофукудзи и до самой смерти поклонялся без устали статуе Каннон. Верно говорю — трудно представить себе ее могущество!

В похвале говорится: «Престарелый монах учился в дальних странах и терпел лишения. Однажды он не мог переправиться через реку. Стоя на мосту, он размышлял о священной Каннон и доверился ей. Каннон обернулась старцем, пришла на помощь и мигом исчезла после того, как они расстались. Изваяв статую Каннон, Гёдзэн без устали поклонялся ей днем и ночью».

Слово о бедствиях войны, о почитании статуи бодхисаттвы Каннон и о воздаянии в этой жизни

Оти-но-атаэ был предком управителя округа Оти в земле Иё. Его послали на помощь войскам Пэкче, и во время войны он попал в плен к танским воинам. Те привезли его в свою страну. Восемь японских воинов жили там на острове. Им удалось раздобыть статую бодхисаттвы Каннон. Воины поклонялись ей и молились. Сговорившись, они тайно сосну срубили, лодку сделали и бережно доставили на нее статую Каннон. Каждый из них молил Каннон о счастливом возвращении. Западный ветер принес их прямо на остров Цукуси.

При дворе узнали о случившемся и потребовали воинов для расспросов. Государя тронул их рассказ. Он спросил, чего они желают. Оти-но-атаэ сказал: «Я хочу управлять округой». Государь пожаловал ему округу Оти.

Став Управителем, Оти-но-атаэ построил храм и поместил туда статую Каннон. И ныне его потомки почитают ее.

Судьба Оти-но-атаэ устроилась всемогуществом дивным Каннон и его верой глубокой. Ожила даже деревянная статуя покойной матери, поскольку ее сын Динлань поклонялся ей. Даже женщина на картине, которую возлюбил монах, отдалась ему. Как же Каннон может не откликнуться на молитву?

Слово о ревностном почитании Каннон, молитвах о богатстве и о даровании счастья в этой жизни

В те времена, когда бывший государь Сёхо-одзин-Сёму управлял Поднебесной из дворца Нара, Митэсиро-по-Адзумабито отправился в горы Ёсино, дабы исполнить Закон Будды и молиться о богатстве. Прошло три года. Он молился, призывая Каннон, и говорил: «Прошу тебя: дай мне десять тысяч медных монет, десять тысяч мер белого риса и много красивых женщин».

Авато-но-асоми носил младший третий ранг. У него росла дочь. Она была не замужем и еще не познала мужчину. Вдруг она захворала, находясь в их доме, что в Хиросэ. Она никак не могла выздороветь и очень страдала. Авато послал гонцов на все восемь сторон, чтобы

они позвали монахов и упасака. Поклонившись, гонцы призвали Адзумабито и просили его читать заклинания. Сила заклинаний вылечила дочь. Она полюбила Адзумабито и отдалась ему. Ее родители схватили Адзумабито и заточили в темницу. Дочь любила Адзумабито. Она плакала и не отходила от темницы. Родственники посоветовались и освободили Адзумабито, отдали ему в жены дочь и сделали наследником всех богатств дома. Ему пожаловали пятый ранг.

Прошло сколько-то лет, и его жена оказалась при смерти. Она сказала младшей сестре: «Я умираю. У меня есть желание заветное. Не знаю только, выполнишь ли ты его». Сестра отвечала: «Я сделаю, как ты того пожелаешь». Жена Адзумабито сказала: «Я никогда не забуду благодеяния Адзумабито. Отдай свою дочь за него замуж, чтобы она стала хозяйкой в доме». Сестра выполнила ее волю, отдала дочь замуж за Адзумабито, и та стала хозяйкой дома.

Адзумабито была дарована счастливая судьба. Достиг он того молитвами дивными своими всемогущей Каннон. Кто в том усомнится?

Слово о воздаянии в этой жизни за веру в Три Сокровища, почитание монахов и чтение сутр

В девятой луне четвертого года эры Божественной Черепахи, в год зайца, государь Сёму охотился со свитой на горе Ямамура в округе Соу-но-Ками. Государь погнался за оленем, но он скрылся в доме крестьянина в деревне Хосомэ. Не зная, что к чему, крестьяне убили оленя и съели. Государю это стало известно, и его слуги схватили крестьян. Они схватили и мужчин, и женщин, всего числом более десяти. Те дрожали от страха, и некого им было попросить о помощи. Они уповали лишь на божественную силу Трех Сокровищ — она одна могла помочь им в беде.

Услышав, что статуя Будды высотой в один дзё и шесть сяку из храма Дайандзи часто исполняет молитвы, они послали человека в храм и просили монахов читать сутры. Крестьяне просили также: «Когда нас поведут к чиновникам, откройте южные ворота храма, чтобы мы могли без помехи молитвы возносить. И еще: когда нас приведут во дворец, звоните в колокол».

Монахи сделали, как их просили: звонили в колокол, читали сутры и открыли ворота, чтобы крестьяне могли молиться. В сопровождении государевых слуг крестьян привели во дворец. Их поместили в комнату для стражников. В это время родился царевич. Государь возрадовался и всех преступников в Поднебесной помиловал. Простил и крестьян. Чиновники раздавали подданным подарки, и ликованию не было конца.

Верно говорю — крестьян помиловали, ибо заслужили они того чтением сутр, а статуя Будды над ними смиловилась.

Слово о ревностном переписывании «Сутры лотоса» и о чуде дивном

Во времена правления государя Сёму в округе Сагарака земли Ямасиро жил некий муж. Он дал обет переписать «Сутру лотоса». Имя его неизвестно. Дабы отблагодарить родителей, государя, Три Сокровища и всех живущих, переписал он «Сутру лотоса» и разослал гонцов на все четыре стороны, велев пойти сандаловое дерево для хранения сутры.

Наконец дерево купили в столичном граде Нара за сто монет. Обетчик позвал человека умелого, дабы тот снял размеры и изготовил ларец. Когда работа была закончена, обетчик попытался вложить сутру в ларец, да не смог, ибо свитки оказались ларца длиннее. Горю его не было конца. Поскольку он не мог вновь найти дерево, обетчик сотворил молитву, отслужил службу, как указано в сутрах, монахов позвал и тридцать семь дней решил посвятить покаянию. Он плакал и молился, как бы ему новое дерево обрести. Прошло двадцать семь дней. Он попробовал вложить сутру в ларец и увидел, что он стал длиннее и не хватает лишь чуть-чуть, чтобы свитки поместились. С еще бóльшим усердием он принялся за пост и покаяние. Когда прошло тридцать семь дней, он смог вложить сутру в ларец. Он поразился и спрашивал: стали ли свитки короче или ларец длиннее? Когда же сравнили длину свитков и ларца с прежними измерениями, то они оказались одинаковыми.

Верно говорю — чудо явлено было сутрой всемогущей, а праведник тем самым веру свою испытал. Кто в том усомнится?

Слово о страсти любовной к статуе богини Китидзё и о ее удивительном ответе

В горном храме Тину, что в округе Идзуми земли Идзуми, была глиняная статуя богини Китидзё. Во времена правления государя Сёму монах из земли Синано жил в этом горном храме. Очарованный статуей, он воспыал желанием, мысли о ней не оставляли монаха, и он по шесть раз в день молился статуе, говоря: «Дай мне женщину такую же красивую, как ты». Однажды монаху приснилось, что он возлежал с богиней. На следующий день на ее одежде он обнаружил отвратительное пятно. Увидев его, он устыдился и сказал: «Я просил женщину, похожую на тебя, а ты отдалась мне сама». Его обуревал стыд, и он не стал рассказывать людям о чуде.

Один его ученик ненароком узнал о случившемся. Через какое-то время его выгнали из храма за непочтение к учителю. После изгнания он пришел в деревню и, понося монаха, рассказал о том, что стало ему известно. Чтобы узнать, правду он сказал или нет, жители деревни осмотрели статую и обнаружили на ней мерзкое пятно. Монах не мог больше молчать и без утайки поведал о том, что было.

Верно говорю — вера глубокая без ответа не останется. Такие вот чудеса. Сбылось, что в «Сутре нирваны» сказано: «Похотливый желает даже нарисованную женщину».

Слово о бедной царевне, почитавшей статую богини Китидзё и заслужившей награду в этой жизни

Во времена правления государя Сёму двадцать три царевича и царевны уговорились задавать по очереди пиры. Среди них была одна бедная царевна. Уже отгуляла она на чужих пирах, настал срок и для нее, да только дом ее был пуст. Стыдясь своей несчастной судьбы, она пошла в молельню Хаторидо, что в левой части Нара. Обратившись лицом к статуе Китидзё, она плакала: «В прошлых рождениях посеяла я семена бедности и сейчас бедна. Меня угощали, и я легкомысленно поедала яства, приготовленные другими. Мой же дом пуст. Молю тебя — ниспошли мне достаток». Тут вбежал сын царевны и сказал матери: «Из прежней столи-

цы Асука прибыли обильные яства». Услышав его слова, царевна покинула храм и увидела свою кормилицу. Кормилица сказала: «Я слышала, ты принимаешь гостей, и принесла тебе еды». Еда и питье издавали благоухание и аромат необычайные. Всего было вдоволь. Дорогую металлическую посуду несли тридцать человек.

Пришли гости и пиром остались довольны. Угощение было обильнее, чем у них самих. Царевичи и царевны восхищались ее богатством и говорили: «Если бы она была бедна, то не смогла бы приготовить таких прекрасных кушаний. Они лучше наших». Танцы и песни были прекрасны, как небесная музыка. Одни гости снимали одежду и дарили царевне, другие одаривали ее платьями. Кто-то преподносил ей деньги и шелк, полотна и ткани. Радость царевны не знала предела, и она отдала одежды кормилице. Затем она пошла в храм, дабы поблагодарить священную статую, и тут увидела на ней одежды, что она подарила кормилице. Исполненная сомнений, она отправилась к ней. Та сказала: «Я ничего не знаю».

Верно говорю — богиня исполнила молитву и одарила царевну. Царевна разбогатела и от бедности больше не мучилась. Такие вот чудеса.

Слово о дурном сне и чутком сердце, о чтении сутр и чудесном спасении

В деревне Ямамура, что в округе Соу-но-ками земли Ямато, жила престарелая мать. Ее имя неизвестно. У нее была дочь. Она вышла замуж и родила двоих детей. Муж дочери служил чиновником. Ему назначили должность, и он уехал вместе с женой и детьми. Они прожили на новом месте сколько-то лет.

Мать же осталась в деревне и смотрела за домом. Вдруг она увидела во сне, что ее дочь попала в беду. Мать испугалась и хотела позвать монахов, чтобы те читали сутры для спасения дочери, но по бедности не пригласила. Но она не оставляла своего намерения и в конце концов сняла одежду, выстирала и отдала монаху, чтобы тот читал сутру. Затем другое дурное предзнаменование было явлено ей во сне. Мать испугалась пуще прежнего, опять сняла одежду, выстирала ее и, как в прошлый раз, велела монахам читать сутры.

Дочь жила в доме, где служил ее муж. Однажды ее дети играли в саду, а сама она была в доме. Дети увидели, что семеро монахов сидят на крыше и читают сутры. Дети сказали матери: «Семеро монахов сидят на крыше и читают сутры. Скорее выйди и посмотри».

Голоса монахов напоминали жужжание роя пчел. Услышав чтение, мать удивилась и выбежала на улицу. И тут же обвалилась стена дома. А монахи разом исчезли. В великом испуге и страхе мать подумала: «Небо и Земля спасли меня от смерти под руинами».

Ее мать прислала слугу. Он рассказал о дурном сне и о том, как мать нанимала монахов для чтения оберегающих сутр. Услышав его слова, дочь исполнилась сердечного трепета и еще больше уверовала в Три Сокровища. Верно говорю — чтение сутр творит чудеса, а Три Сокровища оберегают нас.

**Слово о глиняной статуе божества,
излучавшей от ног сияние,
и о чудесном воздаянии в этой жизни**

На горе к востоку от столицы Нара стоял храм Консу. В горном храме жил упасака по имени Консу — по его имени называли и храм. Сейчас он зовется Тодайдзи. До постройки Великого Храма Тодайдзи, во времена правления государя Сёму, праведник Консу жил в храме, сердце направляя Путем Будды. В храме была статуя божества Сюконгодзин. Днем и ночью, отдыха не зная, Консу молился, привязав веревку к ногам божества.

Между тем от ног статуи разлилось сияние, достигшее государева дворца. Государь премного удивился и отправил гонца. Тот разузнал, что свет исходил из храма, где упасака исповедовался в грехах перед статуей Сюконгодзин, привязавшись веревкой к ее ногам. Тогда гонец немедленно возвратился и доложил государю. Государь призвал праведника и спросил: «Чего ты желаешь?» Тот ответил: «Хочу стать монахом и изучать Закон Будды». Государь разрешил ему принять монашество под именем Консу. Государь восхищался им и предоставлял кров, одежду, еду и питье, цветы и благовоения, так что праведник ни в чем нужды не знал. Люди восхищались монахом и называли его бодхисаттвой Консу. Излучавшая свет статуя Сюконгодзин стоит теперь у

северного входа в молельню Кэнсакудо храма Тодайдзи.

В похвале говорится: «Добродетелен праведник Консу! Он возжег огонь веры весной, а осенью разгорелось жаркое пламя. Сияние от ног божества раздуло огонь, и государь благоговейно откликнулся. Верно говорю — ни одна молитва не останется без ответа».

Слово о том, как сирота почитала бронзовую статую Каннон, и об удивительном воздаянии в этой жизни

В деревне, что в окрестностях храма Уэцуки в правой части столицы Нара, жила сирота. Мужа у нее не было, имя ее неизвестно. При жизни родителей семья слыла очень богатой. Они построили много домов и амбаров, отлили бронзовую статую бодхисаттвы Каннон высотой в два сяку и пять сун. Поставив возле дома молельню, поместили туда статую и совершали ей приношения.

Во времена правления государя Сёму родители умерли, рабы разбежались, лошади и коровы сдохли. Богатство улетучилось, дом обеднел. Сирота одна смотрела за пустым домом, горько плакала, рыдала днем и ночью. Услышав, что бодхисаттва Каннон часто исполняет молитвы, она привязала веревку к руке бронзовой статуи, совершила приношения цветами, благовониями и лампадным маслом и молилась о богатстве, говоря: «Я одна на свете сирота. Родители умерли. У меня ничего нет, и мой дом беден. Мне нечем поддержать тело. Молю тебя: сделай меня поскорее богатой, сжался». Так она плакала и молилась день и ночь.

В деревне жил богач. Его жена умерла. Увидев девушку, он велел свахе посвататься к ней. Девушка ответила: «Я бедна. Тело мое голо, у меня нет одежды. Мне нечем покрыть лицо — как я могу войти в его дом?» Сваха вернулась и передала ее слова. Вдовец сказал: «Я хорошо знаю, что она бедна и у нее нет одежды. Но я хочу знать только одно — согласна она или нет?» Сваха передала его слова. Девушка снова отказалась. Тогда вдовец пришел без спросу сам. Девушка согласилась стать его женой, и они спали вместе.

Следующие дни с утра до вечера лил дождь. Поэтому вдовец оставался у сироты три дня. Он проголодался и сказал: «Я хочу есть. Приготовь что-нибудь». Сирота

ответила: «Сейчас принесу». Она развела огонь в очаге и поставила пустой котел, вытирая слезы со щек. Она ходила по пустому дому и тяжело вздыхала. Сполоснув рот и вымыв руки, сирота вошла в молельню, привязала веревку к статуе и сказала, плача: «Избавь меня от позора. Ниспошли мне скорее богатство». Выйдя из молельни, она снова направилась к пустому очагу, вытирая слезы со щек.

В час обезьяны в ворота вдруг постучались, и кто-то позвал сироту. Она вышла и увидела кормилицу соседа. В большом ларе она принесла всякую еду и питье. Яства благоухали, и всего было вдоволь. Кормилица принесла и бронзовую посуду на лакированных подносах. Там было все что нужно. Кормилица отдала ларь со словами: «Хозяин услышал, что в доме гость, и послал меня. Только верни потом, пожалуйста, посуду». Сирота возрадовалась, и ее сердце наполнилось счастьем. Она сняла свою черную одежду, преподнесла ее кормилице и сказала: «Мне нечем отблагодарить тебя, кроме как этой грязной одеждой. Но прошу — возьми ее и надень». Кормилица взяла одежду, надела ее и тут же ушла.

Сирота приготовила угощение. Муж увидел еду, удивился и смотрел на жену, а не в тарелки. Утром он ушел и прислал десять кусков шелка и десять мешков риса. В записке говорилось: «Скорее сшей из шелка одежду, а из риса сварь вина».

Сирота пошла в дом соседа выразить свою признательность, но хозяйка сказала: «Ты с ума сошла! В тебя вселился дух? Я ничего не знаю». Кормилица сказала: «Я тоже ничего не знаю». Вот так обругали сироту, а она вернулась домой и собралась, по обычаю своему, молитву сотворить. Она зашла в молельню и увидела, что черная одежда, которую надела кормилица, была на бронзовой статуе. Тут она уразумела, что Каннон сотворила чудо. Сирота уверовала в карму и почитала статую с еще большим рвением. После чуда того стала она богатой, как и прежде, не голодала и горя не знала. Супруги прожили вместе жизнь долгую-предолгую. Такие вот чудеса.

Слово о нищенке, разбогатевшей благодаря почитанию тысячерукой Каннон

Ама-но-цукаи-Миномэ жила на девятой улице второго квартала левой части столицы Нара. Она растила десятерых детей, бедна была неслыханно и средств никаких не имела. Год почти молила она о богатстве тысячерукую Каннон в храме Анахо. Во время правления государя Дзюннина, зимой седьмого года эры Небесного Покоя и Знаков Закона, десятого дня десятой луны года зайца, к ней неожиданно-негаданно пришла сестра и оставила в доме кожаный сундучок. Его ножки были испачканы конским навозом. Она сказала: «Я скоро вернусь. Пускай пока мои вещи побудут у тебя».

Миномэ ждала сестру, но напрасно. Тогда Миномэ отправилась к брату и стала расспрашивать его о ней. Брат ответил, что ничего не знает. Заподозрив неладное, Миномэ открыла сундук и нашла там сто кан монет. Купив, по обычаю своему, цветов, благовоний и масла лампадного, она совершила приношения тысячерукой Каннон и вдруг увидела, что ноги статуи измазаны конским навозом. Тогда она догадалась, что деньги были дарованы бодхисаттвой.

Прошло три года. Обнаружилось, что из денег на строительство храма тысячерукой Каннон пропали сто кан. Тогда уразумели: монеты в кожаном сундуке были из тех денег. Верно говорю — Каннон одарила ими Миномэ.

В похвале говорится: «Добродетельна была престарелая мать из семьи Ама-но-цукаи. Утром она видела голодных детей и обливалась кровавыми слезами, а вечером возжигала благовония и молилась Каннон. Каннон услышала молитвы Миномэ и одарила ее. Окончились печали бедности, святая Каннон исполнила молитвы Миномэ, забил источник благополучия, дети наелись и оделись. Верно говорю — сострадательная Каннон пришла Миномэ на помощь. То была награда за купленные ею благовония». В «Сутре нирваны» говорится: «Мать, любящая своих детей, да возродится на небе Бонтэн». Такие вот чудеса.

Слово о монахе, награжденном в этой жизни за веру в одиннадцатиликую Каннон

Бэнсо был монахом в храме Дайандзи. С рождения славился он красноречием. Он передавал Будде молитвы людей, и многие знали его, многих воодушевлял он.

Во времена правления государыни Абэ Бэнсо взял займы тридцать кан из денег школы Дайсутараку храма Дайандзи и никак не мог вернуть долг. Служители храма понуждали его. Поскольку у Бэнсо денег не было, он отправился в горный храм в Хацусэ и молился одиннадцатиликой Каннон. Держась за веревку, привязанную к руке бодхисаттвы Каннон, он говорил: «Себе на потребу истратил я деньги школы Сутара храма Дайандзи, и мне нечем вернуть долг. Прошу тебя: дай мне эти деньги». Он повторял имя Каннон и молился. Служители храма последовали за ним, чтобы потребовать долг. Он отвечал им: «Подождите немного. Я молюсь бодхисаттве о деньгах. Недолго ждать осталось».

Тогда же царевич Фунэ, по счастью, оказался в храме и отслужил там службу. Между тем Бэнсо, держась за веревку, привязанную к статуе, продолжал молиться: «Дай мне скорее денег, чтобы я мог расплатиться сейчас же». Услышав молитву, царевич спросил ученика Бэнсо: «Что означают его слова?» Ученик поведал ему, в чем дело. Услышав рассказ, царевич дал денег для уплаты долга. Верно говорю — чудо явлено было благодаря состраданию Каннон и глубокой вере монаха.

Слово о монахе, в море не утопшем благодаря чтению сутр Великой Колесницы

В стольном граде Нара жил монах досточтимый. Имя его неизвестно. Он неустанно читал сутры Великой Колесницы, жил в миру и семью кормил, деньги ссужая. Дочь его единственная замуж вышла и жила с мужем от родителей отдельно.

Во времена правления государыни Абэ мужа ее назначили на службу в Муцу. Он занял у тестя двадцать кан, одевонку себе справил и выехал на место службы.

Минул год, а он выплатил только сам долг, но не проценты, которые выросли к тому времени до величины долга. Шло время, и тесть снова потребовал вернуть

долг. Зять затаил ненависть и искал случая, чтобы убить его. Тесть, однако, не догадывался об этом и по-нуждал, как обычно, вернуть деньги. Однажды зять сказал тестю: «Я хочу взять вас в Муцу». Тот согласился. Они сели на судно, направлявшееся туда. Зять сговорился с матросами, связал тестя и бросил в море.

Когда зять приплыл домой, то сказал жене: «Твой отец хотел повидаться с тобой, и я взял его с собой. Вскоре случился шторм, и судно пошло ко дну. Отец не смог спастись и утонул. Он скрылся в пучине, а сама я едва спасся». Убитая горем, жена заплакала и сказала: «Какое несчастье — я потеряла отца! Сокровище будет потеряно, как ни оберегай его. Я сама теперь убедилась в этом. Легче найти жемчужину на дне моря, чем увидеть отца и собрать его кости. Какое несчастье! Какое горе!»

Монах же погрузился в воду, истово читая сутры Великой Колесницы. Вдруг вода расступилась, и он нащупал ногами дно. Прошло два дня и две ночи, и другое судно, державшее путь в Муцу, проплывало мимо. Моряки заметили на поверхности воды веревку, остановили судно и вытащили монаха. Он выглядел как обычный человек. Моряки в великом удивлении спросили: «Кто ты такой?» Монах отвечал: «Я такой-то, на меня напали разбойники, связали и бросили в море». Еще спросили: «Монах, каким чудом ты спасся от смерти?» Он ответил: «Я неустанно читаю сутры Великой Колесницы. Истинно говорю — их промыслом дивным я и спасся». Он не открыл имени зятя и попросил моряков отвезти его в Муцу. Они доставили его туда, как он того пожелал.

Зять заказал заупокойную службу по тестю и совершил приношения Трем Сокровищам. Тесть же скитался и просил милостыню неподалеку. Вместе с другими бродячими монахами ему довелось прийти на ту службу. Когда обносили угощением, он спрятал лицо. Но когда сам зять предложил подношения монахам, тесть, брошенный им в море, протянул руки, чтобы принять их. Глаза зятя забегали, и лицо побагровело. Он спрятался, сраженный ужасом. Тесть улыбнулся и не вспоминал зла, до самой смерти лиходеяства не открыв.

Вода расступилась, тесть не утонул, его не сожрали ядовитые рыбы. Он остался жив. Верно говорю — чудо случилось дивным промыслом сутр и будд.

В похвале говорится: «Хорошо, что тесть проявил

снисходительность и не обвинил зятя в злодействе. Нет сомнений — он был примером прощающего. Сбылось, как в сутре сказано: „Платить мезтью за мезть — все равно что поджигать сено, но платить за мезть добром — все равно что заливать пламя водой“».

Слово о том, как бодхисаттва Мироку молитву услышал и чудо сотворил

В деревне Оэ, что в округе Саката земли Оми, жил богач. Имя его неизвестно. Он дал обет переписать «Шастру об учителе Юга», но прошло много лет, а он обета не исполнил. Богатству дома пришел конец, и ему не на что стало жить. Он оставил дом, бросил жену, детей и подвижничал в поисках счастья. Он ежечасно горевал о неисполненном обете.

Во времена правления государыни Абэ, осенью второго года эры Небесного Покоя и Хранящих Божеств, в девятой луне года лошади, он пришел в один горный храм и оставался там какое-то время. Возле храма рос куст. Вдруг на его коре явился лик бодхисаттвы Мироку. Праведник увидел его, поднял глаза к небу и обошел куст, молитву творя.

Многие люди прослышали про чудо и приходили посмотреть на лик. Одни совершали приношения рисом, другие — деньгами и одеждой. Добром этим праведник распорядился так: заказал переписчикам сто свитков шастры и освятил их. Затем лик вдруг сделался невидим.

Верно говорю — Мироку, пребывающий на небе Тосоцу, откликнулся на молитвы и сотворил чудо, вызвав у праведника прилив веры глубокой и принеся ему счастье на земле страданий. Кто усомнится в этом?

Слово о том, как прозрела женщина, поклонявшаяся деревянной статуе будды Якуси

Деревянная статуя будды Якуси находилась в моельне Тадэхарадо деревни Тадэхара, что стоит к югу от пруда Косида в стольном граде Нара.

Во времена правления государыни Абэ в этой деревне жила слепая женщина. Она растила единственную дочь семи лет от роду. Ее муж умер. Вдова была самой

бедной из бедных. Она не могла добыть себе пропитание и умирала с голоду. Женщина подумала: «Бедна я, ибо грешила много в жизни прошлой и жизни нынешней. Чем просто умирать с голоду, лучше творить добро». Попросив дочь взять ее за руку, она направилась к молельне и просила будду Якуси о прозрении, говоря: «Не о себе я забочусь, но о дочери. Вскоре умрем, если нам не поможешь. Прошу тебя: сделай так, чтобы прозрела я». Даритель увидел ее и из жалости отворил двери храма, пустил внутрь и позволил повторять имя Якуси перед статуей. Двумя днями позже ее дочь увидела, как из груди статуи капает сок, похожий на персиковое масло. Дочь сказала об этом матери. Мать пожелала того соку и попросила дочь напоить ее. Сок на вкус оказался сладок, и она прозрела. Верно говорю — горячие молитвы не останутся без ответа. Такие вот чудеса.

**Слово об обещании переписать «Сутру лотоса»
и о спасении из завала,
куда не проникал солнечный свет**

В округе Аита земли Мимасака была гора, где находился казенный рудник. При государыне Абэ управитель земли Мимасака как-то раз повелел десяти мужам копать руду на этой горе. Вдруг вход в рудник стал содрогаться и рушиться. Люди перепугались, к выходу кинулись, но только девять из них успели выскочить. Один же замешкался и остался внутри. Камни сомкнулись и завалили вход.

Чиновники, люди знатные и незнатные подумали, что несчастного задавило и он погиб. Поэтому они горевали и печалились. Жена и дети погибшего тоже плакали и стонали. Они нарисовали лик Каннон, переписывали сутру и молились за погибшего. Так они провели семь дней.

Между тем муж, в завал попавший, подумал: «Я обещал переписать „Сутру лотоса“, но до сих пор обета не исполнил. Если удастся спастись, непременно сделаю это». Он горевал и печалился в темном завале. До сих пор ему еще не приходилось испытывать таких страданий. Вдруг у входа появилась щель размером в палец, куда проник солнечный свет. Через щель вошел монах. В чаше он принес изысканные яства. Монах ска-

зал: «Твоя жена и дети совершили мне приношения едой и питьем, и потому я спасу тебя. Я пришел, поскольку ты плакал и горевал». Затем он вышел через щель.

Вскоре после того как монах ушел, над головой несчастного открылось отверстие. Через него пробивался солнечный свет. Величиной отверстие было с два сяку, и до него было пять дзё.

В то время тридцать с лишним мужей отправились в горы, чтобы запастись лозами. Они пришли к руднику. Несчастный увидел тени людей и закричал: «Вытащите меня!» Людям показалось, что то был писк комара. Удивившись, они привязали к лозе камень и спустили его вниз. Несчастный схватил камень и потянул. Люди уразумели, что внизу находится человек. Тогда они свили из лоз веревку, сплели корзину, привязали корзину за четыре угла и спустили ее через шкив вниз. Несчастный сел в корзину, его подняли и отправили домой.

Радости и ликование родственников и друзей не было конца. Управитель земли спросил его: «Какие добродетели спасли тебя?» Он рассказал ему все как есть. Чиновник был потрясен и возглавил общину верующих. Общинники, помогая друг другу, переписали «Сутру лотоса» и осветили ее.

Человек спасся из завала благодаря божественному промыслу «Сутры лотоса» и состраданию Каннон. Кто усомнится в этом?

О монахе Дзинью из земли Этиго

Монаха Дзинью в миру звали Коси-но-Сёдайтоку. (По-разному он звался — других имен не называю.) Он родился в округе Коси земли Этиго. Дзинью читал «Сутру лотоса», приумножая благоухание веры, и в делах подвижнических не было ему равных. Духи и боги исполняли его повеления, властитель страны непременно его слушался, а люди простые ставили высоко.

В земле Этиго есть гора Кунигами. Один благодетель задумал доброе дело и исполнил его, поставив на горе пагоду. Когда же думал освятить ее, полыхнула молния, ударил Гром, разрушил пагоду, разнес ее в мелкие кусочки и скрылся. Даритель горевал и плакал без удержу. Еще раз отстроил он пагоду и снова хотел было уже освятить ее, но, как и в прошлый раз, ударил

Гром, разрушил пагоду и скрылся. Так он разрушал пагоду не единожды. Даритель горевал — ведь никак он не мог исполнить свой главный обет. Он снова отстраивал пагоду, надеясь, что Гром больше не тронет ее.

Святой Дзинью сказал дарителю: «Не плачь и не горюй. Чудесной силой Закона Будды я обороню пагоду от разрушителя, и так ты исполнишь обет».

И встал тогда Дзинью возле пагоды, читая «Сутру лотоса». Тут облака собрались в тучу, стал накрапывать мелкий и частый дождик, засверкали, заблестали молнии. Даритель подумал, что снова Гром сейчас пагоду разрушит. Стал он горевать да кручиниться. А святой Дзинью только сказал заклятие и продолжал в полный голос сутру читать.

Тут с неба упал отрок. Глянули на него — волосы спутаны, как стебли полыни, и вид престрашный. Лет ему на вид пятнадцать или шестнадцать. Весь веревками опутан, плачет, голосит, ни лечь, ни встать не может. Говорит: «Послушай, святой обожатель „Сутры лотоса“. Сжался надо мной, отпусти. Больше не стану я разрушать пагоду».

Тогда Дзинью спросил его, отчего он разрушал храм. Гром отвечал святому: «Я и бог этой горы связаны заклятием крепким. Бог тот сказал: „Пагоду строят на моей вершине. Жить мне теперь негде. Ради меня должен ты сокрушить ее“. По его велению много раз я рушил пагоду. Но чудотворные молитвы дивно каждый раз до самого верха поднимали ее. И придется хозяину горы уйти в место иное, а мне — скрыться в страхе благоговейном».

Тут даритель твердо уразумел, что обет его исполняется, а заклинания святого силу имеют. Святой Дзинью сказал богу грома: «Прилепись к Закону Будды и грехи отринь. Смягчи сердце и не притрагивайся к пагоде — и сделаешь тем себе великое добро. А сейчас посмотри — в храме нет воды. Спускайся скорее в долину, набери воды и принеси. Пусть ты, бог грома, таскаешь воду из тамошнего источника и служишь у монахов водоносом. Если же не станешь таскать воду — свяжу тебя и, хоть время идти будет, не отпущу. А еще ты не должен громыхать на сорок ри вокруг храма».

Тут бог грома смиренно опустился на колени и повиновался. «Буду носить воду, как ты велишь. На сорок ри вокруг горы греметь не стану. Сам же непременно сюда наведываться буду».

Капнув на ладонь из кувшина и ковырнув пальцем верх скалы, Гром бешено заметался и поднялся в небо. Из скалы тут же забил источник чистой воды. Воды было обильно, и летом она оставалась холодной, облегчая зной, а зимой была горячей, согревая озябших.

После того, что было, драгоценная пагода стояла крепко. И так прошло не одно столетие. И еще: всюду громыхал гром, и только на сорок ри вокруг Кунигами не слышали его. Такие вот несравненные чудеса творятся молитвой. Монахи жили в том храме, Закон проповедовали и за людей молились.

Святой Дзинью молитвами «Сутре лотоса» воистину явил чудотворность Закона Будды. Позже он достиг просветления. Это случилось в годы Хранящих Божеств и Блистающих Облаков.

О ловце из земли Муцу

В земле Муцу жил-был один муж роду-имени неизвестного. Охотился, рыбачил, соколов отлавливал — так и жил. Вскармливал соколят наилучших и тем промышлял. Раз соколиха, у которой он соколят отнимал, и подумай: «Уж много лет я гнездо вью, яйца откладываю, и из них птенцы вылупляются. Но приходит ловец, забирает их, и нет у меня ни детей, ни внуков. Кто род мой продолжит? Теперь гнездо так совью, что никто не узнает».

Подумала так соколиха и решила найти склон покруче, куда люди не ходят, там гнездо свить и птенцов высиживать. Прежнее гнездо оставив, прилетела к утесу крутому на морском берегу. Внизу вода была, синие волны бились. Вверху было небо необъятное, белые облака плыли. В стене утеса был узкий уступ. Там соколиха гнездо устроила и птенцов вывела.

А ловец между тем гнездо ее повсюду искал, да найти не мог. Много дней искал и нашел наконец. Но ногами до него не дойти, руками не достать. Так ни с чем ловец домой вернулся и плакать стал, ибо лишился он источника пропитания: «Добывал я соколов и во двор государев относил, и давали мне цену такую, что на жизнь хватало, а теперь и не знаю, как до гнезда достать». Пошел к соседу и все ему рассказал. Сосед же отвечал: «Изловчись, и гнездо твое будет».

На вершине того утеса дерево росло. Привязали к

нему веревку длинную, а за другой конец корзину подвесили. Ловец в нее сел, а сосед стал понемногу веревку стравливать, так что корзина вскорости гнезда достигла. Ловец тогда из корзины вылез, птенцов из гнезда вынул, крылья им сложил, увернул и в корзине наверх отправил. Сам же возле гнезда остался. Сосед корзину поднял, птенцов взял, а корзину опускать не стал, выкинул ее и ушел. Придя к птицелову домой, он сказал жене и детям: «Когда кормилец ваш в корзине к гнезду спускался, веревка оборвалась, он упал в море и утонул». Родичи плакали, горевали, о хозяине своем дорогом сожалели.

Ловец же в гнезде сидел и ждал корзину, чтобы подняться, да только корзины не было. Прошло сколько-то дней. Ловец недвижно сидел на узком уступе. Если бы пошевелился, то тут же упал бы в море. Он ждал смертного часа, зная, что потерпел за грехи свои.

Ловец тот долгие годы восемнадцатого дня каждой луны постился и читал восьмой свиток «Сутры лотоса», Каннон воспевающий. В беду попав, ловец Каннон молился, ни о чем другом не помышляя. «Многие годы ловил я соколов быстрокрылых, лапы им спутывал, связывал-неволил. За грехи эти плоть моя нынешняя терпит муки нестерпимые. О всемилостивейшая Канн, от преисподней спаси меня, а в Пречистую Землю направь».

Тут из пучины морской выплыл змей преогромный, на утес взобрался, пасть разевая. Ловец меч обнажил, ударил змея прямо в голову. Испугался змей, а ловец оседлал его, и тогда вынес его змей на вершину утеса. И тут его не стало. Уразумел тогда ловец, что это Каннон змеем обернулась и спасла его. Жаркую сотворил он молитву и зарыдал от радости, как еще никогда не плакал.

Вернулся ловец домой, а там уже семь дней его погибель оплакивают, ворота затворили, табличку «не входить» повесили. Вошел хозяин в дом, жена и дети заплакали, его возвращению радуясь. Соседи и люди сторонние — все его спасение за чудо признали.

Настал восемнадцатый день, ловец тело омыл, пищу ел постную. Открыл ящик, где сутра хранилась, и увидел, что в ней меч торчит, тот самый, что в голову змея вонзил. Уразумел птицелов, что восьмой свиток «Сутры лотоса» змеем обернулся и спас его. Пуще прежнего возликовал ловец, в вере укрепляясь, и направил стопы свои путем истинным, монахом став. «Сутру лотоса» почитал, мысли грешные навсегда отринув.

Неотвратимое возмездие

Слово о том, как отец присвоил зерно сына и переродился быком, и о чуде, случившемся с ним

В давние времена в деревне Ямамура, что в округе Соу-но-ками земли Ямато, жил-был муж по имени Кура-но-Иэгими-но-кими. Как-то раз в двенадцатой луне он решил читать сутры Великой Колесницы, дабы замолить свои грехи. Он велел слуге: «Приведи монаха». Слуга спросил: «В какой храм я должен пойти?» Иэгими сказал: «Мне все равно. Приведи первого, кого увидишь».

Как ему и было велено, слуга вернулся домой с монахом, повстречавшимся ему на дороге. Иэгими благоговейно совершил перед ним приношения. Вечером, после окончания службы, монах собрался спать и лег в приготовленную хозяином постель. Тут монах подумал: «А не лучше ли взять одеяло и уйти сейчас, не дожидаясь завтрашних подарков?» Вдруг он услышал голос: «Не смей брать одеяло!» В великом страхе и испуге монах оглядел дом, но никого не нашел. Только вол стоял под навесом кладовой. Монах подошел к волу, и тот заговорил: «Я — отец Иэгими. В прошлом рождении я отдал людям десять снопов риса, не спросившись у сына. В наказание за грех я в нынешней жизни переродился быком. Как ты, монах, можешь с легкой душой взять одеяло? Если сомневаешься в словах моих, постели мне завтра соломы. Я приду и лягу туда. Тогда убедишься, что я вправду его отец». Монах устыдился нечестивых мыслей своих и лег спать.

Наутро, после окончания службы, монах сказал: «Отошлите чужих подальше». Собрал родственников хозяина и без утайки поведал им о случившемся. Хозяин опечалился, подошел к волу, постелил ему соломы и сказал: «Если ты и вправду мой отец, ляг сюда». Вол подогнул колени и лег. Родственники запричитали и запла-

кали в голос, приговаривая: «Воистину — отец наш перед нами». Хозяин встал, поклонился волю и сказал: «Я прощаю тебе прежний долг». Услышав его слова, вол вздохнул и заплакал. В тот же день, в час обезьяны, он умер. А хозяин одарил монаха одеялом и деньгами, искупляя тем самым грехи отца.

Как можно не верить в возмездие?

**Слово о том, как монах присвоил дрова,
предназначенные для кипячения воды,
и переродился быком**

Сака Эсё был монахом из храма Энгодзи. Однажды он взял вязанку хвороста, предназначавшуюся для того, чтобы согреть воду для мытья монахов; взял ее себе да так и умер.

У монахов была корова. Она родила бычка. Когда тот подрос, его каждый день стали впрягать в телегу, на которой он возил дрова в храм. Как-то раз бычок тащил повозку. Какой-то монах, стоявший у ворот храма, сказал: «Хотя Эсё хорошо читал „Сутру нирваны“, он плохо возит тележку». Услышав его слова, бычок заплакал, испустил глубокий вздох и умер. Погонщик обвинял монаха: «Ты проклял его, и он сдох». Он схватил монаха и передал властям. Чиновник хотел было допросить монаха, но его поразили необычайное благородство лица, совершенство тела и сияние, исходившее от него. Чиновник скрытно провел монаха в покои, позвал живописцев и сказал им: «Нарисуйте монаха с тщанием». Живописцы выполнили повеление и принесли картины чиновнику. На всех была изображена бодхисаттва Каннон. А сам монах исчез.

Верно говорю — сама Каннон обернулась монахом.

Да не отнимет голодный у монаха — пусть глотает песок и землю. Поэтому в «Изборнике сутр» говорится: «Я спасу того, на ком четыре тяжких греха: убийство, воровство, распущенность, ложь. Я спасу того, на ком пять смертных грехов: убийство отца, убийство матери, убийство отшельника, ранение тела Будды, раскол общины, но не спасу того, кто отнимет у монахов».

Слово о наказании в этой жизни злодея за взваливание на лошадей непомерных тяжестей

В давние времена в земле Кавати жил-был торговец дынями по имени Исовакэ. Он нагружал на лошадь непомерную тяжесть, и, когда она не могла сдвинуться с места, Исовакэ злобно хлестал ее, понуждая идти. У изможденной от тяжелой работы лошади из обоих глаз текли слезы. Продав дыни, Исовакэ убивал лошадь. Так он загубил много лошадей. Однажды Исовакэ заглянул в кипящий котел. Оба его глаза упали туда и сварились.

Близко воздаяние в этой жизни. Нужно верить в карму. Животные — это наши родители в прошлом. Мы рождаемся в шести мирах — в преисподней, в мире голодных духов, среди животных, асуров, людей, небожителей и из четырех сущностей — из лона, яйца, влаги, закона кармы. Поэтому должно быть сострадательным.

Слово о злодее, который пренебрегал сыновним долгом и навлек на себя наказание в этой жизни

В округе Соу-по-Ками земли Ямато жил злодей. Его настоящее имя неизвестно. Люди называли его Миясу. В те времена, когда государь Котоку управлял Поднебесной из дворца Нанива, он засел за книги. Злодей читал их ради забавы и не заботился о собственной матери. Мать взяла у него займы риса, но не могла вернуть долг. Миясу негодовал и торопил ее. При этом он сидел на высокой подушке, а мать — на полу.

Друзья не могли спокойно смотреть на его непочтительность. Они говорили: «Почему ты не верен сыновнему долгу? Другие сыновья для спасения родителей строят пагоды, вырезают статуи будд, переписывают сутры, приглашают монахов на время летних молитв. Ты богат и можешь давать рис матери даром. Почему ты не почитаешь мать — ведь это против того, что написано в твоих книгах?» Миясу не слушал их и говорил: «Оставьте меня». Тогда друзья вернули ему долг матери и ушли.

Мать между тем горевала и плакала. Оголив грудь, она сказала: «Когда я растила тебя, я не знала отдыха ни днем, ни ночью. Я знаю, как другие дети чтут родителей. Но от своего сына я терплю одни унижения. Не

таким хотела я видеть тебя. Я расплатилась с тобой, ты же верни мне молоко, которым я выкормила тебя. С сегодняшнего дня связь между сыном и матерью будет прервана. Пусть Небо и Земля знают это. О, как мне печально и больно!»

Не говоря ни слова, Миясу встал, пошел в заднюю половину дома и вернулся с бумагами, на которых были записаны его должники. Он сжег все бумаги в саду. Затем он ушел в горы и бродил там, не зная покоя. Его волосы растрепались, а тело покрылось ранами. Он бегал как одержимый, а когда наконец вернулся в долину, оставил дом. Три дня спустя случился пожар. Дом, кладовая — все сгорело. Его жене и детям стало негде жить. Никто не помогал Миясу, и он умер от холода и голода.

Как можно не верить, что воздаяние близко и приходит оно в этой жизни? Потому-то в одной сутре и говорится: «Тот, кто не исполняет сыновнего долга, провалится в преисподнюю, а тот, кто верен ему, вознесется до Пречистой Земли». Об этом говорит Будда, и это слова истины, возглаголенные учением Великой Колесницы.

Слово о наказании в этой жизни мучительной смертью за высокое мнение о собственной добродетели и за удар недостойного видом монаха

Бывший государь Сёхо-одзин-Сёму повелевал Восемью Островами Японии из дворца Нара. Он принес великий обет и весной первого года эры Небесного Спокойствия, восьмого дня второй луны года змен устроил пышную службу и совершил приношения Трем Сокровищам в храме Гангодзи, что в левой части столицы. Министра левой руки, царевича Нагая, носившего высший разряд второго ранга, назначили ответственным за раздачу пищи монахам. Один монах бесцеремонно приблизился к месту раздачи с чашей в руках. Царевич увидел его и ударил монаха по голове жезлом из слоновой кости. Из раны хлынула кровь. Монах схватился за голову, вытер кровь, злобно закричал и убежал неизвестно куда. Те, кто был на службе, — монахи и монахини — шептались: «Это — дурное предзнаменование».

Прошло два дня, и один злодей пришел к государю и сказал: «Нагая хочет поднять мятеж и захватить престол». Государь пришел в ярость и послал войска для

сражения. Царевич подумал: «Меня оклеветали и, верно, убьют. Лучше самому убить себя, чем быть убитым другими». Он напоил детей ядом и зарубил их, потом выпил яду сам и умер. Государь велел выбросить трупы из замка, сжечь их, а пепел развеять по морям, рассеять по рекам. Только кости царевича выбросили в земле Тоса.

В то время в Тоса стало умирать много людей. Жители в страхе обратились к властям, говоря: «Дух царевича погубит всех в нашей земле». Государь услышал об этом и повелел перенести кости на остров близ берега Хадзиками в округе Ама земли Кии, дабы они находились поближе к столице.

Какая жалость! Известный всем во времена своего благополучия, царевич исчез в один день, когда несчастья обрушились на него. Верно говорю — он превозносил собственную добродетель и ударил монаха, чем вызвал гнев и ненависть защитников Закона Будды и праведных божеств. Нельзя гневаться на монаха, даже если он недостоин видом. Под недостойной наружностью может быть сокрыт святой. Поэтому в «Сутре о высокомерном» говорится: «Знатный в прошлом рождении и тот, кто наступает на голову Будды,— высокомерны оба». Тяжек грех того, кто бьет и поносит монаха.

**Слово о наказании мучительной смертью
в этой жизни злого сына,
который из любви к жене задумал убить свою мать**

Киси-но-Омаро был родом из деревни Камо, что в округе Тама земли Мусаси. Его мать звали Кусакабэ-но-Матодзи. Во времена правления государя Сёму начальник из рода Отомо (его имя неизвестно) отправил Омаро в Цукуси охранять границу на три года. Мать поехала вместе с сыном, чтобы ухаживать за ним, а жена осталась присматривать за домом.

Омаро расстался с женой и из любви к ней замыслил убить мать и под предлогом соблюдения траура оставить службу и возвратиться к жене. У матери от рождения было благочестивое сердце. Сын сказал ей: «На восточной горе будет семидневная проповедь о „Сутре лотоса“. Пойдем туда?» Доверчивая мать хотела послушать проповедь. Исполнившись благоговения, она омыла тело горячей водой и, очистившись телом, отправилась

вместе с сыном в горы. На пути туда сын вдруг злобно взглянул на нее глазами быка и сказал: «Ложись на землю». Она посмотрела ему в лицо и ответила: «Что ты говоришь? Тобой овладел дух?» Сын обнажил меч, чтобы убить ее. Мать упала на колени перед сыном и сказала: «Дерево сажают, чтобы снимать плоды и укрываться в его тени. Детей растят, чтобы они стали для родителей поддержкой и опорой. А сейчас мне кажется, будто ветви дерева не могут защитить меня от ливня. Отчего же не исполнились мои надежды?» Сын не слушал ее. Горюя, мать сняла одежду, разложила на три части и, стоя перед сыном на коленях, сказала: «Сделай милость — возьми одежду. Одна часть отходит тебе, моему первенцу, одну отошли среднему сыну и еще одну — младшему сыну». Когда негодяй подошел к матери, чтобы отрубить ей голову, земля разверзлась и поглотила его. Мать мигом вскочила, схватила сына за волосы и, подняв глаза к небу, заплакала и сотворила молитву: «Мой сын сошел с ума. Он не знает, что творит. Так пускай его грех будет прощен». Она крепко держала сына за волосы, но земля поглотила его. Сострадательная мать вернулась домой, держа его волосы в руках. Она устроила заупокойную службу, положила волосы в ящичек перед статуей Будды и благоговейно попросила монахов читать сутры.

Велико было сострадание матери. Так велико, что она любила злобного сына и вершила ради него деяния благочестивые. Верно говорю — близко наказание за пренебрежение сыновним долгом, и злой грех этот не останется безнаказанным.

**Слово о наказании юноши в этой жизни
мучительной смертью за то,
что он варил и поедал птичьи яйца**

В деревне Симоанаси, что в округе Идзуми земли Идзуми, жил юноша. Имя его неизвестно. С самого рождения он отличался злобой и не верил в карму. Не зная усталости, добывал он птичьи яйца, варил их и поедал.

Весной шестого года эры Небесного Спокойствия и Несравненного Сокровища, в третьей луне года лошади, к юноше пришел воин и сказал: «Тебя требует к себе чиновник». На спине воин нес плиту в четыре сяку, на которой было начертано повеление. Они отправились

вместе и, когда добрались до села Яматаэ в округе Хитада, пошли через пшеничное поле. Поле было размером в один тё, высота стеблей достигала двух сяку. Вдруг поле покрылось раскаленными углями, так что некуда было ступить. Юноша бегал по полю и кричал: «Горю! Горю!»

В это время один селянин собирал хворост в горах. Он увидел юношу, который метался по полю и вопил, спустился с горы и хотел было вызволить его, но тот не давался. Наконец селянин догнал его, схватил и вытащил с поля. Юноша упал на землю и затих. Безмолвно он пролежал какое-то время. Очнувшись, юноша возопил: «Как болят мои ноги!» Селянин спросил: «Что случилось с тобой?» Юноша ответил: «За мной пришел воин. Он завел меня в угли такие горячие, что они сожгли мне ноги. Горы пламени окружили меня, так что я не мог убежать. Тогда я стал кричать и метаться».

Селянин выслушал рассказ, закатал юноше штаны и осмотрел его ноги — остались лишь кости, мяса не было. Юноша умер на следующий день.

Верно говорю — преисподняя рядом. Должно верить в карму. Нельзя уподобляться птице, что любит своих птенцов и пожирает других. Несострадательный, хоть он и зовется человеком, подобен такой птице. В «Сутре нирваны» говорится в подтверждение: «Человек достоинством выше, а зверь — ниже, но и тот и другой любят жизнь и ненавидят смерть». В «Сутре воздаяния за добрые и злые дела» говорится так: «Тот, кто жарит и варит птенцов, умрет и провалится в преисподнюю, где струятся реки пепла».

Слово о наказании дурной болезнью и смертью за избиение монаха

Царевич Удзи родился со злым взглядом и не верил в Три Сокровища. Как-то раз во времена правления государя Сёму он разъезжал по делам в земле Ямасиро. В его свите было восемь человек. Когда царевич возвратился в столицу Нара, монах Тайкё из храма Симоцукэ отправился из Нара в Ямасиро через округу Цудзуки. Вдруг монах увидел царевича, но не успел спрятаться, как того требовали законы. Он встал возле дороги, сняв соломенную шляпу и закрыв ею лицо. Царевич заметил его, остановил коня и ударил монаха, Монах и его уче-

ник убежали на заливное поле и спрятались там. Но царевич догнал монаха, избил и растоптал его вещи. Тут монах воскликнул: «Почему защитники Учения не оберегают меня?»

Не успел царевич отъехать, как посреди дороги дурная болезнь настигла его. Он громко вопил и подпрыгивал. Провожатые узнали, в чем дело, и просили Тайкё вылечить царевича, но тот отказался. Трижды они просили Тайкё, и трижды он отказывался. Монах спросил царевича: «Больно?» Царевич ответил: «Очень больно». Монах тогда сказал: «Жалкий царевич, пусть тебе будет больнее в тысячу, в десять тысяч раз».

Родичи царевича доносили государю: «Тайкё проклял Удзи». Они хотели поймать и убить монаха. Но государь, дознавшись до правды, сжалился над Тайкё и не дал его в обиду. Прошло три дня, и царевич скончался, став черным, как тушь. Родичи снова доносили государю: «На убийство отвечают убийством. Удзи умер. Мы отомстим Тайкё». Государь отвечал: «И я монах, и Тайкё тоже монах. Как может монах убить монаха? Тайкё невиновен в смерти Удзи».

Поскольку государь обрил голову, принял посвящение монашеское и шествовал дорогой Будды, он защитил монаха и не дал убить его. Безумный царевич был злодеем, и защитники Закона покарали его. Они не оставят праведника. Как можно не трепетать перед ними?

Слово о злодее, наказанном в этой жизни мучительной смертью от меча

Татибана-но-асоми-Нарамаро был сыном царевича Кадзураки. Затаив неисполнимое желание, он хотел овладеть страной. Собрав мятежников, он тайно сговорился с ними. Нарисовав монаха, они сделали из изображения мишень и метили ему из лука в зрачок. Злодеи чтили всякое зло, но не было дела хуже этого.

Когда раб Нарамаро охотился с соколом в горах Нара, он обнаружил множество лисенят. Он изловил их, насадил на кол, а кол воткнул возле норы.

У раба был маленький сын. Лисица-мать задумала месть и прикинулась бабушкой сына. Она взяла сына Нарамаро на руки, отнесла к норе, насадила на кол и воткнула его возле норы так же, как сделал этот раб с ее детьми.

Даже презренный зверь ответил мстью на зло. Близок час воздаяния в этой жизни. Негоже иметь жестокое сердце. За жестокими делами следует жестокое возмездие. Вскоре после случившегося государь невзлюбил Нарамаро и казнил его. Верно говорю — злые дела окончились казнью и послужили предзнаменованием его смерти. Случаются и такие вот чудеса.

Слово о том, как бодхисаттва Мёкэн обернулся оленем и указал на вора

В округе Асука земли Кавати стоял на горе храм Сидэхара. В этом храме совершали приношения фонариками бодхисаттве Мёкэн. Их доставляли каждый год со всей округи.

При государыне Абэ община верующих как-то раз совершила обычную церемонию приношения бодхисаттве Мёкэн, а также одарила монахов храма деньгами и другим добром. В это время ученик одного монаха похитил пять кан монет из числа приношений и спрятал их. Позднее ученик вернулся, чтобы забрать деньги, но обнаружил только мертвого оленя с вонзенной в него стрелой. Тогда он отправился в деревню возле храма Иноуэ, что близ рынка Кавати, чтобы позвать кого-нибудь помочь принести тушу. Когда же он привел людей на место, там не было оленя, но только пять кан монет. Так нашли вора.

Верно говорю — то был не просто олень, а воплощенные бодхисаттвы. Такие вот чудеса.

Слово о наказании незамедлительной смертью за избиение праведника, читавшего заклинания тысячерукой Каннон

В округе Кага земли Этидзэн жил чиновник, ответственный за поимку бродяг. Он разыскивал их, заставляя работать и платить налоги.

В те времена муж по имени Оно-но-асоми-Нивамаро владел домом в столице. Он стал упасакой и неустанно читал заклинания тысячерукой Каннон. Он предавался самосовершенствованию, скитаясь по горам в округе Кага. Весной третьего года эры Хранящих Божеств и Блистающих Облаков, двадцать седьмого дня третьей луны

года курицы, в час быка, чиновник прибыл в деревню Мимакава этой же округи. Он встретил праведника и спросил: «Из какой земли ты родом?» Тот ответил: «Я не мирянин, а монах».

Чиновник пришел в ярость и закричал: «Ты — бродяга! Почему ты не платишь налогов?» Чиновник связал Нивамаро и бил, понуждая работать. Но праведник упорно отказывался и с печальным видом сказал: «Когда вошь с одежды вскакивает на голову, она становится черной; когда она с головы спрыгивает на одежду — становится белой. Вот такая пословица. Я — монах. Я ношу заклинания на голове, а сутры — на спине и не должен знать беды мирян. Отчего же ты бьешь и оскорбляешь того, кто следует за Великой Колесницей? Это учение творит чудеса — ты убедишься в этом».

Чиновник привязал к веревке свиток «Сутры тысячерукой Каннон» и стал волочить по земле. От того места, где он бил праведника, до его дома лежал путь в один ри. Чиновник доехал до ворот дома и собирался спрыгнуть с коня, но тут тело его онемело, и он не мог сойти на землю. Вдруг его подняло вместе с конем в небо и остановило над тем местом, где он избил праведника. Так он провисел день и ночь. На следующий день, в час быка, он упал на землю и расшибся насмерть. Тело разлетелось в стороны, как корзина с шитьем. Многие люди видели чудо и трепетали от страха.

В «Сутре тысячерукой Каннон» говорится: «Великое божественное заклинание приносит победы, цветы и плоды даже засохшему дереву. Оскорбляющий его оскорбляет девять миллиардов девятьсот миллионов будд, которых так же много, как много песчинок в Ганге». В «Великом изборнике сутр» говорится в подтверждение: «Оскорбить мудреца — все равно что разрушить пагоды и храмы в восьмидесяти четырех тысячах стран».

Слово о женщине, наказанной в этой жизни за похоть и за то, что она лишала детей материнской груди

Ёкоэ-но-оми-Наритодзимэ жила в округе Кага земли Этидзэн. С самого рождения она была похотлива и любила мужчин без всякого разбору. Она умерла прежде времени.

Прошли годы. Монах Дзякурин, что родился в деревне Ноо округи Нагуса земли Кии, оставил дом, стран-

ствовал по другим землям, исполнял Закон Будды и искал Путь. Наконец он добрался до деревни Унэда, что в округе Кага, и прожил там сколько-то лет.

В те времена, когда государь Конин управлял Восемью Островами Японии из дворца Нара, зимой первого года эры Драгоценной Черепахи, двадцать третьего дня двенадцатой луны года пса, ночью, ему привиделся сон. Будто бы шел он на восток по дороге, ведущей ко дворцу царевича Сётоку в Икаруга, что в земле Ямато. Дорога была ровная, как зеркало, шириной в один тё, прямая, как шнур, намазанный тушью. Возле дороги росли деревья и травы. Среди травы Дзякурин увидел дородную, толстую женщину. Она была раздета и сидела на корточках. Ее груди отвисли и болтались, как кастрюли. Из них тек гной. Сидя на коленях, она схватилась за живот и кричала, глядя на опухшую грудь. «Бедная я, бедная!» — стонала она от боли. Дзякурин спросил: «Кто ты такая?» Она отвечала: «Я — мать Ёкоэ-но-оми-Нарихито из деревни Унэда в Оно, что в округе Кага земли Этидзэн. В расцвете лет я была похотлива и любила со многими. Я оставляла своих малышей без присмотра и спала с мужчинами. Долгие дни дети не видели моей груди. Нарихито голодал больше всех. Я лишала детей материнского молока и за этот грех наказана ужасной болезнью». Дзякурин спросил: «Как избавиться от наказания?» Женщина отвечала: «Если Нарихито узнает о моих страданиях, грех будет прощен».

Дзякурин пробудился в удивлении и, исполненный сомнения, обошел с расспросами всю деревню. Нашелся один человек — он сказал: «Я тот, кого ты ищешь». Дзякурин поведал ему о видении. Нарихито выслушал его и сказал: «Мать умерла, когда я был совсем маленьким, и я ничего не помню. Но у меня есть старшая сестра — она все знает». Когда спросили сестру, она отвечала: «То не сон, а правда. Наша мать блистала красотой и нравилась мужчинам. У нее было много любовников. Мать берегла грудь и не давала ее детям».

Тут все братья и сестры умилились и сказали: «Мы не помним обиды. За что наша мать принимает такие муки?» Они изваяли статую Будды и переписывали сутры, дабы замолить грехи матери. После того как статую и сутры освятили, Дзякурину снова был сон, и мать сказала ему: «Грехи мои прощены».

Верно говорю — нежная грудь матери из источника

благоденствия превращается в рассадник греха, если не давать ее детям. Как можно лишать детей материнского молока?

Слово о похотливом переписчике «Сутры лотоса», наказанном внезапной и мучительной смертью

Переписчик сутр Тадзиhi был родом из округи Тадзиhi земли Кавати. Его называли так, поскольку он происходил из рода Тадзиhi. В округе стояла молельня Нонакадо. Некий муж принес обет переписать «Сутру лотоса» и летом второго года эры Драгоценной Черепахи, в шестой луне года свиньи, пригласил Тадзиhi в молельню. Возле молельни собрались женщины, дабы совершить церемонию добавления в тушь освященной воды. Между часом барана и часом обезьяны небо покрылось тучами и пошел дождь. Чтобы укрыться от дождя, женщины зашли в молельню и уселись возле переписчика, ибо храм был тесен. Тадзиhi сидел на корточках позади одной женщины. Его сердце наполнилось похотью. Но как только он поднял ее одежду и коснулся ее, они умерли, соединенные телами. Женщина умерла с пеной у рта.

Верно говорю — то было возмездие защитников Закона. Даже если пламень похоти и сжигает сердце, негоже пачкаться грязью. Домогания безумца — что мотылек, летящий в огонь. В заповедях говорится: «Скудоумная молодежь распаляется с легкостью — увидев женщину или же разговаривая о ней». В «Сутре нирваны» говорится об этом: «Если знать истинный смысл любования цветом, звуком, запахом, вкусом и прикосновением, не будешь рад наслаждениям. Трудно обуздать желания. Но предающийся им — что собака, вечно гложущая старую кость».

Слово о перерождении обезьяны в наказание за ущемление монахов

На вершине горы Микаму, что в округе Ясу земли Оми, стоит храм родных богов. В нем чтут Великого Бога Тага. К храму приписано шесть дворов. Поблизости находится храм Будды. Во времена правления государя Конины, когда была объявлена эра Драгоценной Черепахи, монах из храма Дайандзи по имени Эсэ какое-то

время подвижничал в этом храме. Как-то во сне ему явился некий муж. Он попросил: «Читай сутры ради моего спасения». От удивления монах проснулся и размышлял о загадочном сне.

На следующий день к Эсё пришла маленькая белая обезьяна и попросила: «Поживи покуда здесь, почитай „Сутру лотоса“ ради моего спасения». Монах спросил: «Кто ты такая?» Обезьяна отвечала: «Я был царем в стране, что лежит на востоке Индии. Монахов у себя я считал тысячами, и никто из них не пахал землю. Поэтому я повелел: „Не должно быть столько монахов“. Многих, но не всех вернул я миру. Не преследовал я подвижников, а только уменьшил число их. И все же меня настигло возмездие — я переродился обезьяной и стал богом храма Тага. Дабы избавиться мне от мерзкого тела, прошу тебя: поживи здесь, почитай „Сутру лотоса“».

Монах сказал: «Ты должен совершить приношения». Обезьяна отвечала: «У меня ничего нет». Монах сказал: «В деревне много риса. Я буду читать сутру, если ты принесешь мне немного». Обезьяна ответила: «Министры из государева дворца присылают мне рис. Но жрец забирает его себе, а мне не дает». Монах сказал: «Как я могу читать сутры без приношений?» Обезьяна ответила: «Ну что ж, в округе Асаи много монахов. Они собираются читать „Шесть свитков заповедей“. Тогда я послушаю их».

Монах не мог прийти в себя от изумления. По просьбе обезьяны он отправился к дарителю храма Ямасина досточтимому Маньё и рассказал ему о видении. Тот усомнился: «Я не верю словам обезьяны. Поэтому я не разрешу ей присоединиться к нам».

Во время подготовки к чтению «Шести свитков» к Маньё вбежали послушник с упасакой и сказали: «Маленькая обезьяна забралась на крышу храма. Потом стены нашей большой залы обвалились, статуи будд раскололись, а монахи попадали». Маньё осмотрел храм и сам убедился в том, как велики были разрушения.

Маньё поведал о случившемся монаху Эсё, отстроил залу заново и уверовал в слова обезьяны, назвавшейся Великим Богом Тага. Он допустил обезьяну в общину и выполнил ее желание, позволив присутствовать при чтении «Шести свитков». Желание бога было исполнено, и несчастье не повторилось.

Тот, кто препятствует людям идти дорогой добродетели,

тели, перерождается обезьяной. Поэтому нельзя ущемлять монахов. А иначе не избежать возмездия.

В давние времена, когда царем стоял Рахула, он не позволил бродячему монаху просить милостыню. Тот не мог войти в его царство и голодал семь дней. Из-за греха этого перед своим следующим рождением царь находился в утробе матери шесть лет. Вот так вот.

Слово о наказании глупца мучительной смертью за то, что он изрубил игрушечную статую Будды, вырезанную деревенским мальчиком

В деревне Хаманака в Ники, что в округе Ама земли Ки, жил некий глупец. Имя его неизвестно. Он был невежествен от рождения и не знал закона кармы.

Горы Ама и Атэ соединяла дорога под названием Тамасака. Если идти по ней со стороны Хаманака к югу, то придешь в деревню Хата. Мальчик из этой деревни как-то раз отправился в горы собирать хворост. Резвясь у дороги, он вырезал из дерева игрушечного Будду, а из камней сложил пагоду. Будду он поставил в храм из камней и время от времени играл там.

Во времена правления государя Конины глупец надругался над игрушечным Буддой, изрубил его топором и выбросил. Едва он отошел от того места, как свалился на землю словно подкошенный, изо рта и носа хлынула кровь, оба глаза вывалились, и он умер с помутившимся разумом.

Верно говорю — защитники Закона рядом! Как можно не почитать их? В «Сутре лотоса» говорится: «Если ребенок вырежет Будду из дерева, нарисует его кистью или нацарапает ногтями, он станет на Путь праведника. Если совершать приношения с поднятой рукой и потупленным взором, достигнешь высшего Пути Будды». Должно благоговейно верить в эти слова.

Слово о наказании мучительной смертью за издевательство над нищим монахом, просившим подаяние

Ки-но-атаэ-Ёситари был главою дома Хаси в деревне Вакэ, что в округе Хидака земли Ки. Он был испорчен от рождения и не верил в карму.

Летом четвертого года эры Вечного Здравствия, в пятой луне года быка, некий чиновник совершал поездку для оглашения величины налога. С этой целью он и прибыл в округу Хидака. В деревне жил один монах, не прошедший посвящения. Его звали послушник Исэ. Он повторял божественные имена двенадцати воинов-защитников из «Сутры о будде Якуси», бродил по деревне и выпрашивал рис. Исэ пристал к чиновнику, ходил вместе с ним и просил милостыню. Они пришли к воротам злодея Ёситари, и монах обратился к нему. Увидев его, Ёситари ничего ему не дал, рассыпал рис, который был у него с собой, сорвал одежду и бросился на него с кулаками. Монах убежал и спрятался в кельях храма Вакэ. Злодей Ёситари догнал его и схватил, притащил к воротам своего дома, занес огромный камень над головой монаха и закричал: «Повторяй божественные имена двенадцати воинов-защитников — пускай они проклянут меня». Монах отказывался, но злодей Ёситари понуждал его. Монах не мог больше противиться, один раз повторил их имена и скрылся. Прошло немного времени, и злодей Ёситари свалился на землю и умер.

Кто усомнится, что защитники Закона покарали Ёситари? Следует преклониться даже перед монахом, посвящения не прошедшим. Святой скрывается среди смертных. Не стоит усердствовать и сдирать волосы, дабы отыскать шрам. Если же выискивать грехи, то их можно найти даже у бодхисаттвы. Стремящийся к добродетели находит достоинства даже в том, кто оскорбляет Учение и противится добродетели. Поэтому в «Сутре десяти колес Закона» говорится: «Как вянущая орхидея превосходит другие цветы, так и нарушающий заповеди монах превосходит последователей других учений. Судить монаха, пытаясь решить, нарушает он заповеди или нет, соблюдает он заповеди или нет,—грех более тяжкий, чем наносить кровоточащие раны бесчисленным телам Будды». В толковании к этой сутре говорится: «Проливающий кровь Будды не может затронуть Закона. Судачить о грехах монаха — значит калечить веру многих, порождать сомнения и увечить священный Путь. Поэтому бодхисаттва желает, чтобы говорили о добродетелях монаха, но не о его грехах». В «Сутре против ложного Закона» говорится: «В будущем чиновники не должны заставлять монахов платить подати. Если же они будут собирать налог, то совершат тяжкий грех. Миряне не должны погонять лошадей и коров, принадлежащих

Трем Сокровищам. Они не должны принимать поклонения от рабов, принадлежащих Трем Сокровищам. Преступивших да постигнет кара». В «Шастре доброго сына» говорится: «Жадные ценят грязь больше золота и драгоценных камней. Когда нищий просит грязь, они отказывают ему и скупаются своим богатством из страха, что другие прознают о нем. Когда они умирают и душа покидает тело, то становятся духами, страдающими от голода и холода». Богатство дели на пять: его забирают безжалостные чиновники, грабят разбойники, внезапно смывает и уносит вода, сжигает огонь и транжируют недостойные дети. Поэтому бодхисаттва подает милостыню с радостью.

Слово о наказании за постройку малой пагоды и за срывание с храма знамен Учения

Фудзивара-но-асоми-Нагатэ носил высший разряд первого ранга. Он был левым министром при государе Конине, управлявшем Поднебесной из дворца Нара. В первом году эры Вечного Здравствия его сын по имени Изёри, носивший высший разряд младшего четвертого ранга, увидел отца в дурном сне. Изёри поведал отцу: «Откуда-то явились три десятка воинов и схватили вас. Это дурное предзнаменование, и вам следует совершить молитву и очищение».

Несмотря на предупреждение, отец не последовал совету сына. И вот он умер. Изёри надолго захворал и призвал монахов для лечения заклинаниями. Но ему не становилось лучше. Тогда один из монахов сотворил молитву: «Следующие Учению врачуют именем Будды. Я вселяюсь в тело больного. Закон Будды существует, и его силой Изёри будет жить».

Сотворив молитву расставания с жизнью и себя не помня, монах положил на ладони раскаленные угли, дабы воскурить благовония. Он ходил, читая заклинания. Вдруг начал метаться и кататься по земле. Дух овладел больным и сказал: «Я — Нагатэ. Я сорвал знамена с храма Хокэдзи. Я построил пагоду храма Сайдайдзи с четырьмя углами вместо восьми и с пятью ярусами вместо семи. Из-за этого греха меня призвали во дворец царя Эммы. Он приказал мне поднять раскаленный столб, забил изогнутые гвозди в мои руки, спрашивал и бил меня. Затем дворец наполнился дымом. Царь

спросил: „Откуда дым?“ Ему ответили: „Захворал сын Нагатэ, Иэёри, и это дым благовоний, что возжег на ладонях монах, читающий заклинания». Тогда царь Эмма отпустил меня и велел возвращаться, но у меня больше нет тела, мне негде жить — остается только бродить по дорогам». Тут Иэёри, отказывавшийся ранее от пищи, попросил есть, выздоровел и поднялся с постели.

Будешь поклоняться знаменам Учения — переродишься добродетельным государем, исповедующим учение Будды. Пагода — это сокровищница, в которой хранятся мощи Будды прошлого, настоящего и будущего миров. Оттого-то грех великий срывать знамена и уменьшать высоту пагоды. Кто не убоится его? А что рассказал — то пример в назидание.

О монахе Кодзоне

Жил-был один монах. Звали его Кодзоном. Жил он в храме Исияма. Учил заклинания, а еще читал «Сутру лотоса». Вера заполняла его сердце, и многие годы читал он сутру.

Случилось так, что Кодзон очутился в земле Тадзима. В пути занемог, ноги не шли. Тогда одолжил у кого-то лошадь, добрался до стольного града и достиг храма родных богов в Ясака. Неподалеку оказался муж один. Увидел он лошадь и сказал, что ее похитили у него в прошлом году. Лошадь у монаха отобрал, самого связал и высек. А когда ночь настала, привязал Кодзона к столбу. Так он истязал монаха. Обозрел Кодзон дела свои и от страданий напрасных заплакал слезами горячими.

В ту самую ночь два или три старика видели во сне, как муж тот истязает бодхисаттву Фугэн и сечет его. Проснулись от удивления и видят, как злодей монаха скрутил и бьет. Собралось монахов во множестве, и несчастного развязали. Назавтра из дворца прибыло гонцов несколько десятков. Они искали конокрада. Истязатель монаха тем вором и оказался. С одной стрелы убили его до смерти гонцы. Люди видели его смерть и говорили в один голос: «Так ему и надо — он монаха обидел. И дня не прошло, как наказание его постигло, и он умер».

Кодзон же, зла не помня, в вере укрепляясь, «Сутру лотоса» читал, Закон Будды исполняя.

Чудесные статуи и сутры

Слово о чуде с монахом, «Сутру мудрости и нирваны» усердно читавшим

Сака Гигаку был родом из Пэкче. Когда Поднебесной управляла государыня Саймэй из нового дворца Окамото, войска Тан и Силла напали на эту страну. Тогда Гигаку приплыл в Японию и поселился в храме Кудара в Нанива. Росту в нем было семь сяку. Гигаку усердно вникал в Учение Будды и с благоговением читал «Сутру мудрости и нирваны».

В том же самом храме Кудара жил монах Эги. Как-то ночью он вышел в сад и увидел, что келья Гигаку освещена ярко. Эги удивился, проковырял дыру в бумажном окне и увидел Гигаку. Он читал сутру, и из его рта исходило сияние. Затрепетал Эги, наутро покаяние совершил и рассказал монахам об увиденном.

Однажды Гигаку поведал ученикам: «Как-то вечером я сто раз прочел „Сутру мудрости и нирваны“. Когда открыл глаза, увидел, что стены исчезли и сад передо мной. Не по себе мне стало. Вышел в сад, обошел вокруг храма, обратно вернулся — стены и двери на место встали. Когда же стал сутру читать еще раз, снова прошел сквозь двери и стены. То чудо, сотворенное „Сутрой мудрости и нирваны“».

В похвале говорится: «Слава Гигаку! Он знает Учение и укрепляется в вере. В затворничестве он читает сутры, и взор его всевидящ. Видом тих и спокоен, он повелевает миром: проходит сквозь стены и излучает сияние».

**Слово о чуде чудном, случившемся с монахиней,
что изобразила шесть миров в благодарность
за четыре вида благодеяний**

В деревне Югэ, что в округе Каваэ земли Кавати, жила преданная учению Будды монахиня. Ее имя неизвестно. Она жила в горном храме Хэгури. Она возглавила общину и в благодарность за постоянно получаемые благодеяния от родителей, государя, людей и Трех Сокровищ благоговейно изобразила шесть миров, где все сущее живет. Картину освятили и поместили в храме.

Впоследствии монахине пришлось много путешествовать. За это время воры похитили святую картину. Монахиня горевала и плакала, да только как ей было картину найти? Как и прежде, наставляла она паству, а еще возжелала посвятить себя освобождению животных.

Как-то раз она вместе с другими монахинями отправилась на рынок в Нанива. Когда они уже собирались возвращаться, монахиня увидела корзину, висевшую на дереве. Из нее слышались голоса животных. Думая, что там находятся твари живые, монахиня непременно хотела выкупить их и отпустить на волю. Монахиня осталась возле дерева и дожидалась хозяина. Через какое-то время он вернулся. Тогда монахини сказали ему: «Мы слышали голоса животных из корзины. Мы хотим выкупить их и поэтому ждали тебя». Хозяин ответил: «Там никого нет». Монахиня не отступалась. Люди вокруг согласно сказали: «Нужно открыть корзину». Хозяин испугался и убежал, бросив товар. Когда корзину открыли, в ней оказалось похищенное изображение. Монахини закричали от радости и заплакали. Они сказали, обливаясь слезами: «У нас похитили картину, и мы искали ее день и ночь. Теперь мы нежданно обрели ее. Какое счастье!» Люди на рынке, прослышав про новость, собрались вокруг и восхищались монахиней. Обрадованные монахини впоследствии также освобождали животных и проводили поминальные службы. Они поместили картину в прежнем храме, где ей поклонялись и монахи, и миряне. Такие вот чудеса.

Слово о том, как превратилась в цаплю статуя Каннон

В женском монастыре Окамото, что в деревне Икаруга округа Хэгури земли Ямато, было двенадцать бронзовых статуй Каннон. (В давние времена, когда государыня Суйко повелевала Поднебесной из дворца Оварида, там помещался дворец царевича Сётоку. Он дал обещание отдать дворец под монастырь.) При государе Сёму из монастыря похитили шесть бронзовых статуй Каннон. Сколько ни искали, а найти их не могли.

В округе Хэгури, к западу от конюшен, есть маленький пруд. Летом, в шестой луне, пастухи как-то проходили мимо него. Из воды торчало бревно, а на нем сидела цапля. Пастухи заметили ее, набрали камней, комьев земли и стали швырять в цаплю. Но они никак не могли попасть в нее, и цапля сидела на прежнем месте. Притомившись, пастухи вошли в воду, чтобы схватить цаплю. Но как только они протянули к ней руки, она нырнула под воду.

Осмотрев то, что казалось им бревном, пастухи обнаружили пальцы золотого цвета. Вытащили на берег и увидели, что это была статуя Каннон. В честь статуи Каннон пруд называли прудом Бодхисаттвы. Пастухи рассказали о случившемся людям. Люди же рассказали монахиням. Пришли монахини и удостоверились, что в пруду спрятаны похищенные у них статуи. Позолота уже сошла с них. Окружив статуи, монахини печалились и плакали: «Мы лишились священных статуй, горевали днем и ночью, а теперь нежданно-негаданно вновь обрели их. Грешные мы, грешные». Поместив статуи в изукрашенный паланкин, монахини доставили их в храм. Собравшиеся там монахи и миряне говорили: «Воры похитили статуи, чтобы переплавить в монеты, но что-то помешало им, и они выбросили их».

Верно говорю — та птица была не птицей, это Каннон обернулась цаплей. Кто усомнится в этом? В «Сутре нирваны» говорится в подтверждение: «Даже после достижения Буддой просветления он не исчез безвозвратно».

**Слово о воре, похитившем статую Будды,
и о том, как чудесным образом он был пойман**

В округе Хинэ земли Идзуми возле дороги жил вор. Имя его неизвестно. Он не был прямодушен от рождения. Он убивал, грабил и не верил в карму. Он похищал из храмов бронзовую утварь, распиливал на куски и продавал.

Во времена правления государя Сёму из храма Дзинъэдзи, что находится в той же округе Идзуми, грабитель похитил бронзовую статую Будды. В это время мимо проезжал некий муж. Он ехал верхом по дороге, ведущей от храма на север. Всадник услышал жалобные возгласы: «Больно мне! Больно!» Услышав крики, он подумал, что там мучают кого-то, и поскакал на выручку, но, когда приблизился, крики прекратились. Всадник остановил коня, но услышал только лязг металла. Тогда он решил вернуться. Но едва отъехал, крики стали слышны, как прежде. Он не мог их снести и возвратился, но крики снова прекратились, и послышался лязг металла. Всадник подумал, что там убивают кого-то или еще что случилось, походил вокруг и скрытно послал слугу узнать, что происходит в доме. Тот увидел, что вор долотом отрубил руки, ноги и голову у бронзовой статуи Будды, поставив ее вверх ногами. Хозяин слуги схватил вора и спросил: «Откуда ты похитил статую?» Вор отвечал: «Из храма Дзинъэдзи».

Хозяин отправил слугу в этот храм. Оказалось, что статуя и вправду была похищена оттуда. Слуга рассказал монахам все как есть. Монахи и дарители храма, услышав его рассказ, собрались вместе, пришли на место происшествия и запричитали: «Как грустно! Как мучительно! Что навлекло на великого Учителя такие страдания? Если бы священная статуя находилась в храме, мы бы поклонялись ей. Теперь же, когда статуя разбита, кому мы будем молиться?» Монахи и миряне украсили паланкин, поместили туда искалеченную статую и, обливаясь слезами, провели похоронный обряд в храме, а грабителя отпустили с миром. Но муж, обнаруживший вора, отдал его в руки властей, и того заточили в темницу.

Верно говорю — святой Будда пресек зло и сотворил чудо. В чистых помыслах — великая сила. Священный дух Будды всюду — вот его дела. В двенадцатом свитке «Сутры нирваны» говорится: «Я преклоняюсь перед

Учением Великой Колесницы. Я убил брахмана — он оскорблял Учение. И все равно я не провалюсь в преисподнюю». В тридцать третьем свитке этой же сутры говорится: «Исчезнут навсегда те, кто полон желаний. Поэтому убить муравья — смертный грех, но, если убить того, кто корыстен, греха не будет». Тот, кто полон желаний, оскорбляет Будду, Закон и монахов, не исповедует Закон ради спасения всех живущих, и нет у него чувства благодарности. Поэтому убить его грехом не будет.

Слово о брошенном бревне, из которого вырезали священные статуи

Монах Котацу звался в миру Симоцукэ-но-асоми. Он был родом из округи Мудза земли Кадзуса. (Некоторые говорят, что он родом из округи Ахиру.)

Как-то раз во времена правления государя Сёму Котацу отправился к горе Канэ-но-митакэ в Ёсино. Он ходил вокруг дерева и читал сутры, поклоняясь Будде.

В то время в деревне Цуки округи Ёсино был мост. Под ним валялось бревно грушевого дерева. Дерево срубили, а про бревно надолго забыли. Неподалеку протекала река Асикава. Кто-то перебросил бревно через реку. Люди и звери переправлялись по бревну и топтали его.

Дела привели Котацу в деревню. Он стал переходить через реку, и тут под бревном раздались крики: «Мне больно! Не наступай на меня!» Монах осмотрелся в удивлении, но никого не увидел. Какое-то время он не осмеливался перейти через реку. Когда же он подошел к бревну и перевернул его, то увидел, что из него когда-то начали вырезать статуи будд, но не успели довести дело до конца. В великом удивлении монах уложил бревно на чистое место, поклонился ему, обливаясь слезами, и дал обет: «Счастливая судьба привела меня сюда, и я непременно вырежу из бревна статуи будд».

Котацу отнес бревно в подходящее место, созвал людей, собрал пожертвования и заказал резчикам изваять статуи будды Амиды, будды Мироку и бодхисаттвы Каннон. Теперь они находятся в молельне Окадо, что в деревне Косибэ округи Ёсино. Бревно не обладает разумом. Как может оно говорить? Чудо сотворил великий Будда. Кто усомнится в этом?

Слово о чуде с деревянной статуей Каннон

Во времена правления бывшего государя Сёму у деревянной статуи Каннон в Золотом павильоне храма Симоцука, что в столице Нара, неизвестно отчего отвалилась голова. Статуя Каннон находилась слева от статуи Будды Амиды. Даритель увидел это и хотел восстановить статую Каннон на следующий день. Прошли день и ночь, и он обнаружил, что голова сама собой вернулась на место. Голова излучала сияние. Верно говорю — священную статую уничтожить нельзя. Чудо это — поучение усомнившимся.

Слово о чуде дивном, явленном деревянной статуей Каннон, что не сгорела в огне

Во времена правления государя Сёму деревянную статую бодхисаттвы Каннон поместили в горный храм Тину, что в округе Идзуми земли Идзуми. Местные жители поклонялись ей и совершали приношения.

Случился пожар, и храм сгорел. Но деревянная статуя бодхисаттвы отошла от сгоревшего храма на два дзё и легла там, так что огонь не тронул ее. Верно говорю — Священное Сокровище не имеет цвета, не может быть понято рассудком и обнаружено глазом, но творит чудеса. То чудо из чудес.

Слово о чуде, явленном деревянной статуей будды Якуси, что была погребена под песком

На границе земель Суруга и Тотоми протекает река Ои. На берегу реки стоит деревня Уда. Она находится в округе Харихара земли Тотоми. Когда государь Дзюннин повелевал Поднебесной из дворца Нара, весной второго года эры Небесного Покоя и Знаков Закона, в третьей луне года пса, из песка на берегу реки возле деревни Уда послышался голос: «Откопайте меня! Откопайте меня!» В это время некий монах странствовал по земле Тотоми. Он проходил мимо и услышал несмолкавшие крики: «Откопайте меня!» Монах услышал голос и догадался, что он доносится из-под песка. Подумав,

что это ожил мертвец, он раскопал песок и увидел: там лежит деревянная статуя будды Якуси высотой в шесть сяку и пять сун. У статуи не было ушей. Монах поклонился статуе и сказал, обливаясь слезами: «Мой великий учитель! Как случилось, что наводнение погребло тебя? Счастливая судьба привела меня сюда, и я воссоздам твой первоизданный облик».

Возглавив общину, монах позвал ваятеля, и тот вырезал уши. В деревне Уда построили молельню, и жители совершали статуе приношения. Сейчас молельня называется Удадо. Монахи и миряне почитали статую — ведь она сотворила чудо, от нее исходило сияние и она часто исполняла молитвы.

Похожие истории передают о статуе, вырезанной Уда-яной из сандалового дерева, — она поднялась, чтобы встретить Будду, а также о деревянной статуе Динь-лань — она двигалась как живая.

Слово о рыбах, которыми хотел полакомиться монах, обернувшись «Сутрой лотоса», дабы защитить его от мирян

На горе Ёсино стоял храм. Он назывался Амабэ-но-минэ. При государыне Абэ в храме жил досточтимый монах. Он ревностно служил Будде, предаваясь самосовершенствованию. Когда тело монаха устало и силы оставили его, так что он не мог ни встать, ни сесть, ему захотелось рыбы. Он сказал ученику: «Я хочу рыбы. Принеси и накорми меня». Ученик выслушал просьбу и пошел на берег моря в земле Ки, купил там восемь свежих кефалей, положил их в небольшой ящик и отправился обратно.

По дороге он встретил трех дарителей храма. Он был знаком с ними ранее. Они спросили его: «Что у тебя в руках?» Ученик ответил: «Это „Сутра лотоса“». Но из ящика капала вода и пахло рыбой. Миряне подумали, что ученик обманывает их. Вскоре они расположились на отдых неподалеку от рынка Ути, что в земле Ямато. Миряне кричали: «Ты несешь не сутру, а рыбу!» Ученик отвечал: «Это не рыба. Это сутра». Дар тели заставили его открыть ящик. Он не мог противиться и подчинился. В ящике оказалось восемь свитков «Сутры лотоса». Увидев сутру, дарители испугались и ушли в недоумении.

Один из мирян никак не мог избавиться от сомнений и, желая узнать истину, незаметно прокрался вслед за учеником. Ученик пришел в храм и поведал монаху все как есть. Выслушав его, учитель удивлялся и ликовал — ведь само Небо защитило его. Потом он съел рыбу. Мирянин же тайно подглядывал. Тут он распростерся на земле и сказал монаху: «Даже рыба превращается в сутру, когда она предназначена святому. Я глуп и зол, не знаю закона кармы, доставляю людям беспокойства и страдания. Отпусти мне грехи. С этой минуты я буду поклоняться тебе и почитать за великого учителя, окружу тебя заботой». Так мирянин стал Главным дарителем храма и с тех пор заботился о монахе.

Верно говорю — Закон спасает тело. Даже яд он превращает в сладкую росу. Если святой ест рыбу, греха на нем нет. Рыба превращается в сутру, Небо откликается на молитву и приводит Путь в соответствие. Слушаются и такие вот чудеса.

О монахе Ундзё, заночевавшем в пещере, что в земле Сима

С тех пор как монах Ундзё вступил на путь подвижничества, он читал только «Сутру лотоса», мирские соблазны отверг и мечтал дни коротать в месте, от скверны избавленном. Дабы поклониться святым местам, отправился он в горы Кумано. Пришел Ундзё в землю Сима и очутился на берегу моря. Место было безлюдное, и он остановился на ночлег в пещере обширной, вход в которую скрывали многие деревья высокие. От пещеры и до моря теснились горы и ущелья. Земля там провоняла кровью. Устрашенный видом, Ундзё дрожал от страха и, истово читая «Сутру лотоса», с нетерпением ждал рассвета.

Как только настала полночь, задул ветер, стал накрапывать дождь, мешая молитве. Вдруг пахнуло теплым, и вонь стала нестерпимой. Тут подполз громадный змей и разинул пасть, намереваясь сожрать монаха. Ундзё решил, что его смерть пришла, и еще усерднее заголосил молитву, дабы всемогущая сутра вознесла его со смертью на небеса и спасла от преисподней. Тогда змей перестал плеваться ядом, исполнился состраданием и уполз, вреда никакого не сделав. И тогда обрушился ливень, от сверкания молний стало светло как днем,

понеслись потоки воды, сворачивая камни, горы покрылись водой.

Через какое-то время тучи рассеялись, и появился мужчина в парадных одеждах чиновника пятого ранга и, почтительно поклонившись, сказал так: «Я — хозяин пещеры. Досталась мне мерзкая плоть, творил я зло и сожрал людей уже больше десяти тысяч. Теперь же услышал, как ты читаешь „Сутру лотоса“, и сердце мое от зла отвратилось и прилепилось к добру. Ливень нынешней ночью — то был не дождь, а слезы из глаз моих. То слезы раскаяния в грехах. Уж я больше зла не сотворю. Так что ливень — то слезы мои. Знай же теперь, кто я таков». Сказал так и исчез.

Ундзё от яда оправился. Мысли его приняли достойный похвалы оборот, отныне он еще более укрепился в вере и все свои старания устремил к «Сутре лотоса», отдыха себе не давая. Змей слушал его молитвы, и сердце его склонялось к добру.

Эй, слышите, люди! Кто не чтит «Сутру лотоса», тут же утонет в иле и не разомкнет никогда круг рождения и смерти. А кто будет, как Ундзё, читать сутру другим, спасать себя и спасать других, свершая добро, достигнет так просветления.

О монахе Додзё из обители Сонсё храма Хосэй

Монах Додзё был учеником наместника Сэйкана из кельи Западного Света, что возле обители Хотё на горе Хиэй. Додзё поселился в храме Хосэй и провел там многие годы. С детских лет и до старости читал он на память «Сутру лотоса», не зная отдыха ни днем, ни ночью. С самого рождения был Додзё скор на расправу, гнева своего сдерживать не умел, учеников и послушников поносил да бранил. После того как гнев стихал, он бился головой, каялся и причитал, слезы лил. Или же винился в грехе перед статуей Будды, или же говорил монахам речи покаянные.

И было Додзё видение: вышел он из храма и направился к горе Хиэй. Возле дороги хурма росла. Взглянул оттуда Додзё на гору — от подошвы и до вершины высились храмы, пагоды, строения. Крыты черепицей, разукрашены золотом да серебром. И хранилось там сутр без числа. Сверкала-переливалась бумага желтая и си-

няя, свитки охряные и яшмовые, письмо тушью и золотом.

Удивился Додзё и спросил у старца, случившегося неподалеку: «Сутр здесь столько, что и не счесть. Откуда они?» Старец отвечал: «Это сутры, прочтенные тобою. От вершины и до Мидзуноми — сутры, что прочел ты в обители Сайто, а от Мидзуноми и до этой хурмы — прочтенные в храме Хосэй. Благодеяниями твоими откроется тебе храмина чистоты».

Выслушал старца и обрадовался Додзё. Но тут полыхнуло огнем, и одна сутра сгорела. Додзё спросил, отчего это. Старец отвечал: «Волю гневу даешь и учеников бранишь. Пламя ярости сжигает благодеяния твои. Коли обуздаешь себя, добро будет возрастать, и попадешь тогда в Край Вечной Радости».

Пробудился Додзё и, сотворив молитву, навсегда гнев свой отринул. Не грешил больше ни плотью, ни языком, ни сердцем. Своеволие обуздал, читал «Сутру лотоса» и других помыслов не ведал. С мыслями светлыми, с душою чистой отправился он в мир иной.

О монахах Хогоне и Рэндзо из земли Идзумо

В земле Идзумо жили-были два святых монаха. Один звался Хогон и частенько читал «Сутру цветов добродетелей бодхисаттвы». Другой же звался Рэндзо и читал «Сутру лотоса» и днем, и ночью. Оба святых монаха жили при храме Дайандзи. Но случилось так, что они покинули храм и поселились в земле Идзумо. Жили они, как того требует Учение, заповедей не нарушая. Хогон хоть и читал «Сутру цветов» уже двадцать лет, а все жаловался, что не по силам ему в еде себя удерживать. Тут явился ему добрый бог и сказал святому: «Обернись дарителем твоего храма и буду каждый день кормить тебя. Теперь оставь жалобы и сутру читай». Святой Хогон обрадовался и дары принял.

Каждый день в положенное время даритель приносил ему яства изысканные, и Хогон поедал их. Хогон и скажи богу: «Наутро принеси мне вдвойне. Позовем Рэндзо и дадим ему». Бог послушался. Настало время трапезы. Рэндзо пришел за подаваемым. Ждал еды, да только никто не пришел. Время вышло, и настал вечер. Рэндзо вернулся в келью. Тогда появился бог с едою и сказал: «Вчера было мне повеление от Хогона, и вышел

я вовремя, но боги, оберегающие „Сутру лотоса“, святые Бонтэн и Тайсяку-тэн, защитники Поднебесной, воспротивились изо всех сил, окружили меня, все вокруг заполонили, так что я и дойти не мог. Что мне было делать? Полный день с утра до вечера нес еду, а донести не смог. Когда же ты ушел, защитники Закона и святые разом исчезли, и тогда только смог дойти до тебя».

Хогон слушал его рассказ и только дивился. Из собственных рук накормил он Рэндзо. Всем сердцем уверовал он в «Сутру лотоса» и восхвалять стал необъятность ее благоденствия. Прилепился он тогда к «Сутре лотоса» и стал читать ее. Пост соблюдал, веру свою углубляя.

Оба праведника силами всеми стремились к Земле Пречистой и навсегда покинули грязь этого мира.

О поклоннике «Сутры лотоса» монахе Римане

Монах Риман родился в земле Кавати. Его наставником был Дзицудзо с горы Ёсино. Как вступил Риман на путь веры, так и прилепился к Дзицудзо, прислуживал да обхаживал и со всем соглашался. Хотел, чтобы Дзицудзо дал ему снадобье от похоти. Тот увидел, что Риман скромнен, намерения у него серьезные, и дал ему того снадобья. Подействовало так, что он о женщинах и думать позабыл. Знай почитывал себе «Сутру лотоса» — и так всю жизнь.

Случилось Риману быть в Оэ, и стал он перевозчиком. Раздобыл себе лодку и людей переправлял. Другой раз попал в цветущий стольный град Хэйан. Жалел больных, а нищим подавал, что они выпрашивали. Многим помог, да и от «Сутры лотоса» не отступался. Много чудес он совершил за долгие годы, а потом затворился, ни слова ни с кем не говорил. Жил в каморке у дарителя. Год или два читал там Риман «Сутру лотоса».

Как-то хозяин очутился возле Римана и наблюдал за ним. Святой прочитывал один свиток и клал его на стол. Брал следующий, и, пока читал его, прежний подпрыгивал, сам собой свертывался и на стол ложился. Посмотрел на него хозяин, сложил ладони от умиления и сказал: «Чудеса, да и только. Сутра прыгает и летает, да сама собой и свертывается».

Святой же опешил и велел хозяину: «Никогда другим не рассказывай. Свитки свертывал призрак — уж и

не знаю, откуда он взялся. А на самом деле ничего и не было. Смотри, никому не сказывай, а не то навек рассержусь». Потому хозяин, покуда святой жив был, язык свой во рту держал. А когда Риман умер, тогда уж и заговорил.

А было Риману видение: будто бы лежит он в поле брошенный и мертвый. Сбежались псы и терзают мертвечину. А сам Риман стоит в сторонке и смотрит, как псы пожирают его. Тогда подумал он: «Отчего это псы сбежались?» Отвечает ему глас с небес: «Знай, то не собаки. Это будды и их ученики, Учение слушающие. Крепко связан ты с ними, и оттого обернулись они псами».

Очнулся Риман, пост стал соблюдать строже, «Сутру лотоса» читать чаще. Долгие годы на рассвете и закате повторял он: «Пусть всемогущая „Сутра лотоса“ сделает так, чтобы вознесся я в Край Вечной Радости и покинул бrenную землю пятнадцатого дня второй луны — в день, когда Будда достиг просветления».

Святой за свою жизнь прочел «Сутру лотоса» более двадцати тысяч раз. В приюте шестнадцать раз оделял больных пищей и снадобьями. Когда приблизился его конец, Риман занемог, но не тяжко. Как Риман того и желал, умер ночью пятнадцатого дня второй луны со словами на устах: «Кто этой сутре поклоняется и идет дорогой Учения, сможет чудеса творить и просветления достичь».

Златоблеск и Мудроцвет

В земле Муцу жили два монаха. Одного называли Златоблеском, поскольку не расставался он с «Сутрой золотого блеска победоносного правителя». Он был приписан к храму Гангодзи. Другой звался Мудроцветом, предпочитал «Сутру лотоса» и был приписан к храму Кофукудзи. Оба монаха из столичных храмов вернулись на родину. В заботах праведных состарились они, проводя дни свои в трудах и молитвах. Как-то Златоблеск сказал Мудроцвету: «Оставь „Сутру лотоса“, давай читать мою сутру. Ведь она любую сутру побеждает обширностью смысла, оттого и зовется она Победоносной. Поэтому пышно чествуют ее даже и в твоём храме и читают во всех землях, когда возносят молитвы Китидзё. Молятся ей и в храме будды Якуси, Поклоняются ей и

власти, бьют поклоны и люди простые. Ты, как говорится в сутре, умом глубок и мудростью обилен. Тем паче пристало тебе „Сутру блеска“ привечать».

Отвечал Мудроцвет: «Будда учил не выделять ни одну из сутр. Уж так распорядилась судьба, что я издавна поклоняюсь „Сутре лотоса“. Отчего это откажусь я вдруг от нее ради „Сутры блеска“?» Тут Златоблеск затруднился с ответом и промолчал.

Тогда Златоблеск порешил положиться на могущество своей сутры, о чем и сказал Мудроцвету: «Пусть сами сутры решат, какая лучше. Тогда узнаем, кто прав. Коли „Сутра лотоса“ сотворит лучше чудо, откажусь от „Сутры блеска“ и прилеплюсь к „Сутре лотоса“. Ну, а если у „Сутры блеска“ выйдет чудеснее, тогда ты бросишь „Сутру лотоса“ ради „Сутры блеска“».

Так сказал он, а Мудроцвет слова не проронил. Снова сказал Златоблеск: «Засеем каждый по полю. Кто соберет больше риса, та сутра, значит, и лучше».

Каждый взял себе по полю. Златоблеск поле вспахал и водою залил, а Мудроцвет сказал: «Могущество моей сутры таково, что не стану я сеять семян и высаживать рассаду, а рис уродится на славу». Только сказал он так, как появились ростки и разрослись буйно. День за днем прошел месяц, и у Златоблеска созрел такой урожай, что и словами не описать. А на поле Мудроцвета никто не работал, никто его не орошал. Пустырь зарос сорняками, по ним бродили лошади да коровы. Богатые и бедные, высокие и низкие «Сутру блеска» хваливали, а «Сутру лотоса» поносили.

В начале седьмой луны посреди поля Мудроцвета выросла тыква горлянка. На все восемь сторон раскинула она свои листья, прикрыв ими поле. Стебель был также высок. Прошло дня два или три, расцвели цветы, созрели плоды. Каждая тыква выросла огромной, как кувшин, и тут же они стали опадать. Святой пригляделся, взял одну тыкву и разбил ее — внутри оказались зерна риса — чистые да белые. Они были большими и блестящими. Святой взвесил рис — в тыкве оказалось пять мер. Сначала Мудроцвет поднес рис статуе Будды и сутре, потом стал раздавать монахам. Сколько-то тыкв отослал Златоблеску в келью. Сердце его исполнилось удивления, оставил он непутевые и нелепые мысли, уверовал в Мудроцвета и преклонился перед ним. Придя к Мудроцвету, распластался перед ним и покаялся во всех своих прегрешениях. Преданно размышлял он о «Сутре

лотоса», переписывал ее и освящал, читал ее и устремлял к ней свои помыслы. Мудроцвет же рис со своего поля раздавал по всем землям. Монахов и мирян, бедных и одиноких — всех приходивших наделял он полной мерой. Уже настала двенадцатая луна, а горлянка все зеленела, и на месте сорванных тыков вырастали новые. А отведавшие того риса не только бедствовать прекращали, но и помыслами направлялись к высшему. Так Мудроцвет рисом с того поля угождал Будде и наставлял заблудших. Но в скромности пребывало его сердце, продолжал он молитвы и пост и скончался, достигнув преклонных лет.

Как обожатель «Сутры лотоса» от злого духа спасся

В земле Тадзима стоял в горах храм. Больше ста лет минуло с тех пор, как его построили. Злые духи поселились там, а людей давно не бывало.

Как-то раз пришли туда двое монахов. Не знали они, что к чему, и остались в храме ночевать. Один монах годами был молод и «Сутру лотоса» читал, а другой — летами стар и предпочитал священнодействие. Разошлись каждый в свой угол спать на широких постелях. Как настала полночь, проломился кто-то сквозь стену. Смрад от него был сильный, дышал как корова. Вонь ударила монахам в нос, и тут дух напал на них. Юноша испугался страшно и стал истово читать «Сутру лотоса». Дух юношу оставил, бросился к старому, стал на части рвать и пожирать его. Старик закричал в голос, да только некому было ему помочь, а юноша как оборонить его не знал. Кричал и вопил, плакал и стонал. Взобравшись к алтарю, юноша обнял какую-то статую, читал сутры и призывал Будду, дабы смерти избежать и спастись.

Сожрав старика, дух обеспокоился юношей, а тот продолжал истово читать сутру, и оттого дух грохнулся наземь перед алтарем. Больше он не являлся. Монах же еще крепче сжал в объятиях статую, читал сутру и ждал с нетерпением рассвета. Когда взошло солнце, он увидел, что обнимает статую Бисямона. Бычья голова духа была разрублена натрое, а на мече Бисямона застряла кровь.

Доподлинно известно: дабы спасти монаха, Бисямон зарубил духа. Монах дошел до села и рассказал о ду-

хе. Многие люди собрались в храме и нарекли, что случилось, чудом. Сам управитель земли почтительно преклонился перед статуей Бисямона и повелел поклоняться ей как главной святыне храма.

Всемогущество сутры оберегло монаха от смертельной опасности. Монах же пуще прежнего укрепился в вере, продолжал читать «Сутру лотоса» и поклялся все силы отдать, дабы достичь просветления.

О монахе Эйдзицу из храма Симмэйдзи

Эйдзицу почитал «Сутру лотоса». Человеком он был небедным и приходился государю внуком. Когда Эйдзицу минуло лет еще немного, покинул он родительский дом и уже никогда не оставлял Путь Будды. Природа наделила Эйдзицу добротою, и он жалел всех, кому жилось тяжело.

Эйдзицу поселился на горе Атаго и читал там «Сутру лотоса». В самую стужу скидывал одежду и отдавал, кому носить нечего. Когда ему самому нечего было надеть, насыпал в бочку листьев и прятался там от холода, читая «Сутру лотоса». В другой раз пошел густой снег, и Эйдзицу сколько-то дней ничего не ел. Брал землю из очага, клал в рот, и на вкус она казалась сладкой-сладкой. Тем самым продлял жизнь и мог сутру читать. Как-то после многих испытаний святой сутру дочел, и тут перед ним явился белый слон, и свет из его пасти осветил хижину. Такие чудеса случались с ним частенько.

Голос у Эйдзицу был красив, и те, кто его слышал, плакали. И уж конечно, чудесами своими усмирять он бесноватых и немочь изгонял. Государь и придворные почитали его и преклонялись, слушали, как он сутру читает. Люди издали и соседи, чужие и близкие внимали ему с радостью.

Лежал на дороге больной в нечистотах и вонючий. Кто его видел, нос затыкал, глаза зажмуривал и мимо проходил. Святой же с любовью к хворому подошел, «Сутру лотоса» стал читать, одеждою своею прикрыл, рядом лег, обнял и недуг изгнал всемогуществом сутры и духа своего. И так было не раз. Редко встретишь такое сострадание, силу такую — немочь изгоняющую, страдания облегчающую.

И тут отправился Эйдзицу в Тиндзэй, стал в миру

жить, землю пахать, из риса вино гнать и зажил по-богатому. Ел рыбу и птицу и из лука стрелял. И творил такое, что и представить невозможно. Читал сутру рыбам жареным и вареным, и жабры у них дышать начинали. Эйдзицу их в воду пускал, и они уплывали. Брал он лук и колчан подвешивал, а люди смотрели и видели «Сутру лотоса» у него на спине. Подивятся тому, еще взглянут, видят: нет, то не сутра, а колчан.

Управитель земли Хиго оклеветал святого и имущество его забрал. Сказал, что Эйдзицу бесстыдно заповеди преступает и церемониться с ним нечего. Тут жена управителя слегла от тяжкого недуга и умирать собралась. Молилась и буддам, и родным богам, врачевали ее по-всякому — толку не было. Управитель рыдал и о выздоровлении молил. Наместник ему сказал: «Позови Эйдзицу, пусть он „Сутру лотоса“ почитает». Управитель в гневе отвечал: «Не стану его звать — он заповедей не чтит и в миру живет». Наместник же убеждал его с почитательностью. Управитель наконец ответил: «Ладно. Будь по-твоему». Наместник позвал Эйдзицу. Тот сказал: «Я стыда не ведаю, Закона Будды не знаю, живу, как грешный мирянин. Как можно на меня надеяться?»

Много раз святой так отнекивался, но наконец пришел к управителю, стал сутру читать. Не успел дочесть до главы, как Защитник Закона проник к больной, прошел сквозь ширму, встал перед Эйдзицу, стал колотить его. Немочь тогда отступила, больная попросила есть и пить, ей полегчало, и она выздоровела. Управитель почитательно сложил ладони, святого поблагодарил и, устыдившись прежних своих поступков, награбленное у Эйдзицу возвратил без изъятия, да только святой не взял.

Настало время святому умирать. В чистом месте построил себе хижину, затворился в ней, «Сутру лотоса» читал и сколько-то дней от пищи отказывался. Голос, сутру читавший, издалека слышали. Кто бы его ни слышал, твердили все с почтением: «Святой Эйдзицу перед кончиной „Сутру лотоса“ читает».

Эйдзицу скончался с думами спокойными, с ладонями, сложенными благоговейно.

Одни говорят: «Эйдзицу в конце своем, кармой дурной влекомый, мысли грешные имел». Другие же говорят, что не так это. Вначале только были у него грешные помыслы, но потом он в них раскаялся, веру глубокую возымел и умер с «Сутрой лотоса» на устах.

О монахе из храма Морского Дракона

В храме Морского Дракона, что в округе Хэгури земли Ямато, жил-был один монах. Он всегда носил «Сутру лотоса» с собой и разъяснял ее. Каждый день он непременно выбирал одну главу, растолковывал ее и читал. Так множились его благодеяния не один год. И тут вдруг явился дракон. Привлеченный благородной проповедью, он приходил каждый день в сад, где собирались слушатели. Так внимал он «Сутре лотоса» три года кряду, не пропустив ни единого дня. Монах подружился с драконом. О дружбе той шла молва.

И случись тут сушь. Не выпало ни капли дождя, пять злаков погибали. О монахе донесли государю. Государь же повелел монаху явиться и толковать сутру, а дракону его слушать. Пусть, мол, монах передаст повеление дракону, и тогда выпадет дождь. Если же монах ослушается, пусть тогда немедля из Японии убирается.

Монах выслушал повеление и, исполненный грустных и печальных размышлений, вернулся в храм и рассказал обо всем дракону. Дракон отвечал: «Уж три года, как я слушаю „Сутру лотоса“ и тем избежал многих злых дел, вкушая радость предстоящего воздаяния. Я хотел бы оставить свое мерзкое тело и переродиться человеком, дабы воздать Учителю по заслугам. А дождю я не хозяин. Засуха и другие напасти во власти небесного владыки Бонтэна. По его повелению дождь дождит и прекращается. Если же поднимусь и открою врата дождю, Бонтэн убьет меня. Но я принесу себя в жертву Закону Будды. И тогда три дня будет идти дождь. Ты же захорони мои останки и на том месте поставь храм. Тело мое разделится на четыре. Повсюду отстрой храмы — пусть повсюду будет земля Будды». Сказав так, дракон расстался с монахом. Монах же доложил обо всем государю.

В назначенный срок засверкали молнии и хлынул ливень. Три дня и три ночи, не зная отдыха, лился он. Вода наполнила мир, и пять злаков уродились на славу. Государь возрадовался и повелел монаху читать «Сутру лотоса».

Исполняя волю дракона, монах воздвиг храм Морского Дракона. Кроме него построил еще три храма — Врат Дракона, Небесного Дракона и Владыки Дракона. Монах же всю жизнь свою читал «Сутру лотоса». И столько чудес совершил, что обо всех и не расскажешь.

О ваятеле Кансэе

Монах Кансэй ваял статуи будд и тем жив был. Кроме того, читал «Сутру лотоса». Каждый день прочитывал он сутру, а главу о Каннон наизусть твердил. И так всякий день отчитывал все тридцать три свитка. Восемнадцатого дня каждой луны Кансэй постился и бодхисаттве Каннон дары приносил.

Один воин позвал Кансэя в округу Кувата земли Тамба, дабы он золотую статую Каннон изваял. Хоть заказчик и нанял Кансэя для дела благого, а сам не знал ни стыда ни совести. Одарил он щедро Кансэя, а когда тот отправлялся в столицу, задумал Кансэя убить, а дары себе взять. И на горе Оэ он ваятеля убил, дары забрал и домой вернулся. Чтобы взглянуть на статую, в храм пошел. Дверь отворил, взглянул на статую новую, а у золотой Каннон плечо разрублено и из раны кровь алая льется, на полу густеет. Увидел воин кровь, заплакал-закричал: «Зарубил я ваятеля насмерть. А теперь, выходит, Каннон искалечил. Чудо это, и страшно мне». Отправил тогда воин слугу на гору, дабы взглянул он — там Кансэй или нет. Слуга же дошел до столицы, нашел дом Кансэя и увидел — он жив-здоров. Вернулся слуга и все хозяину рассказал. Тот испугался пуще прежнего, и в грехе покаялся. Уразумел он, что Каннон ваятелем обернулась, себя под его меч подставив, и тем жизнь Кансэя спасла. Тогда пошел воин к ваятелю, дары вернул, стал расспрашивать. Кансэй отвсчал: «Напал на меня разбойник, но все же удалось мне целому и невредимому домой вернуться. Не иначе как всемогущая Каннон оборонила меня!»

Ваятель и воин этим знанием оба души свои к праведности обратили, службу Каннон отслужили, «Сутру лотоса» читая. Было это во втором году эры Совершенного Спокойствия.

О чиновнике из земли Хиго

В земле Хиго жил-был некий муж. Имени его не знаю. Стал он в той земле чиновником служить, дел у него прибавилось. Бывало, только солнышко взойдет, а его уж дома нет; возвращается же он поздно ночью. Так прожил он многие годы, казне служа.

Раз срочность большая была, и случилось ему ночью

глубокой одному в присутствие идти. Тут в него дух злобный вселился, чиновник рассудок потерял и себя уже не помнил. До места не дошел, домой не вернулся. Чисто поле прошел, горы, лесом темным заросшие, позади оставил. Дело к ночи идет, а чиновник дороги и не знает. Солнце закатилось, и тут он к дому чьему-то вышел. Тут рассудок к нему вернулся, и он подумал: «Вышел я из дома поспешно по делу служебному еще до света. Отчего это попал я сам не знаю куда?» Огляделся — вокруг горы высокие да поля широкие. Людей нет, только дом один стоит. Пошел в тот дом, ночевать попросился. Вышла жена важная. Лицом пригожая, в платье ладном. Приветила гостя, скоро в дом провела, спать уложила, душу успокоила. Чиновник и подумай: «В горах высоких жена живет прекрасная. В столице красоты такой и не видывал. Не иначе как оборотень». Тут он испугался, мигом на коня вскочил, плеткой его стегнул и ускакал. Но красавица духом злобным обернулась, чиновника догнала и сказала: «Хочешь ты от меня убежать, а не убежишь. С самого утра я к тебе пристала, с тобою и пришла. Отведу тебя к себе, а там и съем». Сказав так, уселась на коня позади чиновника. Конь ее почуял, глаза кровью налились и стали вроде зеркал больших. Она же четыре клыка крепких оскалила. Телом раздулась и стала зверем. Из глаз, ушей, носа и пасти пламя извергла. Конь споткнулся и упал, а чиновник в яму провалился. Зверюга коня схватила и тут же сожрала. Ни косточки не выплюнула, без остатка сжевала. К яме подбежала, закричала во всю глотку: «А ну, наверх поднимайся!»

В яме же вдруг еще человек обнаружился. Он сказал: «Эй, женщина, убирайся скорее. Уже отдал я тебе коня на съедение, зачем за путником гонишься? Впредь чтобы я о злодействе таком не слышал». Женщина убежала, причитая. Чиновник же в страхе подумал: «В яме дух пострашнее прежнего. Этот уж точно меня сожрет».

Тут в яме послышался голос нежный: «Не бойся меня. Сердце свое успокой. Я здесь ради спасения твоего». Чиновник спросил: «Кто ты?» Тот ответил: «Не человек я и не дух, я — первый иероглиф „Сутры лотоса“. Давным-давно один святой на западной вершине ступу воздвиг, „Сутру лотоса“ в нее поместил и заклятие сказал: „Хочу, чтобы сутра в поле широком была и всех, кто в беду попал, из беды выручала“. Немало лет прошло, ступа развалилась, ветер сутру по миру развеял. Лишь первый

знак ее, означающий „чудесная“, здесь остался и людей выручает. Помни: в том месте духи злые вместе сбиваются. Я же здесь живу, людей выручаю, от злых духов спасаю. А всего их за семьдесят тысяч будет».

Когда рассвет забрезжил, из ямы отрок вылез и повел путника. Немного времени прошло, и еще до полудня добрались они до дома чиновника. Отрок ему сказал: «Направь сердце свое по пути истинному, „Сутру лотоса“ почитай и тогда избежишь круговерти жизни и смерти и вознесешься в Пречистую Землю Амиды. Всемогуществом учения чудного источник жизни и смерти да будет уничтожен!» Обрадовался чиновник, головою до земли склонился, и, пока молитву горячую творил, отрок на небо вознесся — только его и видели. Чиновник же в дом вошел, отцу с матерью, детям с женой и всем людям о чуде поведал.

Сердце свое на путь истинный направив, всеми силами к Учению Будды прилепился, «Сутру лотоса» читал и, тело свое на этой земле оставив, в Край Вечной Радости вознесся.

Об обезьяне из храма Оцудзи, что в земле Этиго

В храме Оцудзи, что в земле Этиго, жил один обожатель «Сутры лотоса». Сердцем сдержан и незамутнен, жизнь вел уединенную. Читал сутру и других помыслов не ведал. Вдруг две обезьяны явились, на дерево взобрались, до конца дня сутру слушая. Назавтра пришли утром, а ушли вечером. Минуло луны две или три — каждый день приходили, сутру слушали. Монах удивился, к обезьянам тем наконец подошел, спросил: «Отчего сюда ходите? „Сутру лотоса“ затвердить хотите?» Обезьяны на монаха поглядели и головой покачали. «Тогда, может, хотите сутру переписать?» Обезьяны от радости заулыбались, ладони сложили молитвенно, на земле распростерлись. Монах сказал тогда: «Ну, если вы того желаете, я для вас сутру сам перепису». При словах этих слезы из глаз обезьяньих брызнули, поклонились они монаху, с дерева слезли и ушли.

Дней через пять или же шесть пришло обезьян уже несколько сотен. Все на себе тащили что-то. Сложили перед монахом. Поглядел он — а это кора, чтобы бумагу делать. Обезьяны, значит, кору ободрали и ему принесли. Монах поглядел, подивился и, из коры той бумаги наде-

лав, день поудачнее выбрал и стал сутру переписывать. Как взял в руки кисть, так уже ни дня не пропускал, а две обезьяны ему батат приносили. Когда наступила осень, а потом и зима, обезьяны для монаха собирали каштаны, хурму и иные плоды. Когда монах дошел уже до пятого свитка, обезьяны вдруг исчезли. Удивился монах, из храма в лес вышел, видит: обезьяны бататы побросали, а сами в нору забрались и померли. Увидел их монах, заплакал, запричитал и, тела их опрятно положив, стал «Сутру лотоса» читать, Амиду призывать, молясь о благополучии душ обезьяньих.

Переписывать сутру монах не закончил — так и возложил перед статуей Будды.

С тех пор минуло сорок с лишним лет, и Ки-но-Мицутака-асоми назначили Управителем земли Этиго. Прибыв на место, он не стал возносить молитв родным богам, к делам не приступал, а сразу же отправился в округу Мисима, где находился храм Оцудзи. Управитель спросил тамошних монахов: «Есть ли в храме сем „Сутра лотоса“, что переписать не успели?» Монахи удивились, стали друг друга спрашивать, да все без толку. Обожающему же нашему восемьдесят лет минуло, старый он стал. Сказал он Управителю: «Давным-давно начал я сутру переписывать ради спасения душ обезьяньих». Управитель премного обрадовался, монаху престарелому поклонился и сказал: «Вот как? Где же та сутра? Благодаря ей назначен я Управителем. Когда-то я был обезьяной. От тебя услышал „Сутру лотоса“, сердце мое просветлело, и ради меня стал ты сутру переписывать. И вот теперь ученик твой в земле Этиго очутился. Неспроста это, и не бывало еще такого чуда. Прошу тебя — до конца ту сутру перепиши, дабы обет исполнен был».

Монах услышал слова эти, слезами нечаянными залился, милосердие выказывая бесконечное. Взял он ту сутру и переписал до конца, пост соблюдая строгий. Управитель же заказал переписать сутру еще три тысячи раз, сутры все освятил, благодеяния свои приумножая многократно.

Всемогуществом «Сутры лотоса» монах престарелый вознесся в Пречистую Землю. Две обезьяны, ради которых он сутру переписывал, слушали монаха и потому переродились Управителями. Сердца свои к Будде обратив, вели они жизнь праведную. После смерти приходит воздаяние дивное так же верно, как у меня руки есть.

О распутнице из округи Муроно земли Кии

Жили-были два монаха. Один был годами молод и лицом красив. Другой был стар. Вместе они отправились паломничать в Кумано. Дошли до округи Муроно и остановились на ночлег в доме возле дороги. Владела домом вдова. Выделив для монахов служанок, хозяйка устроила их на ночлег, хорошенько накормив и всячески угождая.

Глубокой ночью хозяйка пробралась к молодому монаху, скинула одежду, легла с ним и сказала: «В моем доме никогда не ночуют чужие. Но сегодня я оставила вас, и на то есть причина. Как только я увидела тебя, захотела лечь с тобой. Потому и оставила ночевать, за тем и пришла к тебе».

Монах страшно сердился и досадовал, сел на постель и сказал: «Многие дни я постился, прошел дальнюю дорогу, дабы преклониться перед божествами Кумано. Как же приму на душу тяжкий грех?» Так он отнекивался. Женщина пришла в великую ярость. Ночь напролет она обнимала его, соблазняла, веселила. Монах же беседовал с ней, осаживая по-всякому. «Обожди два-три денечка. Вот только дойду до Кумано, засвечу лампадку, помолюсь, да и вернусь сюда, и сделаем, как ты того хочешь». Пообещав так, монах избежал ее и отправился в Кумано.

Помня о его возвращении, вдова ждала монаха, заготовив угощение. Монах же на обратном пути прошел мимо. Отчаявшись ждать, вдова вышла на дорогу и стала высматривать путника.

Шел из Кумано некий монах. Вдова спросила, не видел ли он молодого и старого в таких-то и таких-то одеждах. Монах отвечал: «Они там долго не задерживались. Уж дня три минуло, как они ушли оттуда».

Услышав ответ, вдова от досады всплеснула руками, вернулась домой, зашла в спальню, затворилась там и замерла, не издавая ни звука. Потом обернулась ядовитой змеей длиною в пять хиро и погналась за монахом.

Один человек увидел змею. Задрожал весь от страха и сказал двум монахам: «Странное дело. Громадная змея оставила позади Ямано и ползет сюда».

Тут монахи сообразили, что вдова змеей обернулась и гонится за ними. Тогда они стали веселее погонять лошадей и доскакали до храма Додзэджи. Рассказали там о случившемся, надеясь в храме от змеи спастись.

Собрались тамошние монахи и стали думать, как им

быть. Взяли большой колокол, молодого монаха посадили под него, а ворота в храм затворили. В это время змея к храму приблизилась, стала вокруг ползать. Подобралась к двери, за которой монах прятался, стала хвостом в дверь колотить. Била-била, пока дверь не вышибла. Вползла в храм. Оббившись вокруг колокола, стала хвостом по навершию колотить. Монахи затрепетали, все двери распахнули и, сгрудившись, с ужасом наблюдали за змеей. Она же заплакала кровавыми слезами, из храма выползла, голову подняла, язык высунула и уползла, откуда пришла. Монахи увидели, как от ее яда колокол вспыхнул пламенем жарким, так что к нему и не подойти было. Тогда натаскали воды и поливали колокол. Так потушили огонь. Стали искать монаха, а он весь сгорел — ни косточки не осталось, только горсть пепла и пыли.

Прошло сколько-то дней, и тот самый престарелый и многоопытный монах увидел во сне, как огромный змей подползает к нему и говорит: «Я — тот монах, что прятался в колоколе. Распутница овладела мною, я стал ее мужем и получил это поганое и мерзкое тело. Сил моих мало, дабы избавиться от этих страданий. Хотя при жизни я и читал „Сутру лотоса“, но времени не хватило, чтобы праведные дела привели меня в Край Вечной Радости. Дурная карма сделала свое дело. Но милостью твоей избавлюсь от мук. Пусть же в душе твоей укоренится сострадание бесконечное. Перепиши с сердцем чистым „Сутру лотоса“ — так спасешь от страданий змею и змея. Если б не „Сутра лотоса“ — как тогда спастись от мук? Особо же постарайся ради той распутницы».

Сказав так, змей уполз.

Монах пробудился ото сна и исполнился праведной решимости, осознав муки круговорота жизни и смерти. Собственноручно переписал он главу из «Сутры лотоса», имущество свое забросил, вещи роздал монахам. Еще созвал он монахов для пышной службы, совершая эти благодеяния ради избавления змея и змеи от мучений.

В ту ночь было праведнику видение: монах и распутница с видом радостным и лицом умиротворенным пришли в храм Додзэджи, перед святыми статуями и монахами разом распростерлись на земле и сказали: «Добрые дела твои вывели нас с поганой дороги и вознесли в Край Вечной Радости — бывшая распутница родилась на небе Тори, а монах — на небе Тосоцу».

Сказав так, они разделились и исчезли в пустыне неба.

Праведный суд

Слово о каре, настигшей безжалостного и неправедного ростовщика

Касивадэ-но-оми-Хирокуни был мелким чиновником в округе Мияко земли Будзэн. В те времена, когда государь Момму управлял Поднебесной из дворца Фудзивара, осенью второго года эры Счастливых Облаков, пятнадцатого дня девятой луны года змеи, Хирокуни скоропостижно скончался. На четвертый день, в час обезьяны, он ожил и рассказал: «Явились за мной муж с отроком. Прошел я с ними путь в два перегона. Встретилась нам река широкая, и мы перешли ее по мосту, золотом изукрашенному. От моста отправились дальше и попали в страну невиданную. Я спросил посыльных: „Где мы?“ Они отвечали: „Это южная земля“. Когда дошли до столицы, восемь стражников последовали за нами. Гляжу — дворец золотой. Во дворце увидели мы царя Эмму, на золотом троне восседавшего. Царь сказал мне: „Я призвал тебя по наущению твоей жены“. Он позвал женщину. Я узнал в ней покойную жену. Железные гвозди пронзали ее от макушки до зада и от лба до шеи, а железная цепь сковывала руки и ноги. Восемь мужей тащили ее. Царь спросил: „Ты узнаешь ее?“ Я ответил: „Да, это моя жена“. Тогда он спросил: „Ты знаешь, в чем она тебя обвиняет?“ Я ответил: „Не знаю“. Жена сказала: „Зато я знаю. Ты выгнал меня из дому. Оттого я испытываю злобу и ненависть и не могу достичь просветления“. Царь сказал мне: „Ты ни в чем не виновен. Можешь возвращаться домой. Но не смей рассказывать все о Стране Мертвых. Если хочешь увидеть отца, иди на юг“.

Я пошел на юг и вправду увидел отца. Он обнимал раскаленный медный столб. Тридцать семь гвоздей пронзали его тело, и каждый день его били железной палкой: триста раз утром, триста днем и триста вечером.

Я увидел его и спросил горестно: „О отец! За что ты принимаешь такие муки?“ Отец сказал: „Ты разве не знаешь? Чтобы накормить жену и детей, я убивал животных, заставляя отдавать десять мер тканей за взятые у меня займы восемь, давал займы малую чашу риса, а брал большую, отнимал у должников их добро. Я путался с чужими женами, не заботился о родителях, не почитал старших и оскорблял себе равных. Из-за этих грехов в мое маленькое тело забили тридцать семь гвоздей и бьют каждый день железной палкой девятьсот раз. Какая боль, какие страдания! Когда же грехи мои искуплены будут? Когда мое тело обретет покой? Замаливай грехи мои: скорее вырезай статуи будд, переписывай сутры. Ежечасно помни обо мне. Седьмого дня седьмой луны я обернулся змеей и, голодный, хотел вползти в твой дом. Палкой ты выбросил меня вон. Пятого дня пятой луны я обернулся рыжим щенком и прибежал к твоему дому. Ты кликнул пса, натравил его на меня, и я вернулся голодный и усталый. Но когда я обернулся кошкой и пришел в твой дом в первый день нового года, ты хорошо накормил меня — я насытился на целых три года.

Я больше не различаю старших и младших, высоких и низких. Как мне жить — не знаю. Я стал собакой, пожирающей собственную слюну. И снова я обернусь рыжим щенком! Знай: если совершить приношение в одну меру риса, после смерти будешь сыт тридцать дней. Если совершить приношение в одну одежду, будешь одет на год. Тот, кто читает сутры, поселится в восточном золотом дворце и рожден будет на том небе, на котором пожелает. Тот, кто вырезает статуи будд, родится в западной Пречистой Земле вечной жизни. Тот, кто отпускает на волю животных, родится в северной Пречистой Земле вечной жизни. Кто постится день, насытится на десять лет“.

Устрашенный мучениями грешников в царстве Эммы, я отправился обратно. Дошел до моста, но стражник, охранявший ворота, преградил путь и сказал: „Кто зашел сюда, не возвращается“. Я бродил там, покуда не появился отрок. Увидев его, стражник упал на колени. Отрок позвал меня, провел к боковым воротам и распахнул их. Когда я выходил, он сказал: „Поспешай поскорее“. Я спросил его: „Кто ты?“ Отрок ответил: „Запомни: «Я — „Сутра Каннон“, что ты переписал еще мальчиком“. Отрок исчез, а я ожил».

Хирокуни записал, как он попал в Страну Мертвых, и поведал людям об увиденных им примерах воздаяния. Его рассказ подтверждает учение о возмездии за грехи, о чем много говорится в сутрах Великой Колесницы. Кто усомнится в этом? Поэтому и говорится в сутре: «Тот, кто лижет сладкую росу в настоящем, станет глотать железные шары в будущем».

Чтобы искупить грехи отца, Хирокуни вырезал статуи будд, переписывал сутры и совершал приношения Трем Сокровищам, исполняя сыновний долг. С тех пор он отринул зло и жил праведно.

**Слово о почитании китайского бога
и принесении ему в жертву быков,
о милостивом освобождении животных
и о воздаянии в этой жизни**

В деревне Надэкубо, что в округе Хигасинари земли Сэцу, жил богатый домохозяин. Имя его неизвестно. Он жил во времена правления бывшего государя Сёму. Китайский бог овладел им, и домохозяин семь лет кряду молился ему, каждый год принося в жертву быка. Всего он сгубил семь быков. По истечении семи лет муж тот в одночасье тяжко занемог. Семь лет ни лекари, ни снадобья не могли помочь ему. Тогда позвал он прорицательницу, и она молилась за него, но ему становилось все хуже. Домохозяин подумал: «Я захворал оттого, что убивал быков». Тогда стал он придерживаться заповедей, животных больше не убивал, а только отпускал их на волю. Когда он видел, как кто-то собирается убить животное, домохозяин покупал его не торгуясь. Домохозяин посылал также слуг на все восемь сторон, чтобы те выкупали животных и отпускали их на волю. Когда он умирал на исходе седьмого года своей болезни, то сказал жене и детям: «Не сжигайте мое тело девять дней». Так и сделал, они ждали назначенного дня.

Прошло девять дней, домохозяин ожил и рассказал: «Пришли за мной семеро чудищ с головами быков и телами людей. Они привязали веревку к моим волосам и потащили. Дорога привела к высокому дворцу. Я спросил: „Что это за дворец?“ Страшными глазами посмотрели чудища и грозно велели: „Иди скорее“. Мы вошли в ворота дворца, и они сказали: „Он здесь“. Я догадался, что они обращались к царю Эмме.

Царь спросил: „Это тот, кто убил вас?“ Они ответили: „Да, это он“.

Чудища притащили стол для резки мяса, нож и сказали: „Решай скорее — виновен он или нет. Мы желаем зарезать его и съесть, как он съел нас“.

Тут вдруг явились несметные толпы людей, они развязали меня и сказали: „На нем вины нет. Он убивал, поскольку приносил жертвы злому богу, который вселился в него“. Чудища и люди поставили меня между собой и спорили, как вода и пламя. Царь Эмма не выносил приговора. Чудища не унимались: „Ведь это тот самый домохозяин, что отрубал нам ноги, молился в храме предков для собственной выгоды, резал нас и съедал, запивая вином. Теперь мы хотим убить его и съесть“.

Люди вновь обратились к царю: „Верно говорим: на нем греха нет. Во всем виноват злой бог. Подумай сам, ведь у истины больше свидетелей“.

Минуло семь дней, и вечером восьмого дня мне велели наутро прийти во дворец. На девятый день я отправился туда, как мне и сказали. Царь Эмма рек: „Поскольку большинство приговоров определяется большинством, я присоединяюсь к людям“.

Так был вынесен приговор. Когда чудища услышали его, они стали облизывать губы и сглатывать слюну, как будто они резали и ели мое мясо. Они подняли мечи и злобно сказали: „Мы не отомстили тебе сейчас. Но у нас крепкая память, и есть время в запасе“.

Тут люди окружили меня, и мы покинули дворец. Меня несли в паланкине, а впереди шли люди с поднятыми флагами. Они пели мне славу и прощались, стоя на коленях. Все они были на одно лицо. Я спросил: „Кто вы такие?“ Они отвечали: „Мы — те животные, что ты выкупил и отпустил на волю. Мы не забыли твоего благодеяния и потому спасли тебя“».

После того как домохозяин покинул дворец Эммы и ожил, он возносил нескончаемые молитвы. Теперь он не почитал других богов, но только Будду. Он поднял над домом стяг, превратил свое жилище в храм, поместил там статуи будд, исполнял Закон и отпускал на волю животных. Храм называли Надэдо. Бывший грешник излечился и умер, когда ему минуло девяносто лет.

В «Сутре заповедей и воздаяний» говорится: «Когда Карудай был жрецом, он принес в жертву овцу, и жена брахмана отомстила ему — убила его, хотя он и стал архатом». «Сутра золотого блеска победоносного прави-

теля» говорит о том же: «Русуй отпустил на волю десять тысяч рыб. Они родились на небе и отдалили его сорока тысячами жемчужин».

**Слово о человеке ученом, который оскорблял
скрытого под обличем монаха святого,
попал в этой жизни во дворец царя Эммы
и был наказан в преисподней**

Сяку Тико родился в земле Кавати. Он был монахом в храме Сукита, что в округе Асукабэ земли Кавати. В миру он звался Сукита-но-мурадзи. Затем он изменил имя на Ками-но-сугури (его мать происходила из рода Асукабэ-но-мияцукю). С рождения Тико славился умом и был первым в учении. Он написал толкования к «Сутре грешникам в утешение», «Сутре великой мудрости и нирваны» и рассказывал об учении Будды ученикам.

В эти же времена жил послушник по имени Гёги. В миру он звался Коси-но-фухито. Гёги родился в округе Кубики земли Этиго. Его мать происходила из рода Хатида-но-Кусуси округи Отори земли Идзуми. Гёги оставил мирскую жизнь, отринув желания, распространял Закон и наставлял заблудших. С рождения его отличали светлый ум и премудрость. Сердцем он был бодхисаттва, ликом — монах. Государь Сёму преклонялся перед его добродетелями и почитал его. Люди превозносили Гёги и славил, называя бодхисаттвой.

Зимой шестнадцатого года эры Небесного Спокойствия, в одиннадцатой луне года обезьяны, государь назначил Гёги патриархом. Тико завидовал ему и злословил: «Я мудр, а Гёги только послушник. Почему государь хвалит его и доверяет, а меня не принимает в расчет?» Гнев обуял Тико, и он затворился в храме Сукита. Вскоре он заболел животом. Минул месяц. Чувствуя приближение смерти, Тико сказал ученикам: «Когда умру, не сжигайте тело. Подождите девять дней. Если будут меня спрашивать, отвечайте, что я отлучился по делам. Оставляйте гостей тут и молитесь. Не передавайте людям о моей смерти». Ученики выслушали Тико, затворили дверь кельи, а о его смерти ни словом не обмолвились. Они тайно плакали, днем и ночью охраняли ворота храма и ждали назначенного срока. Когда к Тико приходили, то отвечали, как им было велено, оставляли гостей ночевать и молились.

За Тико между тем пришли двое посыльных царя Эммы. Вместе пошли они на запад и очутились перед высоким золотым дворцом.

Тико спросил: «Где я?»

Посыльные отвечали: «Ты мудр, и имя твое славно в Стране Тростниковых Полей. Разве ты не знаешь, что это дворец, в котором возродится бодхисаттва Гёги?»

Ворота охраняли два небожителя в доспехах и с красными повязками на головах. Войдя во дворец, посыльные преклонили колени и сказали: «Вот он». Царь Эмма спросил: «Ты монах Тико из Страны Тростниковых Полей?»

Тико ответил: «Да».

Тогда царь Эмма указал на север и сказал: «Иди по этой дороге».

Тико отправился вместе с посыльными. Хотя он не видел ни пламени, ни света солнца, тело и лицо опалело жаром горячим. Жар был страшен, но Тико шел вперед.

Тико спросил: «Отчего так жарко?»

Посыльные отвечали: «Пламя преисподней опалает тебя».

Тико подошел к раскаленному железному столбу. Посыльные сказали: «Подними столб».

Тико поднял столб, и его тело сгорело до кости. Минуло три дня, посыльные обмахнули столб старой метелкой и сказали: «Оживай, оживай». Тогда у Тико сноваросло мясо. Опять пошли на север и увидели медный столб, который был раскален пуще прежнего. Влекомый содеянным злом, Тико снова должен был поднять его. Тико поднял столб, и тело сгорело. Через три дня посыльные, как и в прошлый раз, обмахнули столб метелкой и сказали: «Оживай, оживай». И мясо сноваросло на кости.

И опять пошли на север. Стояла невыносимая жара, клубы дыма были огромными, как тучи, и птицы замертво падали с неба. Тико спросил: «Где я?» Посыльные ответили: «Это преисподняя Аби. Здесь тебя будут жарить». Посыльные схватили Тико, варили его и жарили. Только когда звенел колокол, жар спадал, и он мог перевести дух. Минуло три дня, посыльные зашумели, говоря: «Оживай, оживай». И снова Тико ожил.

Вернулись к золотому дворцу. Посыльные, как и в прошлый раз, молвили: «Вот он». Стражники у ворот сказали: «Тебя призвали сюда, поскольку ты оскорблял бодхисаттву Гёги, что живет в Стране Тростниковых По-

лей. Тебя призвали, чтобы ты очистился от скверны греха. Бодхисаттва Гёги возродится в этом дворце, когда он окончит жизнь в Стране Тростниковых Полей. Он скоро будет здесь, и мы ждем его. Не ешь ничего в Стране Мертвых и уходи скорее». Вместе с посыльными Тико отправился на восток, а когда очнулся, то уразумел, что минуло девять дней.

Пробудившись, Тико позвал учеников. Они собрались, заслышав его голос, и плакали от радости. В великой печали Тико поведал ученикам без утайки о царстве Эммы. Хоть страх великий владел им, да надумал Тико покаяться перед высокодобродетельным Гёги в хуле и зависти.

Бодхисаттва Гёги пребывал тогда в Нанива, наводил мосты, рыл каналы и строил гавань. Отдохнув какое-то время, Тико отправился туда. Взглянув на Тико, Гёги своей божественной прозорливостью уразумел, что у того на уме. Ласково улыбнувшись, он сказал: «Отчего нам не довелось встретиться раньше?»

Тико признался в своем грехе и молил о прощении: «Из зависти я злословил так: „Я — великий монах и долгие годы жил добродетельно. От рождения наделен я мудростью, а знания послушника Гёги поверхностны, и он не прошел посвящения. Почему же государь восхищается им и пренебрегает мной?“ Язык мой впал в грех, и царь Эмма велел мне поднимать железные и медные столбы. Девять дней я искупал грехи своего языка. Но страшно мне — другие грехи скажутся на будущей жизни. Вот я и каюсь перед тобою и молю об искуплении».

Высокодобротельный Гёги молчал, и лицо его было ласково. Тогда Тико сказал: «Я был там, где возродится Высокодобротельный. Тебе построен золотой дворец».

Услышав это, Гёги сказал: «Какая радость! Какая честь!»

Верно говорю — через уста проникает пламень, сжигающий тело. Язык — что острый топор, увечающий добро. В «Сутре чудесного света бодхисаттвы» говорится так: «Бодхисаттва Нёдзай рассказывал о грехах бодхисаттвы Кэнтэна и теперь обречен в течение девяносто одной кальпы рождаться через чресла распутниц. После родов его бросают на съедение лисицам и волкам».

С тех пор Тико уверовал в бодхисаттву Гёги и не сомневался, что он — святой. Весной двадцать первого года эры Небесного Спокойствия, второго дня второй луны, в год быка, бодхисаттва Гёги почуствовал приотложение смерти и скончался на горе Икома. Его сострадательная

душа поселилась в золотом дворце. Высокодобродетельный Тико распространял Закон и Учение и наставлял заблудших, шествуя дорогой добродетели. Во времена правления государя Конины этот чудесный кладезь премудрости покинул землю Японии, и его удивительная душа отлетела. А куда — то неведомо.

**Слово о жене, почитавшей «Сутру мудрости и нирваны»,
и о том, как она посетила в этой жизни
дворец царя Эммы**

Токари-но-Убаи родилась в земле Кавати. Ее называли так, потому что она происходила из рода Токари. С самого рождения Убаи обладала чистым сердцем, молилась Трем Сокровищам и неустанно читала «Сутру мудрости и нирваны». Голос ее был столь благозвучен, что перед ней склонялись и монахи, и миряне.

Во времена правления государя Сёму Убаи как-то легла спать и, дурноты никакой не ощущая, мирно скончалась. Предстала она перед царем Эммой. Царь увидел ее, встал, постелил ей циновку и усадил. Он сказал: «Говорили мне, что уж больно благозвучно читаешь ты „Сутру мудрости и нирваны“. Я хочу послушать тебя. За этим ненадолго и призвал тебя. Читай, а я буду слушать». Убаи стала читать. Услышав ее голос, царь возликовал, встал в рост, потом упал на колени и произнес с почтением: «Как прекрасно! Правду говорили мне о тебе». Минуло три дня, и он сказал: «А теперь можешь возвращаться».

Когда Убаи покидала дворец, у ворот стояли три мужа в желтых одеждах. Приметив Убаи, они молвили с радостью: «Виделись мы с тобою лишь один раз единственный, а потом печалились да кручинились, потому что встретить тебя нигде не случилось. А вот теперь повезло нам. Домой скорее возвращайся, а через три дня встретим тебя непременно на восточном рынке в стольном граде Нара».

Убаи попрощалась с ними, домой вернулась и тут ожила. Через три дня решила она пойти на рынок. Пришла туда, прождала весь день, да никого не дождалась. Только бедняк один через восточные ворота явился сутрами торговать. Он показывал их, спрашивая: «Кто-нибудь купит сутры?» Пройдя мимо Убаи, он вышел через западные ворота. Убаи захотелось купить

сутры, и она отправила слугу, чтобы тот вернул бедняка. Взглянув на сутры, она увидела, что это были два свитка сутры «Узы Закона» и один свиток «Сутры мудрости и нирваны», что она переписала когда-то. Сутры похитили до их освящения, и Убаи напрасно искала их многие годы. Ее сердце возрадовалось, и, хотя Убаи теперь знала, кто похитил их, она спросила как ни в чем не бывало: «Сколько ты хочешь за них?» Бедняк ответил: «По пятьсот монет за каждый свиток». Убаи заплатила не торгуясь. И тут она уразумела, что три мужа, с которыми она уговорилась встретиться, были тремя свитками. Убаи устроила службу с чтением этих сутр и углубила свою веру в карму. С рвением читала она сутры и днем, и ночью.

Какое чудо! В «Сутре нирваны» говорится об этом: «Если вершишь добро, имя добродетельного запомнят небожители. Имя злодея запомнят в преисподней».

Слово о праведном суде царя Эммы

Во времена правления государыни Абэ Фудзиварано-асоми-Хиротари внезапно занемог. Чтобы избавиться от хвори, семнадцатого дня второй луны второго года эры Хранящих Божеств и Блισταющих Облаков он отправился на жительство в горный храм Масахара, что в округе Уда земли Ямато. Там Хиротари соблюдал восемь заповедей и неподвижно сидел за столом до наступления ночи, упражняясь в каллиграфии.

Однажды его слуга, юный послушник, подумал, что Хиротари заснул, и пытался разбудить его, говоря: «Солнце садится, для молитвы время настало». Но Хиротари не просыпался. Послушник стал тормозить его сильнее. Хиротари выронил кисть и бездыханный упал на пол со скрюченными конечностями. Послушник понял, что он умер. В страхе и ужасе побежал к Хиротари домой и известил его близких. Выслушав его, родичи стали готовиться к похоронам.

Минуло три дня. Родственники отправились в храм и увидели, что Хиротари ожил и ждет их. На расспросы он отвечал: «Пришли за мной мужи вида необычайного. Бороды у них росли снизу вверх. Одеты были в красные штаны и в доспехи облачены. В руках держали мечи и пики. Сказали: „Царь призывает тебя по срочному делу“ — и повели, приставив пики к спине. Посыльные

подгоняли меня — один шел спереди, двое — сзади, а я — между ними. Дорогу преградила река широкая. Ее воды были черны, неподвижны и глубоки. Хотели положить бревно, но оно не доставало до берега. Воин, шедший впереди, сказал: „Входи в воду и иди за мной“. Наступая в его следы, я переправился через реку. Дорога привела к высокому дворцу. Он блистал и сиял. С четырех сторон спускались занавеси в камнях, так что людей внутри видно не было. Посыльный вбежал внутрь и сказал: „Он здесь“. Ему ответили: „Пусть войдет“. Услышав повеление, я вошел. Бамбуковая штора раздвинулась, и царь спросил: „Ты знаешь женщину, что стоит позади тебя?“ Я обернулся и увидел свою жену, умершую родами. Я ответил: „Это моя жена“. Царь сказал еще: „Я призвал тебя потому, что она горевала по тебе. Она отбыла три года наказания из положенных ей шести. Осталось еще три года. Она жалуется, что зачала от тебя ребенка и умерла родами. Теперь она просит, чтобы оставшийся срок вы были вместе“. Я сказал: „Для избавления жены от страданий я перепису „Сутру лотоса“, буду читать сутры и совершать приношения“. Жена сказала: „Пусть будет так, как он сказал. Немедленно отпустите его“. Царь послушался и сказал мне: „Скорее возвращайся и выздоравливай“. Услышав повеление, я направился к воротам дворца, но захотел узнать, кто призвал меня, возвратился и спросил его имя. Он сказал: „Меня зовут царем Эммой, а в твоей стране меня нарекли бодхисаттвой Дзидзо“. Затем царь погладил меня правой рукой и сказал: „Ты отмечен мною и избежишь несчастий. Возвращайся скорее“. Один палец его был в десять обхватов».

Хиронари поведал людям об этом чуде. Дабы его покойная жена избавилась от страданий, он переписал «Сутру лотоса», читал сутры и совершал приношения, обнаруживая тем самым свое благолюбие. Такие вот чудеса.

**Слово о воздаянии в этой жизни
за использование неверных весов
и за переписывание «Сутры лотоса»**

Осада-но-тонэри-Эбису родился в деревне Атомэ, что в округе Тиисагата земли Синано. Много скопил он и давал в долг деньги и рис. Эбису дважды переписал

«Сутру лотоса» и оба раза проводил службы, на которых читалась сутра. По размышлении он решил, что этого мало, и благоговейно переписал сутру в третий раз, но не успел освятить ее. Летом четвертого года эры Драгоценной Черепахи, в конце четвертой луны года быка, Эбису нежданно-негаданно скончался. Сделав подсчеты, его жена и дети сказали: «Поскольку он родился в год огня, тело сжигать не нужно». Выбрали место, вырыли могилу, а тело хоронить не спешили.

Когда со времени кончины минуло семь дней, Эбису ожил и рассказал: «Явились за мной четверо посыльных и повели меня. Сначала шли по широкому полю, потом встретился крутой холм. Взобрались на вершину, там росло дерево дзельквы. С холма я увидел дорогу и толпу людей. Они мели дорогу и приговаривали: „Мы подметаем дорогу, поскольку по ней пройдет муж, переписавший „Сутру лотоса“. Когда дошли до них, они поклонились. Впереди текла река глубокая да широкая. Через реку был перекинут мост. Много работников чинили его, приговаривая: „Мы чиним мост, поскольку по нему пройдет муж, переписавший „Сутру лотоса“. Когда дошли до них, они поклонились. Перейдя через мост, я увидел золотой дворец.

Во дворце пребывал царь Эмма. У моста начинались три дороги. Одна дорога была широкой и ровной, другая поросла низкой травой, а третья — густым кустарником. Я встал на перепутье, а один из посыльных вошел во дворец и сказал: „Он здесь“. Царь посмотрел на меня и сказал: „Этот муж переписал „Сутру лотоса“. Он указал на дорогу, поросшую низкой травой, и сказал: „Пусть идет по этой дороге“.

Четверо посыльных привели меня к раскаленному железному столбу и велели поднять его, а на спину надели раскаленную железную сетку. Прошло три дня и три ночи, и мне велели поднять раскаленный медный столб и надели на спину страшно раскаленную медную сетку. Снова прошло три дня, но медь оставалась горяча, словно раскаленные угли. Железо и медь оказались горячи, но не слишком, равно как и не слишком холодны. Сетки оказались тяжелы, но не слишком, равно как и не слишком легки. Я думал о том, что дурные деяния привели меня сюда и потому меня заставляют поднимать раскаленные столбы. По истечении шести дней мне позволили уйти.

Три монаха спросили: „Ты знаешь, почему тебя при-

звали?” Я ответил: „Нет“. Монахи спросили еще: „Что хорошего ты совершил?“ Я ответил: „Я трижды переписал „Сутру лотоса“, но один раз не успел совершить приношений“. Они достали три пластины — две золотые и одну железную. Затем они достали два бруска — один перевешивал сноп риса, а другой был легче его. Монахи сказали: „Мы проверили записи — ты действительно три раза благоговейно переписал „Сутру лотоса“. Хоть ты и переписал ее, но совершил также и тяжкие грехи. При взвешивании ты использовал два бруска — легкий, когда давал займы, и тяжелый — в день получения долгов. Поэтому тебя и призвали сюда. А теперь немедленно возвращайся“.

Когда я возвращался, толпы людей, как и прежде, подметали дорогу и чинили мост. Они говорили: „Это муж, переписавший „Сутру лотоса“. Он возвращается из дворца царя Эммы“. Я переправился через мост и ожил».

После случившегося Эбису почитал переписанные им сутры, еще более углубляя свою веру. Он читал сутры и совершал приношения. Верно говорю — добрые деяния приносят счастье, а злые — несчастье. Неизбежно воздаяние за добро и зло. Есть два вида воздаяний — за дела добрые и за злые. Должно вершить добро, а зло — отрицать.

**Слово о наказании мучительной смертью
за безжалостное взимание долгов
с великой для себя выгодой**

Танака-но-махито-Хиромусимэ была женой Управителя округа Мики, что в земле Сануки. Управителя звали Оя-но-агатануси-Миятэ. Он носил высший разряд младшего шестого ранга. В семье росло восемь детей. Супруги владели богатствами великими: лошадьми, коровами, рабами, деньгами, рисом, полями. С самого рождения Хиромусимэ жила жизнью неправедной и не делилась ни с кем — так жадна она была. В вино она добавляла воду, продавала его и получала великую выгоду. Когда давала займы, она пользовалась малой чашей, а в день расплаты — большой. Когда Хиромусимэ давала займы рис, она пользовалась малой мерой, а при расплате — большой. Она безжалостно взимала долги — и в десять, и в сто раз больше против того, что дала. Хиромусимэ никогда не была снисходительна при получении долгов.

Многие должники отчаивались, оставляли дом и покидали родные места. Никто не превосходил ее жадностью и жестокостью.

Первого дня шестой луны седьмого года эры Драгоценной Черепахи Хиромусимэ захворала и слегла в постель. Прошло немало времени, и двадцатого дня седьмой луны она позвала мужа с детьми и рассказала им о своем видении: «Царь Эмма призвал меня во дворец и поведал о трех моих грехах: „Во-первых, ты присваивала добро, принадлежащее монахам и храмам; во-вторых, ты продавала разбавленное водой вино, получая великую выгоду; и, в-третьих, использовала разные меры: когда давала в долг — ты давала семь доль того, что полагается, а забирала двенадцать. Из-за этих грехов я и призвал тебя. Знай: ты будешь наказана в этой жизни“».

Хиромусимэ поведала о видении и в тот же день умерла. Тело не сжигали семь дней. Ее супруг позвал тридцать два монаха и упасаку, дабы они девять дней замаливали ее грехи. Вечером седьмого дня Хиромусимэ ожила и открыла крышку гроба. В гробу стояла невыносимая вонь. Вверх от поясницы она уже стала коровой, и на лбу росли рога длиной в четыре суна. Руки ее стали коровьими ногами, а ногти походили на копыта. Вниз от поясницы она еще оставалась женщиной. Хиромусимэ ела траву, а не рис, а после еды жевала жвачку. Одежды на ней не было, и она лежала в собственных нечистотах. Удивленные люди с востока и запада один за другим спешили в дом Управителя и смотрели на нее с затаенным дыханием. Муж и дети Хиромусимэ распростерлись на земле, исполненные стыда, горя и боли. Они не уставали возносить молитвы. Дабы искупить ее грехи, они совершили множество приношений храму Микэ. Храму Тодайдзи они пожаловали семьдесят коров, тридцать лошадей, двадцать тё полей и четыре тысячи снопов риса. Всем должникам они простили долги.

Чиновники осмотрели Хиромусимэ и собирались подать докладную. Но на пятый день после пробуждения она умерла. Все, кто видел ее и слышал о ней, плакали и горевали.

Хиромусимэ не думала о карме и не ведала справедливости. Верно говорю — нечестивые поступки влекут за собой ужасное воздаяние. Возмездие настигнет грешника в этой жизни. Не оскудеет оно и в будущих рождениях. В одной сутре говорится: «Кто не платит долгов,

станет лошастью или коровой». Должник — это раб, а займодавец — господин. Должник — фазан, а займодавец — сокол. Но дающий в долг не должен безжалостно требовать его возврата, иначе он родится лошастью или коровой и бывший должник станет погонять его. Будь добр с должником.

Слово о возмездии за пренебрежение кармой и за совершение злых дел

Саэки-но-сукунэ-Итати носил высший разряд младшего четвертого ранга. Он жил в те времена, когда Поднебесной повелевали государи из дворца Нара. Как-то раз некий житель столицы отправился в Тикудзэн, в дороге внезапно захворал, умер и очутился во дворце царя Эммы. Он никого не видел, но земля содрогалась от воплей. Слышались звуки побоев, и при каждом ударе грешник кричал: «Больно мне! Больно!» Царь Эмма спросил у писцов: «Когда этот грешник жил в мире людей, какие благодеяния он совершил?» Писцы отвечали: «Всего лишь раз переписал он „Сутру лотоса“». Царь сказал: «Чего у него больше — грехов или заслуг, добытых переписыванием сутры?» Число свитков сравнили с грехами, и грехов вышло намного больше. Тогда шестьдесят девять тысяч триста восемьдесят четыре иероглифа сутры сравнили с числом грехов — и снова грехов набралось больше, и злодей не мог быть спасен. Хлопнув в ладоши, царь сказал: «Много я видел людей согрешивших и наказанных, но такого грешника вижу впервые». Житель столицы тихо спросил у стоявшего рядом: «Кто этот грешник?» Тот отвечал: «Его звать Саэки-но-сукунэ-Итати».

Столичный житель вернулся из Страны Мертвых и ожил. Он крепко все запомнил и доложил о случившемся в Управлении делами Цукуси. Там ему не поверили. Тогда, воспользовавшись случаем, он сел на корабль и отправился в столицу и поведал о мучениях Итати во дворце царя Эммы. Услышав его слова, жена и дети Итати опечалились и горько сказали: «С тех пор как он скончался, мы молились сорок девять дней, дабы умиротворить его душу. Как мы могли подумать, что он провалится в преисподнюю и примет такие страдания?» Еще раз переписали они «Сутру лотоса» и освятили ее, дабы избавить его душу от страданий. Случаются и такие вот чудеса.

О настоятеле храма Тэйходзи

К югу от храма Хосэйдзи стоял храм невеликий. Назывался он Тэйходзи. При храме жил настоятель. Обличьем он был монах, а жизнью — мирянин. Всегда он желал чего-то, гневался на кого-то, жалел о чем-то. Убивал, воровал, развратничал, пьянствовал, распутничал и речи говорил безумные. Выучился мирским искусствам, жил жизнью бестолковой и каждый день играл в сугуроку и го. Приношения Трем Сокровищам себе брал и ничуть того не стыдился. Он и не думал желания отринуть, а наслаждения — оставить. Грехов же сотворил столько, сколько капель в море, сколько сучьев может огонь сжечь.

При том храме находилось еще десять монахов. Жили они жизнью праведной. Отправились как-то раз все вместе с настоятелем на поклон в храм Киёмидзу. Зашли после того в храм Рокухарамицу, благоговейно слушали там проповедь о «Сутре лотоса» и вернулись, преисполненные радости. У нашего монаха то было одно-единственное дело хорошее. Больше не совершил.

Прошли годы, жизнь настоятеля исчерпалась, и он умер. Из-за грехов своих родился он мерзким и огромным змеем. Дух змея пришел к бывшей его жене и, слезами обливаясь, поведал о своих страданиях: «В прошлом рождении любил я зло, а добром пренебрегал. Склонялся перед злом, когда только мог. Оттого досталось мне тело из мерзких мерзейшее. Вокруг меня — огонь жаркий, испепеляющий, в котором гибнут травы, деревья и твари. Сотни насекомых ядовитых ползают по мне и сосут меня. Страдания мои таковы, что и рассказать нельзя. Сделал я лишь одно дело доброе и оттого дух могу перевести. В прошлом рождении ходил я в храм Рокухарамицу и слушал там проповедь. Благодеение то всегда со мной, и оттого каждый день со стороны храма подует вдруг ветерок прохладный, жар спадет, гады насытятся. Тело и душа тогда возрадуются. Пройдет тот час — ударюсь о землю головой да хвостом, заплачу слезами кровавыми и казнюсь — отчего при жизни добра не вершил? Ведь только раз послушал проповедь, а вот уже многие годы облегчается моя участь. А если бы жизнь всю дела делал Будде угодные, вознесся бы и до Пречистой Земли. Прошу — перепиши для блага моего „Сутру лотоса“, и страдания мои тогда облегчатся».

Услышав рассказ жены, люди сказали: «Нету дела

важнее, чем „Сутру лотоса“ слушать». Исполнившись сострадания, жена и дети переписали сутру и освятили ее. После того было им знамение, что настоятель оставил тело змея и страдания его прекратились.

О монахе Рэнсю

Монах Рэнсю жил при храме Дайгодзи. Многие годы читал он «Сутру лотоса», ни дня не упуская. Еще почитал он Каннон, восемнадцатого дня каждой луны молитвы ей возносил. Хотя мир затянул его, женился Рэнсю и детей народил, но сердцем оставался «Сутре лотоса» предан. День каждый читал он главу о Каннон.

Но тут Рэнсю тяжело занемог, мучился и страдал, тело коченело, и дыхание останавливалось. И умер. Отправился он тогда в Страну Мертвых, этого мира предел перейдя. Шел он дорогой далекой — через цепи гор безлюдных, поднимался на вершины крутые. Птицы там не щебетали, откуда ни возьмись злобные духи являлись. Пересек Рэнсю горы высокие — перед ним река струилась. Глубокая да широкая — даже страшно. На северном берегу стоял дух вида женского, обличьем мерзкий и поганый. Стояла женщина та под деревом высоким. На его ветвях висели одежды многие. Женщина монаха увидела и сказала: «Знай — здесь Река Трех Переправ, а я тут путников поджидаю. Одежду сними и мне отдай, а тогда уж на ту сторону переправляйся».

Тут явились четыре небесных отрока и молвили: «Зачем ты монаха раздеваешь? Ведь читал он „Сутру лотоса“, и Каннон его охраняет». Тогда женщина ладони сложила благоговейно и монаху поклонилась.

Отроки же между тем монаху сказали: «Ты в Стране Мертвых, и только грешникам здесь место. Возвращайся поскорее на родину, читай „Сутру лотоса“ почаще, Каннон молись и тогда одолеешь жизнь и смерть и в Пречистой Земле родишься».

На обратном пути встали перед Рэнсю два небесных отрока. Встали и сказали: «Родные боги из Камо увидели, как ты идешь в Страну Мертвых, и отправили нас, дабы вернуть тебя».

Прошла ночь, и Рэнсю ожил. Недуга как не бывало, попросил пить-есть и на лицо стал как прежде. Еще более укрепился в вере Рэнсю, «Сутру лотоса» читал и Каннон молился. И теперь от того не отступается. Было ему еще немало видений дивных. Но о том умалчиваю.

Край Вечной Радости

О патриархе Дзомэе

Настоятеля храма Энрякудзи и патриарха всех монахов Японии звали Дзомэем. Отец его служил писцом у столоначальника. Отца звали Куваути-но-Ясуминэ. Поначалу у родителей монаха детей не было. Стали молиться, и у них родился сын. С рождения Дзомэй отличался состраданием, а со сверстниками не играл.

И было ему видение. Будто бы пришел монах, погладил его по голове и сказал: «Не смей покидать дорогу спасения». И так было не раз и не два. После того как Дзомэй постригся в монахи, он спать перестал. Пристал к мастеру Тисё и постигал Великое трехчастное учение. Дзомэй не разделял высоких и низких — привечал любого, кто приходил. Он стоял на вершине горы Хиэй как уступ, лицом обратившись к западу.

Тогда умирало безвременно немало благочестивых монахов. Старики говорили: «Это проклятие скалы». Услышав их речи, Дзомэй обернулся к горе, плакал и молился три дня. А утром полыхнула молния и разбила скалу вдребезги. Осколки до сих пор валяются возле дороги.

Государь Уда постригся в монахи, выбрал наставником Дзомэя и принял от него посвящение. На алтаре Дзомэй испустил сияние — сине-алое с золотом. Видевшие умилились. Кто приходил к нему больным, ел из его чашки и бывал жив-здоров.

Вдруг Дзомэй слегка занемог и, прибравшись в келье, сказал ученикам: «Окончен мой век человеческий. Амида ведет меня. Не приближайтесь». А ночью разлилось золотое сияние. Откуда ни возьмись облако сине-алое. Музыка полилась с небес, келью наполнило благоухание. Дзомэй обернулся на запад и молился, призывая Амиду. Зажегши благовония и опершись на столик, он перестал дышать, пребывая как бы во сне.

Тело предали огню, и дым благоухал. То сделали небожители, посланные в благодарность и утешение. После смерти нарекли Дзомэя Сэйканом.

О монахе Муку

Монах Муку всю жизнь поклонялся Амиде. Одеждой и едой был беден. Говорил сам себе: «Умру в бедности, и что тогда ученики с останками делать будут?» Поэтому тайно копил он деньги и складывал над балкой в своей келье. Думал, те деньги на похороны пойдут. Когда же Муку от болезни слег, о деньгах сказать не успел, да так и умер.

Левый министр Фудзивара-но-Накахира знал Муку давным-давно. И вот привиделось ему, как Муку, грязный, иссохший, пришел к нему и сказал: «Я припрятал деньги и потому не вознесся, а стал змеей. Прошу тебя, на те деньги закажи „Сутру лотоса“ переписать».

Накахира отправился в келью Муку и достал деньги. Среди монет пряталась маленькая змейка. Увидев Накахира, она уползла.

Накахира заказал переписчикам «Сутру лотоса» и освятил ее. Потом он увидел во сне Муку в ярких одеждах. Лицо его излучало радость. В руках он держал курительницу для благовоний. Муку сказал: «Твоею добротой отвратился я от пагубного пути и вознесусь в Край Вечной Радости».

Сказав так, повернулся на запад и воспарил.

О монахе Дзэи

Государя молитвами оберегавший монах Дзэи из обители Тэйсин храма Энрякудзи от рождения сердцем был чист и желаний мирских не имел. Поста же никогда не соблюдал, утром ел и вечером. Ученики ему пеняли: «Много на горе мужей достойных, и все пост блюдут. Отчего только наш учитель постом брезгует?» Дзэи отвечал: «Честен я и беден. Владею только тем, что мне подают. Каждый день ем рис и больше ничего. В одной сутре говорится: „Спасению сердце помехой, пропитание же не повредит“». Ученики языки проглотили и ушли.

Прошло сколько-то лет, и Дзэи велел ученикам: «Покажите еды чем обычно поболее. И принесите пораньше». С утра приготовили поесть и принесли Дзэи дал каждому

по ложке, рис разделил между всеми и сказал: «Только сегодня будете вы есть еду мою». Окончив трапезу, сказал: «Ступайте в храм Мудодзи, в келью к Соо. Скажите, что Дзёи отправляется сейчас в Край Вечной Радости. Передайте ему, пока я здесь. Пойдите и к Дзомёю из обители Сэнко и скажите то же». Ученики отвечали: «Это обман». Учитель сказал: «Если не умру сегодня, объявите меня сумасшедшим. Никто вас не осудит».

Ученики отправились, куда велено. Не успели вернуться, как Дзёи скончался, лицо обратив к западу.

О монахах Тико и Райко

Монахи из храма Гангодзи — Тико и Райко — с юных лет жили в одной келье и вместе в Учение вникали. К старости Райко с людьми разговаривать перестал, как будто дар речи потерял. Тико счел это странным и сказал Райко, но ответа так и не дождался.

Через сколько-то лет Райко скончался. Тико горевал: «Долгие годы Райко был мне верным другом. Но в последнее время он молчал и ничего не делал для спасения. Да так и умер. Как узнать, где он переродился — в раю или в аду?»

Два или три месяца истово молился Тико. И вот во сне увидел Райко. Огляделся кругом — похоже на Пречистую Землю. Спросил: «Где я?» Райко ответил: «В Краю Вечной Радости. Твоими устремлениями благими открылось тебе, где я переродился. Но теперь возвращайся скорее. Тебе здесь не место».

Тико сказал: «Я всегда желал вознестись до Пречистой Земли. К чему мне возвращаться?» Райко ответил: «Ты не все сделал, что надобно. Обожди немного». Тико спросил еще: «Ты ведь перед смертью тоже ничего такого не совершил. Отчего же переродился в раю?» Райко ответил: «Разве ты не знаешь, как я попал сюда? Уже давным-давно стал я читать сутры и задумал переродиться в Краю Вечной Радости. Сердцем своим желал я того и понял, что дело нелегкое. Потому я забросил дела людские и разговоры. Что бы ни делал, я размышлял только о совершенстве Амиды и великолепии Пречистой Земли. Долгие годы усердствовал я так и наконец вознесся. Сердце твое колеблется, и добродетель не укоренилась в нем. По делам твоим рано тебе пока жить в Пречистой Земле».

Тико слушал эти речи и от горя плакал не останавливаясь. Спросил еще: «Что мне делать, чтобы вознестись?» Райко ответил: «Спроси у Амиды». И повел Тико, и предстал он перед Амидой. Тико поклонился наипочтительнейше и сказал: «Что за добрые дела вершить мне, чтобы вознестись?» Амида отвечал: «Думай о совершенстве Амиды и великолепии Пречистой Земли». Тико сказал: «Великолеpie Пречистой Земли удивительно и обширно — не охватить его сердцем и глазом. Как я, недостойный, могу представить ее себе?»

Амида протянул правую руку — на ладони он держал Пречистую Землю, только она была невелика размером.

Тико пробудился и тут же заказал живописцу картину — тот нарисовал явленную Тико во сне Пречистую Землю. До конца дней своих поклонялся ей Тико и переродился наконец в Краю Вечной Радости.

О монахе из Восточной пагоды

У некоего монаха из Восточной пагоды храма Энрякудзи вскочила на шее шишка. Чем ни пользовал — все без толку. Хоть прикрывался воротом, а все же людей сторонился. Стал гадать, где бы ему затвориться — выпало на обитель Рёгон, что на горе Сунаусу. Ежечасно читал он там заклинание будды Буттёсон и тысячерукой Каннон. И еще не уставал призывать Амиду.

Прошло сколько-то лет. Монах снадобий не пил, а шишки как не бывало. Тогда подумал: «Будда мне помог. Ежели вернусь в прежний дом и стану в миру жить, намолиться вдоволь не успею, ибо недолог мой век». С тем о дороге обратной и думать позабыл и остался на горе.

Во время летнего уединения возле той же часовни жил монах Фусё. Как-то вечером неподалеку от котла, в котором кипятили воду для мытья, он ждал, когда будет готова каша и в храме настанет час трапезы. Вдруг Фусё почувствовал чудесное благоухание, и с небес полилась дивная музыка. От запахов и звуков сердце его умилилось. Фусё заснул, и было ему видение: великопный паланкин отлетел от Сунаусу на запад. Монахи и музыканты окружили его. Заглянул внутрь — там сидел тот самый монах с горы Сунаусу.

Фусё глаза открыл и, дабы узнать, правда то или причудилось, стал людей расспрашивать. Сказали, что

монах скончался. Фусё сказал тогда своим товарищам: «Значит, он и вправду теперь в Краю Вечной Радости».

О монахе Куя

Кто были отец и мать монаха Куя — то неизвестно. Он бродил по свету нигде не приписан. Иные же говорят, что он вышел из государева дома.

Куя неустанно повторял имя будды Амиды. Оттого люди его звали Амида-праведник. Еще жил он в городе, вершил дела святые, и прозывали его Святоградом. Крутые тропы он пробивал в дороги, если не было моста — он его перебрасывал, нет колодца — выкапывал. И звался тогда он колодец Амиды.

В храме Минэаи, что в округе Иино земли Харима, хранился канон Учения Будды. Многие годы Куя читал его. Когда попадалось темное место, всегда во сне являлся человек в золотой одежде и разъяснял его.

Между землями Ава и Тоса лежал остров Юдзима. Люди передавали, что там есть статуя Каннон и она творит чудеса и диковинки. Как-то святой Куя перед статуей воскурил на ладонях благовония и семнадцать дней и ночей не евьльнулса и глаз не сомкнул. Тут священная статуя снова испустила свет и сияние — и с закрытыми глазами его видно было.

Как-то один кузнец проходил мимо святого, спрятавши за пазухой слиток золота. Сказал он праведнику так: «Солнце садится, дорога далека, я весь дрожу от страха». Святой отвечал: «Если что случится, повторяй имя Амиды». На полпути на кузнеца напали разбойники. Про себя стал он Амиду призывать, как ему Куя велел. Разбойники тогда признали в нем святого и отпустили с миром.

В западной части столицы жила монахиня, бывшая супруга Ямато-томо-но-Норимото. С рождения повторяла она имя Амиды, а святого Куя почитала за наставника. Однажды она чинила его одеяние монашеское. Окончив работу, монахиня велела служанке: «Мой господин отправится сегодня в мир иной. Отнеси же ему одежду поскорее». Когда служанка вернулась и сказала, что святой скончался, монахиня осталась невозмутима. Видевшие это дивились на нее.

Между тем святой в свой последний день переделся

в чистое, возжег благовония, уселся лицом к западу и сказал ученикам: «Многие будды и бодхисаттвы ждут меня. Когда испущу дух, еще раз зажгите благовония». Тут в небе послышалась музыка, и запахи дивные заполнили келью. Вот так окончилась земная проповедь святого, и он отлетел в Край Вечной Радости.

До провозглашения эры Великой Радости в храмах, деревнях и селах редко молились Амиде. Как же могло случиться, что и ты, и я, недостойный, и женщины неразумные не прилеплялись к молитве? Явился святой Куя — и тогда вместе с ним и другие стали призывать Амиду. Молитва его стала примером для грядущих поколений. Воистину от веры его черпали и другие.

О монахе Сёне

Монах Сёне был приписан к храму Катю, что в округе Симаносимо земли Сэццу. Он построил хижину на отшибе и жил особняком. За десять с лишним лет не сказал ни слова. Избегал учеников и послушников.

Как-то поздно ночью постучали в дверь. Поскольку Сёне принес обет молчания, он отвечать не мог. Только промышчал невнятно, дабы знали, что дом не пуст. За дверь сказали: «Я — монах Кёсин. Живу к северу от постоянного двора Каконо, что в округе Каконо земли Харима. Сегодня я отлетаю в Край Вечной Радости. Придет время, и ты тоже отправишься туда. Чтобы ты знал об этом, я и пришел сюда». Сказав так, исчез.

Пребывая в смятении великом, Сёне наутро отправил своего ученика Сёкана в указанное место, дабы выяснить, правду говорил Кёсин или нет. Сёкан вернулся и поведал: «К северу от постоянного двора стоит хижина из бамбука. Перед ней лежал труп. Псы наперебой рвали мясо. В хижине были женщина и послушник. Они голосили и причитали. Я спросил о причине их горя, и женщина отвечала: «Умер мой муж, монах Кёсин. Денно и ночью выкрикивал он имя будды Амиды — и так всю жизнь. Работники из соседней деревни звали мужа Амидой. А теперь я состарилась, и он покинул меня. Оттого и плачу. Этот мальчик — наш сын».

Услышав рассказ, Сёне подумал: «Если я стану молчать, кто станет молиться о его душе?» И тогда пошел он в деревни и села, молясь Амиде о себе и о людях. А в положенный срок принял смерть скорую.

О монахе, что жил у водопада Миноо

Ниже водопада Миноо, что в округе Тэсима земли Сэццу, росла высоченная сосна. Под сосной жил монах. Там он предавался созерцанию.

Ночь пятнадцатого дня восьмой луны выдалась тихой, ярко светил месяц. Вдруг с неба полилась музыка, и слышался плеск весла. Какой-то муж сказал с вершины дерева: «Вы пришли за мной?» С небес ответили: «Нет, сегодня мы пришли не сюда и не за тобой. Мы заберем тебя ровно через год». Больше ничего не сказали. Музыка мало-помалу стихла.

Монах под деревом никогда и не думал, что на вершине кто-то есть. Он спросил: «С кем это ты говорил?» Сверху ответили: «То были посыльные Амиды».

С затаенным дыханием ждал монах ночи пятнадцатого дня восьмой луны следующего года. Срок настал, и свершилось, как обещано. Муж тот отлетел под звуки музыки дивной.

О женщине из земли Кага

В земле Кага жила некая женщина. Муж ее был богач. После его смерти женщина решила не выходить замуж и многие годы прожила вдовой.

Возле ее дома был маленький пруд. Там росли лотосы. Женщина не уставала молиться: «Как хочу я вознестись в Край Вечной Радости в пору пышного цветения лотосов! Цветы эти будут моим подношением Амиде».

Каждый раз, когда зацветали лотосы, она одаривала цветами окрестные храмы.

Вдова состарилась и ко времени очередного цветения занемогла. Она радовалась и говорила: «Лотос зацветает, и я захворала. Верно, отправлюсь я в Край Вечной Радости». Созвала она домашних своих и соседей, накрыла на стол, угощала и приговаривала: «Сегодня я покидаю этот свет». Сказав так, умерла. В ту ночь лотосы в пруду склонились к западу.

О монахе Соо из храма Мудодзи, что на горе Хиэй

Повествования о жизни монаха Соо я не видел. Только слышал о нем от престарелых монахов, ныне уже усопших.

Соо был любимым учеником преподобного Дзикаку. С рождения он творил добра сколько мог, мыслями был тверд, а душою старателен. Соо не брал в рот зерна и соли, красоты мира ненавидел. Каждодневно упражнял он душу и тело, и злые духи склонялись перед ним. Праведник остальных людей был выше, а чудеса творил — себе не представить.

Летела как-то стая птиц. Летели они, никуда не сядя. А Соо забрался на высокое дерево, дернул за веревку и поймал всех разом в силки. Или как-то повернул он вспять бурную реку. Или же шел нескончаемый дождь, а он его укротил, и тут же солнце засияло. Как-то раз забрел он в реку Кадзурагава и простоял так немало время, себя испытывая. Соо побывал на всех девятнадцати водопадах в округе Кадзура, написал на коже девятнадцать молитв, поклонялся Фудо девятнадцатью способами, и тогда же впервые явился ему сам Фудо. Слева от него был Конгара, а справа — Сэйтাকা.

Святой обратился прямо к Фудо, молил его о делах настоящих и будущих, а поскольку говорил он с жаром сердечным, Фудо его желания обещал исправно исполнять.

Однако же было у святого одно желание заветное. Вознамерился он своим бранным телом попасть на небо Тосоцу и вблизи лицезреть всемилостивейшего Амиду и поклоняться ему и молитву сотворить. Хоть молился он о том, а сил не доставало. И молил он Фудо. Говорил: «Силою твоей несравненной вознеси меня, дабы мог я лицезреть всемилостивейшего Амиду». Фудо рек: «Небеса — для достойнейших, низким же там не место. Как смеешь ты просить о небе Тосоцу — собираются там лишь бодхисаттвы, что отрешились от земных желаний. А ты хочешь вознестись бранным своим телом». Праведник продолжал с жаром молиться, и Фудо рек: «Не стану больше тебя уговаривать и сделаю, как того хочешь». И вознес тогда праведника на небо. Прощедши покои внешние, оказался Соо во внутренних покоях, и тогда небожители, дворец охранявшие, встали у него на дороге. Сказали: «Глупый монах. Ты вознесся сюда молитвами Фудо. Но как можно допустить тебя во внутренние покои? Ведь до сих пор не читал ты „Сутры лотоса“ и не молился, как то следует. Отчего же решил, что войдешь сюда? Иди скорее домой, читай „Сутру лотоса“, набирайся ума и так вознесешься».

Молитвы Соо не сбылись, и он спустился на землю.

Там он только и знал, что слезы лил да сетовал, а «Сутры лотоса» не читал, не молился, а только в грехах каялся. Уже к старости впервые прочел он «Сутру лотоса» и прилепился к ней. И был от его бдений и усердия толк, молитвы наконец-то желание заветное исполнили, и предстал он перед очами светлыми всемиловитвейшего Амиды и просветления достиг.

Об обожателе «Сутры лотоса» из земли Харима

В земле Харима жил монах. Имя его неизвестно. Он принял постриг, читал «Сутру лотоса», по три раза на дню молился, каялся и предавался созерцанию и размышлениям. Три года прожил монах затворником в горах и успел тысячу раз прочесть «Сутру лотоса». И подумал так: «Трудно дается вера, и тысячу раз прочел я сутру. Замаливал грехи свои и чужие, по три раза на дню каялся. Вот покину горы, с людьми смешаюсь, миром замараюсь, грешником стану и, злом влекомый, сладкие слова Учения забуду. Нет мне дела до плоти своей и желаю только в Краю Вечной Радости жить. Тело свое сожгу и отдам Трем Сокровищам».

Подумав так, укрепился в вере, душе силы прибавил, решил сжечь тело свое грязное — словно бодхисаттва Гикэн.

Настало время исполнить обет. Монах сказал заклятие: «Тысячу раз прочел я „Сутру лотоса“, и быть мне оттого в Краю Вечной Радости. Сжигаю тело, и да будет чудо».

И вправду — развели костер, и хоть ветра не было, а дым потянулся к западу и улетучился тотчас же. Хоть ярко солнце сияло, с востока приплыло облако сине-алое. Монахи вокруг от умиления заплакали.

После того как тело сожгли, ученики, все до единого, к могиле отправились и дни проводили в молитвах и чтении сутр. Минуло дня два или три. Заглянули в могилу — а там мощи. Сердца учеников исполнились удивления, стали они мощи те выгребать — набралось больше меры. Стали всем раздавать и устроили поминальную службу.

О наместнике Ёсэе

Настоятель храма Энрякудзи наместник Ёсэй родился в селе Китадзё-хира, что в округе Сакаи земли Идзу. Он происходил из рода Идзу. Еще в молодые годы отправился Ёсэй в столицу, взошел на гору Хизэй, стал в Закон Будды вникать. Однако от рождения был он слаб силами и здоровьем. Хоть и мучился он от хворости, а духом был крепок.

В Миноо жил один подвижник. По лицу он судьбу людей угадывал без ошибки. Сказал он Ёсэю: «Сил своих никогда не истощай, чересчур не усердствуй. Еду ешь всегда мягкую, суп пей да кашку пожиже. В занятиях роздых знай, временами ходи по святым местам, молитву твори с усердием, славу с выгодой из головы выбрось, и, если будешь так со вниманием к просветлению идти, годы твои будут долгие, хворобы не узнаешь и, дух укрепив, безо всяких усилий должности достигнешь и станешь над горою главным».

Ёсэй в его слова уверовал, книги покинул. Только и знал, что молился, «Сутру лотоса» читал, к высшему просветлению всеми силами устремляясь.

Полюбил он тогда тишину, от людских разговоров отнекивался. Когда же минуло Ёсэю пятьдесят лет, нашел он себе хижину неподалеку от храма Такэхаяси, желая достигнуть обители Спокойствия и Чистоты. Когда же сделали Ёсэя настоятелем в школе Опоры Неба, он ничуть не обрадовался, отправился в храм родных богов, слезы лил, истошно ругаясь на бога горы: «Десятки лет на горе живу, терплю холод и голод. Молился тебе, желая вознестись в Край Вечной Радости, дабы просветлением меня осенило. Ни единым словом не обмолвился, чтобы в этом ненавистном мире стал я настоятелем. Сделал ты не по справедливости». Так он ругался.

Кто слышал слова эти, исполнились удивления великого и, сами того не желая, воспели хвалу душе чистой и праведной.

Прошло сколько-то времени, оставил Ёсэй настоятельство, ворота храма запер, предался посту и молитвам. Преданность его «Сутре лотоса» с годами все росла, а заслуги, накопленные молитвами, возрастали с каждым днем. Люди о нем говорили: «Воробьи и камышевки его любят и клюют с ладоней, волки и олени не боятся и ноги лижут».

Во сне открылось Ёсэю, когда он умрет. Дабы вознес-

тись, сделал он все, как указано в сутрах. Умер не как все люди — головой на север, а лицом к западу.

О монахе Дзёдзоне

Жил-был один монах праведный. Имени его не знаем. Отправился он в Тиндзэй, прошел земли многие и заплутался в горах. Шел-шел, а жилья вокруг нет и нет. Уж так хотел он к людям выйти, да только не знал как. Ходил он так, бродил и увидел наконец дом. Обрадовался да сразу и попросился ночевать. Хозяйка ему отвечала: «Мы на ночлег никого не пускаем». Монах сказал: «Заблудился я, устал — сил нет. Едва людей нашел. Пусти меня». Хозяйка монаха пустила, новую циновку расстелила, усадила, из горшков чистых накормила-напоила.

Солнце закатилось, ночь настала. Хозяин вернулся с поклажей, в дом ее занес. Гость взглянул на хозяина, а тот видом — отшельник. Волосы отпущены, одет в рубище, лицом груб и безобразен — лучше не подходит. Увидел гостя, спрашивает: «Кто таков?» Хозяйка ему разъяснила. Хозяин и говорит: «Уж лет пять или шесть никто сюда не заходил. Чудно мне, что ты сюда забрел». Стал он есть — и не рис и не кашу, не овощ и не плод какой, а мясо кровавое.

Настал час быка, хозяин проснулся, тело омыл, в чистое переоделся, в молельню зашел, «Сутру лотоса» читал и в грехах каялся. Прочел раз, молитву сотворил Будде за себя и за других тоже. Голос у него красоты и благородства был необычайного. Наутро он сказал гостю: «Я, недостойный Дзёдзон, счастьем обделен, несчастьями богат. Глуп я, туп я, добра от зла не отделяю. Хоть и родился я человеком и монахом стал, но избрал себе дорогу зла и плачу — не стать мне буддой. Не ожидаю я счастья в этой жизни и лишь молюсь о просветлении. Заповеди блюсти — то не по Закону выходит. Во внешнем себе предел поставить — разве того хочет Будда? Великая Колесница увозит туда, где нет жизни и смерти. Грешное тело едой да одеждой живо. Коли поле пахать, нагресишь много. Возжелаешь приношений дарителей, а чем долг вернуть? Что ни сделай — все грех будет. Потому ученики Будды должны у людей еду выпрашивать, людям ненадобную, и тем жизнь свою прозрачную продлять, дабы по Пути Будды шествовать. Вчерашним вечером ел я еду не как все, ел мясо коровы сдохшей. Так уж распорядилась судьба, что ты пришел

сюда помимо воли моей. Вот и рассказываю тебе, как живу. В такой-то год и день оставляю я мир людей и вознесусь в Край Вечной Радости. Ежели и ты просветления достигнешь — там и встретимся». Гость выслушал его с удивлением. Сначала думал, что хозяин — неприкасаемый грешник, а потом уразумел, что он чист, как Будда.

Прошло сколько-то лет, срок настал, Дзэдзоном названный, и монах, желая узнать, сбылись ли слова Дзэдзона, отправился к его дому. Увидев монаха, тот обрадовался без меры. «Хорошо это, дивно это, что ты здесь. Ночью сегодняшней оставляю тело свое и на запад отправляюсь. Уже три или четыре луны минуло с тех пор, как я в последний раз мяса поел». Дзэдзон волосы обрил, одежду монашескую надел, а хозяйка посвящение монашеское приняла. Чистые и благоуханные, от всякой грязи свободные, вошли они вместе в молельню. Ночь напролет предавались бдению, а на рассвете спустились тысячи небожителей. Все вокруг залил свет, все вокруг наполнила музыка, и они исчезли на западе. Монах заглянул в молельню — супруги скончались, благоговейно сложив ладони, лицом обратившись на запад. Монах же заплакал и поселился в той хижине, Закон Будды исполняя. Кто о чуде слышал, тот туда приходил, святому поклонясь. Обрато же возвращался, в вере укрепившись.

О помощнике начальника стражи левой части государева дворца по имени Минамото Масамити

Масамити был первым сыном мелкого чиновника Минамото Токимити. Душою чист и прям, от лести отдалялся. Но соблазны мира увлекли его, и много грехов он сотворил. Любил бродить в весеннем лесу, охотился и немало оленей погубил. Осенью же разъезжал по полям и соколиною охотою многих птах изничтожил. Масамити верно государю служил, но, страну управляя, не туда смотрел и делал не так. О душе своей не помышляя, славы домогался. Гнусным величием озабочен, истиной пренебрегал. Часто грешил, часто и калялся.

С младых лет читал он «Сутру лотоса». И запала ему в душу повесть о злодее Тэйбатацута, просветления достигшем, и каждый день повторял это место раз по десять или же двадцать. В сутре говорилось: «Кто слушает эту сутру с сердцем чистым, с чувством глубоким, кто услышанное на веру принимает, тот в преисподнюю

не провалится, духом голодным или зверем не станет, а родится в стране Будды и бесконечно будет „Сутру лотоса“ слушать. Если случится ему родиться среди людей или на небе, обретет он радость бескрайнюю. Если же предстанет перед Буддой, родится он из цветка лотоса». Слова эти Масамити не уставал повторять утром и вечером.

Когда настал его смертный час, Масамити рассказ о Тэйбатацута повторил и вместо завещания возгласил: «Кто слушает эту сутру с сердцем чистым, чувством глубоким...» Ничего другого не говоря, скончался.

При жизни Масамити заботился о святом Кава. И вот ночью стоял Кава перед статуей Будды, и было ему видение: с небес спустилось пятицветное облако и дом Масамити сокрыло. Произошло сияние, воздух благоухал. Полилась из облака музыка дивная, и облако на запад уплыло. Музыка и дождь из цветов удалялись. Кава открыл глаза и подумал: «Истинно видел я, как Масамити возносится». Дабы еще раз убедиться в этом, святой на рассвете отправился в дом Масамити и спросил, где он, а ему отвечали, что этой ночью, в час пса, Масамити скончался. Тогда все говорить стали, что Масамити вознесся.

Чиновник из левой части столицы по имени Фудзивара-но-Митимаса в вознесение Масамити не поверил, оскорблял его: «Он всю жизнь тварей губил, добра не делал. За какие это заслуги вознестись ему? Уж если он попал в Край Вечной Радости, так место там душегубам, распутникам и злодеям». Отправился Митимаса в храм Рокухарамицу и в ворота въехал. К карете подошли две или три престарелые монахини. Одна, слезами обливаясь, горестно молвила: «Немощна плотью и стара летами я, а добрых дел не свершила. Жизнь шутя прожила, и теперь ждет меня преисподняя, а может, стану в будущей жизни духом голодным или же зверем. День и ночь от горя плачу я и Трем Сокровищам молюсь, а вчера видела во сне монаха престарелого, благородного. Сказал он мне: „Не убивайся так. Ежели будешь с сердцем чистым Амиде молиться, верно говорю — в Край Вечной Радости вознесешься. Вот Масамити — читал с помыслами праведными „Сутру лотоса“ и хоть добра не творил, а вознесся». Монахиня сон тот увидела и поведала, что Масамити в Край Вечной Радости попал. Услышав про ее сон, Митимаса в вознесение уверовал и сомнения свои навсегда отринул.

Мир полон чудес

Слово о том, как поймали Гром

Тиисакобэ-но Сугару был телохранителем государя Юряку и никогда не расставался с ним (при жизни государя называли Молодым Воином из Хацусэ). Юряку повелевал Поднебесной двадцать три года из дворца Асакура, что в Хацусэ.

Однажды, когда государь пребывал во дворце Иварэ, Сугару вошел в опочивальню, не зная, что государь возлежал там с государыней. Государь устыдился и встал с ложа. В это время в небе послышался раскат грома. Государь повелел Сугару: «Доставь Гром сюда». — «Повинуюсь», — ответил Сугару.

Получив повеление, Сугару покинул дворец, повязал на лоб красную повязку, схватил копьё с красным прапорцем на конце и вскочил на коня. Он проехал холм Ямада в деревне Абэ, храм Будды Тоёра и прибыл наконец на перепутье в Кару-но-Морокоси. Он закричал: «Государь призвал к себе небесного бога грома!» Он скакал обратно и говорил: «Хоть он и бог грома, а ослушаться государя не посмеет».

Тут Гром упал между храмом Тоёра и холмом Иока. Увидев это, Сугару позвал жрецов родных богов, и они усадили Гром в священный паланкин. Затем они направились в государев дворец, и Сугару сказал ему: «Я доставил бога грома». Гром сверкал и светился. Государь его испугался. Тогда Юряку совершил множество приношений и велел Грому возвратиться на то место, где он упал. Сейчас этот холм зовется Холмом Грома. (Он находится в старой столице Асука к северу от дворца Оварида.)

Через какое-то время Сугару умер. Государь повелел не хоронить его семь дней и ночей. Скорбя о верном Сугару, Юряку распорядился воздвигнуть усыпальницу на том месте, где ударил Гром, и начертать на обелиске на

вечные времена: «Здесь покоится громоборец Сугару». Гром пришел в ярость. Он спустился на землю, стал пинать обелиск, топтать, и обломки погребли его. Государь услышал об этом, откопал бога, и он остался жив. Гром не мог двинуться семь дней и ночей. Государевы слуги снова поставили обелиск и начертали на нем: «Здесь покоится вечный громоборец Сугару».

Отсюда и происходит название «Холм Грома». Оно было дано ему во времена старой столицы Асука.

Слово о лисице и ее сыне

Давно это было — при государе Киммэй. Он повелевал страной из дворца Канадзаси в Сикисима. (При жизни его называли Государем, Предержащим Широкие Поля Небесной Страны.) Как-то раз некий муж из округи Оно, что в земле Мино, вскочил на коня и отправился искать невесту пригожую. В чистом поле повстречалась ему красна девица. С готовностью она подошла к нему. Он подмигнул ей и спросил: «Куда путь держишь, девица?» Та отвечала: «Я ищу доброго мужа». И еще он спросил: «Хочешь стать моей женой?» Она ответила: «Да, хочу». Он отвез ее в свой дом, и они сыграли свадьбу.

Прошло немного времени, жена забеременела и родила мальчика. Тогда же ошенилась и их собака; это случилось пятнадцатого дня двенадцатой луны. Завидев хозяйку, щенок всегда злобно смотрел на нее, свирепо лаял и норовил укусить. Хозяйка испугалась и велела мужу забить щенка до смерти. Но он жалел щенка и не трогал его.

Ежегодный налог рисом собирался во второй или третьей луне. Хозяйка пошла туда, где женщины толкли рис в ступках, чтобы накормить их. Щенок залаял на хозяйку, погнался за ней и чуть было не укусил. От страха и испуга она вдруг обернулась лисицей и вспрыгнула на изгородь. Увидев это, хозяин сказал: «У нас родился сын, и я не могу забыть тебя. Приходи, когда пожелаешь, и спи со мной». Она так и делала — приходила и спала с ним. Поэтому ее называли Кицунэ, что означает «лисица» или же «приходи, когда пожелаешь». Однажды Кицунэ пришла в алой юбке и была прекрасна. Когда она уходила от мужа, он посмотрел ей вслед и запел песню любви.

Я полон любви
После минуты свидания.
Она ушла.

Муж в память о ней нарек сына Цицунэ. После пожалования ранга его называли Цицунэ-но-атаэ. Сын был очень силен и бегал быстро, как птица. Он положил начало роду Цицунэ-но-атаэ из земли Мино.

Слово о мальчике силы необычайной, рожденном с помощью грома

Давно это было — при государе Бидацу. Он повелевал страну из дворца Осада, что в земле Иварэ. (При жизни его называли Блистательным Хранителем Несметных Сокровищ.)

В деревне Катава, что в округе Аюти земли Овари, жил некий крестьянин. Как-то раз он орошал свое поле. Пошел небольшой дождь. Крестьянин спрятался под деревом и стоял там с мотыгой в руках. Когда раздался раскат грома, он заслонился ею от страха и ужаса. Тут гром упал перед ним, обернулся мальчиком и поклонился. Крестьянин хотел было ударить его мотыгой, но гром сказал: «Не бей меня — и я отплачу за твою доброту».

Тогда крестьянин спросил: «А что же ты сделаешь для меня?» Гром отвечал: «За твою доброту я пошлю тебе сына. Только сделай для меня лодку из камфарного дерева, наполни ее водой, а на воду положи бамбуковый лист».

Когда крестьянин исполнил его просьбу, гром сказал: «Отойди от меня». Крестьянин отошел подальше, и гром поднялся на небо в клубящемся тумане.

Через какое-то время у крестьянина родился сын. Змей дважды обвивался вокруг его головы, а хвост и голова свешивались мальчику на спину. Когда мальчик подрос и ему минуло десять лет, он прослышал про силача, что ил при государевом дворе. Тогда мальчик отправился в столицу, думая помериться с ним силой.

В уединенном доме в северо-восточной части государева дворца жил могучий царевич. Возле его дома лежал камень высотой в восемь сяку. Как-то раз царевич вышел из дому, поднял камень и бросил его. Потом вернулся в дом и закрыл двери, чтоб ни выйти, ни войти.

Мальчик видел это. Он уразумел: царевич — тот самый силач, что он и искал. Ночью мальчик скрытно подошел к дому и забросил камень на сяку дальше принца. Могучий царевич увидел это и, чтобы согреться, стал похлопывать в ладоши, а затем метнул камень, но не

мог бросить дальше мальчика. Мальчик же забросил камень еще на два сяку дальше. Царевич снова метнул камень, но дальше не вышло. Там, откуда мальчик бросал камни, остались следы глубиной в три суна. Мальчик метнул камень еще на три сяку дальше. Царевич увидел следы и догадался, что камни бросал мальчик. Он хотел схватить его, но мальчик скрылся. Царевич хотел схватить его, когда тот перелезал через изгородь, но мальчик очутился уже с другой стороны, и могучий царевич не успел схватить его. Царевич понял, что мальчик был сильнее, и оставил погою.

Спустя какое-то время мальчик стал прислужником в храме Гангодзи. Тогда не проходило и ночи, чтобы кто-нибудь не был бы убит в звоннице. Новый прислужник узнал об этом и сказал монахам храма: «Я убью злого духа и прекращу напасть». Монахи согласились. Тогда он пришел в звонницу, поставил четыре светильника в углах комнаты и велел четверым помощникам: «Когда я схвачу духа, сорвите покрывала со светильников». Затем он спрятался за дверью. В полночь появился громадный дух, но увидел прислужника и убежал. Однако он снова пришел во второй половине ночи. Прислужник крепко схватил его за волосы. Дух вырывался, но прислужник втащил его в комнату. Четыре помощника дрожали от страха и не могли снять покрывала со светильников, так что прислужник должен был срывать их сам, таская духа из угла в угол. На рассвете дух убежал, растеряв все свои волосы. Утром увидели, что кровавые следы ведут к перекрестку. Там был похоронен дурной раб, принадлежавший некогда храму. Стало ясно, что это был дух того раба. Его волосы до сих пор бережно хранятся в храме.

Прислужник между тем стал упасакой и жил в храме Гангодзи. Храм владел орошаемыми полями. Когда царевичи приостановили поступление воды и поля пересохли, упасака сказал: «Я пущу воду на поля». Монахи согласились. Сначала он сделал плуг такой тяжелой, что он был под силу только десятерым. Но он поднял плуг, как будто это была палка, пошел на поля и положил его у водоспуска. Но царевичи унесли плуг, закрыли водоспуск, и поля пересохли. Тогда упасака положил у водоспуска камень такой тяжелой, что только сто человек могли сдвинуть его, и вода стала поступать на поля. Царевичи испугались его силы и не осмеливались больше закрывать ворота водоспуска. После этого поля храма ни-

когда не высыхали и всегда давали богатый урожай. Монахи храма разрешили упасакэ пройти посвящение, и он стал монахом. Его называли Учителем Закона Додзё.

Люди передают, что Учитель Закона Додзё из храма Гангодзи славился силой великой. Верно говорю — сила его происходила из достоинств, накопленных в прошлых рождениях. В этой истории запечатлены чудеса, случившиеся в Японии.

Слово о том, как дочь, унесенная орлом, встретилась со своим отцом в далекой стороне

Это случилось весной года зайца, в третьей луне, когда государыня Когёку повелевала Поднебесной из дворца Итабуки в Асука Кавахара. В одной горной деревне, что в округе Сидзуми земли Тадзима, росла маленькая девочка. Как-то раз, когда она ползала по двору, орел схватил ее, взмыл в небо и унес на восток. Родители кричали, плакали, стонали, но не могли найти ее. Поэтому они провели заупокойную службу.

Минуло восемь лет. В то время, когда государь Котокү управлял Поднебесной из дворца Нагара-но-тоёсаки в Нанива, осенью года пса, в конце восьмой луны, отец похищенной девочки приехал по делам в округу Каса земли Тамба. Он остановился на ночлег в одном доме. Дочь хозяина пошла к колодцу за водой. Гость хотел помыть ноги и отправился вместе с ней. У колодца собрались деревенские девочки. Они вырвали ведро у дочки хозяина и не отдавали его. В один голос они кричали: «Даже орел побрезговал тобой, дрянь такая!» Они бранились и били ее.

Несчастливая девочка вернулась домой в слезах. Хозяин спросил ее: «Отчего ты плачешь?» Гость поведал все как есть и спросил, почему девочки бранились, били его дочь да приговаривали: «Даже орел побрезговал тобой». Хозяин отвечал: «Тогда-то и тогда-то я забрался на дерево, чтобы наловить голубей, и с западной стороны прилетел орел с младенцем в когтях. Он сел в гнездо и бросил младенца орлятам. Девочка кричала от страха. Орлята испугались плача и не стали клевать ее. Я услышал крик, схватил младенца и спустился вниз. Вот так случилось, что я воспитал девочку». По времени и обстоятельствам происшествия гость догадался: перед ним — его дочь. Плача и рыдая, отец рассказал без утайки, как

орел похитил ее. Хозяин ему поверил и позволил девочке вернуться к родителям.

О! Случилось так, что отец остановился у приемных родителей похищенной дочери и вновь обрел ее. Верно говорю — Небо сжалилось и помогло ему. Глубока связь между родителями и детьми. Такие вот чудеса.

Слово о том, как Яматомаро увидел прелюбодеяние вороны, отринул соблазны мира и стал монахом

Монах Сингон звался в миру Тину-агатануси-Яматомаро. Он был Управителем округа Идзуми в земле Идзуми в те времена, когда государь Сёму повелевал Поднебесной.

Перед воротами дома Яматомаро росло высокое дерево. Вороны свили там гнездо, высидели птенцов и оберегали их. Муж летал в поисках пищи и кормил жену, охранявшую птенцов. Однажды, когда он улетел за кормом, прилетел чужой самец и соблазнил жену. Привлеченная самцом, жена взмыла в небо и улетела вместе с ним на север и навсегда покинула птенцов. Ее муж прилетел с кормом — жены не было. Он бережно укрывал птенцов сколько-то дней, никуда не отлучаясь. Управитель заметил перемену и приказал слуге забраться на дерево, дабы тот осмотрел гнездо. И птица, и птенцы оказались мертвы.

Управитель пребывал в печали великой, и сердце его наполнилось жалостью. Признав причину смерти птицы в прелюбодеянии, он стал монахом, оставив дом, семью и должность. Он следовал за высокодобродетельным Гёги, творил добро и искал Путь. Сингон — это его монашеское имя. Сингон поклялся: «Я умру в одно время с высокодобродетельным Гёги, и мы вместе возродимся в раю».

Жена управителя тоже происходила из рода Тину-агатануси. Она обладала преданным сердцем и после того, как муж покинул ее, оставалась ему верна. Когда ее сын тяжело занемог, он сказал: «Если я выпью твоего молока, жизнь моя продлится». Тогда она дала грудь больному сыну. Он выпил молока и вскричал: «Умираю я, ибо не дано мне больше материнского молока» — и тут же умер. Оплакивая сына, мать, как и ее муж, оставила мир и посвятила себя учению Будды.

Учитель Закона Сингон прожил, к несчастью, недолго

и умер раньше высокобродетельного Гёги. Оплакивая его, Гёги сложил песню:

Ты — ворон,
Лживый ворон:
Сказал, что будем вместе,
А умер раньше меня.

Когда разводят огонь, сначала собирают дрова. Перед тем как пойдет дождь, становится влажным камень. Управитель оставил мир, увидев прелюбодеяние вороны. Перед тем как творить добрые дела и встать на Путь, видят страдания. Так происходит в мире желаний. Тот, кто ненавидит его, да отринет его, а глупец пусть прилепится.

В похвале говорится: «Достоин восхищения Ямато-маро. Увидев измену вороны, он отринул желанья и недолго цветущие цветы, каждодневно омывал тело, творил добро, молился о даровании мудрости и желал родиться в мире спокойствия. Он освободился от оков этого мира. Все земное было ему чуждо».

Слово о воздаянии в этой жизни за освобождение краба и лягушки

Окисомэ-но-оми-Таимэ была дочерью настоятельницы женского монастыря Томи в столице Нара. Всем сердцем следовала она учению Будды и сохраняла целомудрие. Не упуская ни дня, собирала она травы и преподносила их высокобродетельному Гёги.

Однажды Таимэ пошла в горы за травами и увидела, как огромный змей заглатывает большую лягушку. Она попросила змея: «Отдай мне лягушку». Змей не соглашался — знай себе заглатывал. Таимэ сказала тогда: «Отпустишь лягушку — и я стану твоей женой». Услышав это, змей поднял голову, посмотрел ей в глаза и выплюнул лягушку. Женщина сказала змею: «Приходи ко мне через семь дней».

Когда подошло время, Таимэ затворила двери, окна и спряталась в доме. Приполз змей, постучал в стену хвостом. На следующее утро испуганная женщина пошла к высокобродетельному Гёги. Он жил в горном храме Икома.

Гёги сказал: «Беды не миновать. Скажу одно — не отступай от заповедей». Таимэ вернулась, укрепив веру в Три Сокровища и преисполненная решимости соблю-

дать пять заповедей: не воровать, не убивать, не распутничать, не сквернословить, не пить вина. На обратном пути она встретила старца. Он нес большого краба. Таимэ спросила: «Как тебя зовут, старик? Отдай мне краба».

Старец отвечал: «Я — Эдой-но-Нимаро из округи Ухара земли Сэццу. Мне семьдесят восемь лет. У меня нет детей, и мне не на кого опереться. Я пошел в Нанива, и там мне случайно достался этот краб. Я уже обещал его одному человеку и не могу отдать его тебе».

Тогда Таимэ сняла накидку, чтобы обменять ее на краба, но старец не соглашался. Когда же она отдала всю одежду, он согласился. Таимэ вернулась с крабом домой, позвала монахов, и с молитвой они отпустили его. Монахи радовались и говорили: «Как благородно! Как хорошо!»

В восьмую по счету ночь змей снова приполз, забрался на крышу, разгреб солому и влез в дом. Таимэ дрожала от страха. Что-то прыгало и стучало возле ее постели.

Утром она увидела краба и змея, разорванного в клочья. Верно говорю — освобожденный краб ответил добром за добро. Это случилось также благодаря чудесному дару, приобретенному женщиной соблюдением заповедей. Чтобы выяснить судьбу старика, Таимэ пыталась разыскать его, да не нашла. Да и немудрено — ведь старик был воплощением святого Будды. Такие вот чудеса.

Слово о посланце Эммы, отблагодарившем женщину за совершенные ему приношения

В округе Ямада земли Сануки жила женщина по имени Нуносики-но-оми-Кинумэ. Во время правления государя Сёму она вдруг захворала. Тогда Кинумэ разложила обильные яства по обе стороны ворот, угощая ими бога болезней. За Кинумэ пришел дух — посланец царя Эммы. Он устал с дороги и, увидев жертвенную пищу, не устоял перед соблазном и вкусил ее. Посланец сказал Кинумэ: «Я принял подношения и отблагодарю тебя. Знаешь ли ты другую женщину того же имени и звания?» Кинумэ ответила: «В округе Утари живет Кинумэ того же звания — оми».

Кинумэ показала посланцу Эммы дорогу. Он пришел к Кинумэ из Утари, вынул из красной сумы долото дли-

ною в сяку, забил ей в лоб и повел. А Кинумэ из Ямада скрытно вернулась домой. Ожидавший ее царь Эмма оглядел Кинумэ из Утари и сказал духу: «Это не та Кинумэ, что я призвал. Вышла ошибка. Эта Кинумэ пусть остается тут, а ты приведи поскорее Кинумэ из Ямада». Не в силах больше скрывать правду, дух еще раз отправился за Кинумэ из Ямада и привел ее. Царь Эмма увидел ее и сказал: «Это та Кинумэ, что я призвал».

Кинумэ из Утари вернулась домой. Но прошло уже три дня, и ее тело сожгли. Она вернулась к царю Эмме и пожаловалась: «У меня нет тела, и мне не в чем жить». Царь спросил: «Цело ли тело у Кинумэ из Ямада?» Ему ответили: «Да». Тогда царь сказал Кинумэ из Утари: «Возьми ее тело и вселись в него». Так Кинумэ из Утари обрела тело и вернулась к жизни.

Она сказала родителям из Ямада: «Это не мой дом. Мой дом — в Утари». Мать с отцом сказали: «Ты — наша дочь. Так в чем же дело?» Кинумэ не хотела их слушать и пошла в Утари. Она сказала: «Вот это — мой дом». Но те родители сказали: «Ты не наша дочь. Мы сожгли ее тело». Тогда Кинумэ поведала без утайки, что случилось в царстве Эммы. Родители из Утари и Ямада поверили ей и признали наследницей обоих домов. Вот почему у Кинумэ четверо родителей и она наследует сокровища двух домов.

Приношения духам не остаются без воздаяния. Если имеешь что-то, следует совершить приношения.

Случаются и такие вот чудеса.

Слово о девочке, родившейся из мясного шарика, которая творила добро и наставляла людей

Тоёбуку-но-Хирогими жил в деревне Тоёбуку, что в округе Яцусиро земли Хиго. Его жена забеременела, и во втором году эры Драгоценной Черепахи, пятнадцатого дня одиннадцатой луны года свиньи, в час тигра, у нее родился мясной шарик, походивший на яйцо. Супруги сочли это за дурное предзнаменование, положили шарик в корзину, отнесли в горы и оставили среди камней. Вернулись туда через семь дней — оболочка мясного шарика раскрылась, и на свет появилась девочка. Родители забрали ее и выкормили грудью. Люди в округе не могли надивиться на чудо сие.

Минуло восемь лун, и девочка вдруг стала быстро

расти, причем ее голова срослась с плечами, а подбородка не было. Этим она отличалась от других людей. Роста в ней было три сяку и пять сунов. С рождения она славила умом и премудростью. К семи годам девочка выучилась читать без запинки «Сутру лотоса» и восемьдесят свитков «Сутры цветов добродетелей бодхисаттвы». Она была молчалива и скромна. В конце концов дочь надумала покинуть родительский дом. Она остригла волосы, надела рясу, творила добро и наставляла людей — они верили в нее. Монахиня обладала звучным голосом, и слушавшие ее каждый раз бывали тронуты.

Телом монахиня не походила на других женщин: у нее не было влагалища, но лишь отверстие для испражнений. Она не спала с мужчинами. Скудоумные миряне издевались над ней и обзывали «обезьянней святой». Однажды монах из государева храма в округе Такума и монах из храма Дайдзиндзи в Явата, что в округе Уса земли Будзэн, злобно твердили ей: «Твой путь ложен». Так они высмеивали и унижали ее. Тут на землю спустился небожитель и замахнулся на них пикой. Монахи закричали от страха и умерли.

В седьмом или восьмом году эры Драгоценной Черепахи высокодобродетельного монаха Каймё из храма Дайандзи назначили главой общины верующих в земле Цукуси. Управитель округа Сага земли Хидзэн по имени Сагано-кими-Когими, носивший высший разряд младшего седьмого ранга, во время летних молений пригласил учителя Закона Каймё для проповеди о восьмидесяти свитках «Сутры цветов добродетелей бодхисаттвы». Среди слушателей была и монахиня. Проповедник увидел ее и спросил с издевкой: «Что это еще за монахиня усе-лась между вами?» Монахиня сказала: «Будда создал истинное учение из великого сострадания ко всем тварям без изъятия. Почему же ты выделяешь меня?» Затем попросила растолковать трудный стих из сутры, и проповедник не мог ответить. Высокоумные люди удивились и стали испытывать ее. Монахиня ответила на все вопросы. Тогда они поняли, что монахиня была воплощением святого Будды, и стали называть ее бодхисаттвой Сяри. Сяри наставляла монахов и мирян, а они поклонялись ей.

В давние времена Будды дочь богача Судати из Саэдзё по имени Соман родила десять яиц. Потом они превратились в десять мужей, покинули дом и стали архатами. Жена богача из Кабираэ забеременела и родила

мясной шарик. Через семь дней его открыли, и там оказалось сто мальчиков. Все они покинули дом и стали архатами. И в нашей маленькой стране, где правит священная династия, тоже живут праведники. Случаются и такие вот чудеса.

Слово о женщине, родившей камни и поклонявшейся им

В деревне Кусуми, что в округе Катаката земли Мино, жила девица из рода Агата. Ей минуло двадцать лет, но она жила одна и не познала мужчину. Она забеременела сама по себе. Прошло три года, и во время правления государя Камму, летом первого года эры Вечного Здравствия, в конце второй луны года свиньи, она родила два камня. Размером они были в пять сун. Один — бело-голубой, другой — голубой. Они росли с каждым годом.

В округе Ацуми, соседней с Катаката, обитал Великий бог Инаба. Он вселился в прорицательницу и сказал: «Эти два камня — мои дети». Поэтому женщина огородила камни священной изгородью и поклонялась им.

О таких чудесах не слышали с давних времен и до нынешних дней. То диво случилось в стране, где правит священная династия.

О скелете, читавшем «Сутру лотоса» на горе Сисигасэ, что в земле Кии

Монах Итиэй многие годы поклонялся «Сутре лотоса». Раз отправился он паломничать в горы Кумано и дошел до горы Сисигасэ. Уж ночь настала, и тут послышался голос, читавший «Сутру лотоса». Звуки были на удивление благочестивы и пронизывали до костей. Итиэй подумал, что кто-то ночует неподалеку. Голос дочел первый свиток, помолился Трем Сокровищам и покаялся в грехах. Когда дочел сутру до конца, наступил рассвет.

Светлым утром Итиэй увидел скелет. Кости не рассохлись и не истлели, хоть и лежали здесь с давних пор — мох покрывал их. Поглядел Итиэй на череп — а во рту язык. Алый и влажный, совсем невредимый. Итиэй не мог прийти в себя от изумления и молился по-всякому.

Так прошел день, а ночью было как вчера — скелет читал сутру. Когда рассвело, Итиэй подошел к скелету и сказал: «Что за чудо — ты читаешь „Сутру лотоса“! Скажи, кто ты такой?» Дух отвечал: «Я жил монахом в Восточной пагоде на горе Хиэй. Звали меня Эндзэном. Странствуя, пришел сюда и тут умер. Но при жизни я дал обет — шестьдесят тысяч раз прочитать „Сутру лотоса“. До того как умер, я успел выполнить обет лишь наполовину. Дабы дочитать остаток, я и лежу здесь. Обет исполню. Мне осталось немного — лишь год пробуду здесь, а потом переселюсь на небо Тосоцу. Всемиловейший Амида увидит меня и возьмет к себе».

Выслушав его, Итиэй поклонился скелету и отправился в Кумано. На следующий год снова проходил мимо, а скелет исчез. Итиэй не мог сдержать слез умиления.

Комментарий

Подвижники и кудесники

Слово о ревностном изучении Закона Будды, проповеди Учения на благо всеобщее и о чуде, явленном на смертном одре (22-я история 1-го свитка «Нихон рёнки», в дальнейшем: 1-22).

Досё — умер в 700 г., основал школу Хоссо.

из рода Фунэ — род возводил свое происхождение к иммигрантам из Кореи, которые сыграли значительную роль в проповеди буддизма в Японии.

*Кавати*¹ — название старинной провинции в районе совр. Осака. *в великую страну Тан* — Досё отправился в Китай в 653 г., а вернулся в 661 г.

встретился с Сюань-цзаном — китайский монах (умер в 664 г.), известный своим путешествием в Индию (629—645 гг.). Помимо описания Индии, известного под названием «Путешествие на Запад при Великой Тан», его кисти принадлежат переводы многих сутр.

лицом обратившись к западу — согласно буддийской космологии, рай находится на западе.

Слово о чтении заклинаний «Будды Фазана», обретении в этой жизни сил чудотворных горного отшельника и о вознесении на небо («Нихон рёнки», 1-28)

В этой легенде заметно влияние, оказанное даосизмом на китайский и японский буддизм.

Э-но-Убасоко — т. е. упасака (мирянин, соблюдающий заповеди) из рода Э.

в деревне Тихара — находится на территории современной префектуры Нара.

Три Сокровища — Будда, его учение и монахи.

Он мечтал летать на пятицветном облаке — описаны цели, обычные для даосского отшельника.

заклинания «Будды Фазана» — одно из молитвословий последователей школы эзотерического вероучения Сингон (букв. «истинные слова»).

государь Момму — правил в 697—707 гг.

управлял Поднебесной — метафорическое обозначение древней Японии, заимствованное из Китая.

Хитокото-нуси-но-микото — синтоистское божество. Его имя может быть переведено как «хозяин слов». В противоборстве буддийского святого и местного божества персонифицированно отражено сопротивление, которое оказывал синтоизм чужеземной религии.

¹ В комментарии приводятся лишь основные географические со-ответствия.

в 1-й луне 1-го года эры Великого Сокровища, в год быка — 701 г. В Японии того времени хронология исчислялась по эрам (де-визам) правления, выбираемым государями, исходя из «счастливых» сочетаний иероглифов и общей направленности правления, а также согласно 60-летнему циклу. Оба принципа летосчисления были заимствованы из Китая.

Силла — одно из царств Корейского полуострова, которому удалось объединить Корею в 668 г.

«Сутра лотоса» — один из основных священных текстов буддизма махаяны (Великой Колесницы).

Слово о монахе, что совершал благодеяния, вырезая статуи будд, и о чуде, случившемся с ним в конце дней его («Нихон рёнки», III-30)

Мимана-но-Кануки — топоним «Мимана» в имени указывает на корейское происхождение предков монаха. Мимана — одно из древних царств Корейского полуострова.

Кири — совр. префектура Вакаяма.

храм, построенный его предками — многие ранние буддийские храмы в Японии в соответствии с синтоистскими традициями использовались как родовые святыни и были, вероятно, закрыты для посторонних.

он назывался Мироку, но люди знали его как храм Ноо — официальное название храма указывает, что он был посвящен будде Майтрее, однако для обитателей это было безразлично, и они называли храм по его местоположению.

Сёму — правил в 724—749 гг.

Сяка — будда Шакьямуни.

один дзё и шесть сяку — дзё=10 сяку=3,03 м.

Мондзю — бодхисаттва Манджушри.

Фугэн — бодхисаттва Самантабhadра.

во времена правления государя Конины — 779 г.; Конин правил в 770—781 гг.

Камму — правил в 781—806 гг.

из дворца Нагаока — совр. столичный округ Киото. Нагаока была столицей с 784 по 794 г.

весной 1-го года эры Вечного Здравствия... — 782 г.

Каннон — бодхисаттва Авалокитешвара. Бодхисаттвы почитаются существами бесполоыми, но в Японии Каннон обычно изображалась в женском обличье. Ей поклонялись как богине сострадания и милосердия.

настал день, когда Будда достиг нирваны — согласно традиции исторический будда Шакьямуни достиг нирваны 15-го дня 2-й луны по лунному календарю (середины апреля по григорианскому).

час обезьяны — около четырех часов пополудни.

О царице Сётоку («Одзё гокуракки», № 1)

царевич Сётоку — Сётоку-тайси (574—622), известный государственный и религиозный деятель. Кисти Сётоку приписываются «Уложения о 17 статьях», а также наиболее ранние в Японии комментарии к сутрам.

государя Емэя — правил в 585—587 гг.

из страны Пэкче — одно из государств Корейского полуострова, *благоговейно склоняюсь перед бодхисаттвой Каннон* — т. е. Ильна почитал Сётоку за временное воплощение (аватару) Авалокитешвары.

Дайнити — будда Вайрочана. В Японии тесно связан с государственными культами.

государыня Суйко — правила в 592—628 гг.

Когурё — государство Корейского полуострова.

триста тё — один тё=0,9918 га.

в земле Харима — совр. префектура Хёго.

великий министр Умако-но-сукунэ — умер в 626 г., принадлежал к влиятельному роду Сога. Умако — его имя, *сукунэ* — ранг (*кабанэ*).

О бодхисаттве Гёги («Одзё гокуракки», № 2)

бодхисаттва Гёги — знаменитый монах (668—749), прозванный бодхисаттвой за свои заслуги. Из-за чрезмерной популярности Гёги оказался в опале, и ему было запрещено проповедовать. Однако при государе Сёму он снова оказался в милости и его назначили патриархом. Гёги — главный персонаж многих легенд и житий.

Идзуми — находится на территории современного столичного округа Осака.

в Кинае — имеется в виду район Гокинай в центральной части Японии.

Сэццу — совр. префектуры Осака и Хёго.

Нанива — совр. г. Осака.

Тодайдзи — крупнейший храм Японии (строительство закончено в 749 г.).

О монахе с горы Есино («Хокэ кэнки», № 11)

кото — род цитры.

О монахе Сюнтё («Хокэ кэнки», № 22)

Хэйан — совр. г. Киото.

сугуроку — игра, при которой передвигают фигуры на доске в зависимости от числа, выпавшего на игральном костяке. Победившим считается игрок, занявший своими фигурами в лагере противника большее число клеток.

Об отшельнике Есё из обители Ходо, что у Западной пагоды на горе Хиэй («Хокэ кэнки», № 44)

Ното — совр. префектура Исикава.

в 3-м году эры Источника Радости — 889 г.

в южной столице Нара — город назывался так по отношению к Хэйану, расположенному севернее.

осенью 1-го года эры Вечной Радости — 901 г.

единорог или же феникс — чудесные животные китайской мифологии.

на время летних молений — период дождей, когда монахи не знают других дел, кроме поста и покаяния.

О святом Сэйку с горы Сёся, что в земле Харима («Хокэ кэнки», № 45)

для своего спасения Сэйку сделал немало и спустился с гор к людям, дабы других спасти — в этом предложении Сэйку характеризуется как истинно махаянский праведник, высоко ставящий альтруистический идеал проповедничества.

бывший государь Кадзан — правил в 984—986 гг.

О святом Куватори из земли Этиго («Хокэ кэнки», № 47)

Этиго — совр. префектура Ниигата.

грех великий на вас будет, ежели потащите в горы хоронить тело мое смердящее — этими словами Куватори осуждает синтоистский способ захоронения в земле, часто в горах.

О монахе Коку («Хокэ кэнки», № 72)

Оми — совр. префектура Сига.

Масакадо — имеется в виду Тайра-но — Масакадо (?—940), поднявший мятеж в Восточной Японии в 939 г. В обществе с сильными пережитками родо-племенного строя родственники несут коллективную ответственность за совершенное преступление. Подчиняясь этой логике, легенда рисует Хиракими грешником.

О монахе Сайэне («Хокэ кэнки», № 75)

в храме Тодзи — расположен в Киото.

Суо — совр. префектура Ямагути.

О святом Дзога с горы Тоно («Хокэ кэнки», № 82)

школы Опоры Неба — Тэндай (кит. Тянь-тай), одна из основных сект японского буддизма.

вникал в истины явленные и сокрытые — имеются в виду учения эзотерического (сокрытого, тайного, не упрощенного) и экзотерического (упрощенного, понятного для непосвященных) учения.

Касэн (санскр. Кашьяпа) — один из учеников Шакьямуни, достигший совершенства в риторике.

Кусё (санскр. Субхути) — ученик Шакьямуни, преуспевший в толковании вероучения.

Рэйдзэй — правил в 967—969 гг.

людную гору Хизэй покинув — на этой горе стояло множество храмов, монастырей, и она стала местом массового паломничества.

Хуэй-сы и Чжи-и — два известных китайских монаха, принадлежавшие к школе Тянь-тай. Чжи-и — первый патриарх этой школы.

песни Ямато — т. е. песни, сочиненные на японском языке. Ямато — одно из древних названий Японии.

пальцы сложил как положено — т. е. образовав пальцами соответствующую мудру (фигуру).

О настоятеле храма Тэнгодзи монахе Домэе («Хокэ кэнки», № 86)

боги земли родной — синтоистские божества.

вещи Будды — т. е. имущество, принадлежащее храмам.

провалился в преисподнюю Аби (санскр. Авичи) — самая последняя преисподняя восьмиарусного буддийского ада.

небо Тосоцу (санскр. Тушита) — четвертый, считая снизу, ярус шестичленной вертикальной модели мира. На небе Тосоцу обитают праведники и бодхисаттвы.

О монахе Синсэе («Хокэ кэнки», № 87)

Танго — совр. префектура Киото.

Исэ — совр. префектура Миэ.

как многие поклоняются поганым богам — имеются в виду молитвы, возносимые синтоистским божествам.

в час быка — время от 1 до 3 часов ночи.

духи пятицветные — синего, желтого, красного, белого и черного цветов. Эти цвета в эзотерическом буддизме имеют символическое значение, и все культовые принадлежности окрашены ими.

в 4-м году эры Бесконечного Правления — 1043 г.

Об обожателе «Сутры лотоса» монахе Рэнсё («Хокэ кэнки», № 88)

О монахе Мёсё («Хокэ кэнки», № 91)

Синано — совр. префектура Нагано.

с тех полей урожай брали богатый — в данном предании видно, как функция обеспечения урожая, осуществлявшаяся ранее исключительно синтоистскими жрецами, выполняется теперь и буддийскими монахами. Однако контроль за природными силами (дождь, засуха и т. п.) оставался все же в большей степени привилегией жрецов, в то время как монахи обеспечивают поступление воды в искусственные сооружения (см. также «Слово о мальчике силы необычайной, рожденном с помощью грома», «О монахе Дзинью из земли Этиго»).

След прошлого

Слово о запоминании «Сутры лотоса» и о воздаянии в этой жизни («Нихон рёнки», I-18)

Ямато — совр. префектура Нара.

Иё — совр. префектура Эхимэ.

Слово о богатырше и ее подвигах («Нихон рёнки», II-27)

Овари — совр. префектура Айти.

она приходилась внучкой монаху Додзё — о Додзё и его божественном происхождении от бога грома см. «Слово о мальчике силы необычайной, рожденном с помощью грома». Согласно синтоистским представлениям, качества предка должны переходить на потомков. Таким образом, буддийская легенда унаследует синтоистское миропонимание: внучка потомка бога грома также воспринимает его божественную силу. О другой внучке Додзё см.: «Нихон рёнки», II-4; А. Н. Мещеряков. Легенды из «Нихон рёнки». — «Народы Азии и Африки». 1981, № 3.

приобретешь силу Наразны (санскр. Нараяна) — высшее божество индуистской мифологии, включенное затем в буддийский пантеон.

Слово о высокодобродетельном Гёги, распознавшем в женщине с ребенком ненависть прошлого и заставившем ее бросить дитя в реку («Нихон рёнки», II-30)

сэн — мелкая монета.

Слово о жене, съеденной злым духом («Нихон рёнки», II-33)

Слово об убийстве, ненависти, перерождении лисой и собакой и о взаимном мщении («Нихон рёнки», III, 2)

царь Хирури уничтожил 99 млн. 900 тыс. шакьев — из-за низкого происхождения его матери царевича Хирури (санскр. Вирудхака) унизили в Капилавасту, замке шакьев. Когда он взошел на трон, Вирудхака отомстил им.

Слово о вырывании ростка бамбука из глазницы черепа и о чуде, сотворенном молитвой («Нихон рёнки», III-27)

9-го года эры Драгоценной Черепахи — 778 г.

Бинго — совр. префектура Хиросима.

Сануки — совр. префектура Кагава.

О чернокожем монахе Ансё («Хокэ кэнки», № 26)

О монахе Какунэне («Хокэ кэнки», № 78)

Исполненные молитвы

Слово о немедленном воздаянии за веру в бодхисаттву Каннон («Нихон рёнки», I-6)

но воины Тан разграбили страну — это произошло в конце 60-х годов VII в.

и сам государь Тан — имеется в виду император Сюань-цзун (правил в 713—755 гг.).

во 2-м году эры Заботы о Престарелых — 718 г.

Слово о бедствиях войны, о почитании статуи бодхисаттвы Каннон и о воздаянии в этой жизни («Нихон рёнки», I-17)

на помощь войскам Пэкче — экспедиционный корпус отправлялся на материк в 660 и 663 гг.

Цукуси — совр. остров Кюсю.

государя тронул их рассказ — имеется в виду государыня Сай-мэй (655—661) или государь Тэнти (668—671).

поскольку ее сын Дин-лань поклонялся ей — его мать умерла, когда Дин-ланю было 15 лет. Он вырезал из дерева ее статую и заботился о ней, как о живой. Из ревности его жена обожгла статую лицо, и после этого у нее выпали все волосы.

даже женщина на картине, которую возлюбил монах, отдалась ему — см. «Слово о страсти любовной к статуе богини Китидзё и о ее удивительном ответе».

Слово о ревностном почитании Каннон, молитвах о богатстве и о даровании счастья в этой жизни («Нихон рёнки», I-31)

Хиросэ — совр. префектура Нара.

чтобы она стала хозяйкой в доме — сюжет этой истории построен таким образом, что он отражает существовавший обычай передачи наследства по женской линии от тетки к племяннице.

Слово о воздаянии в этой жизни за веру в Три Сокровища, почитание монахов и чтение сутр («Нихон рёнки», I-32)

4-го года эры Божественной Черепахи — 727 г.

в округе Соу-но-Ками — совр. г. Нара.

Слово о ревностном переписывании «Сутры лотоса» и о чуде дивном («Нихон рёнки», II-6)

Ямасиро — совр. столичный округ Киото.

Слово о страсти любовной к статуе богини Китидзё и о ее удивительном ответе («Нихон рёнки», II-13)

в горном храме Тину — многие буддийские храмы в Японии возводились в горах. И до прихода буддизма горы почитались за место, где обитают боги, души предков и аккумулируется чудесная энергия.

богини Китидзё (санскр. Шрнмахадеви) — индуистская по своему происхождению богиня, включенная впоследствии в буддийский пантеон. Почиталась подательницей богатства.

по шесть раз в день — двадцать четыре часа делились на шесть частей, по четыре часа в каждой.

Слово о бедной царевне, почитавшей статую богини Китидзэ и заслужившей награду в этой жизни («Нихон рёнки», II-14)

Слово о дурном сне и чутком сердце, о чтении сутр и чудесном спасении («Нихон рёнки», II-20)

Слово о глиняной статуе божества, излучавшей от ног сияние, и о чудесном воздаянии в этой жизни («Нихон рёнки», II-21)

Сюконгодзин (санскр. Ваджрадхара) — защитник буддизма, ведическое по своему происхождению божество, позднее вошедшее в буддийский пантеон.

привязав веревку к ногам божества — способ моления, когда другой конец веревки молящийся держит в руках. Стал популярен в период Хэйан, особенно среди адептов, ставивших своей целью возрождение в Краю Вечной Радости.

Слово о том, как сирота почитала бронзовую статую Каннон, и об удивительном воздаянии в этой жизни («Нихон рёнки», II-34)

Слово о нищенке, разбогатевшей благодаря почитанию тысячерукой Каннон («Нихон рёнки», II-42)

тысячерукой Каннон — скульптурное изображение Каннон, обычно с сорока руками, в каждой из которых находится по одному глазу. Считалось, что каждой рукой Каннон спасает 25 тварей. Дзюннин — правил в 758—764 гг.

7-го года эры Небесного Покоя и Знаков Закона — 763 г. на небе Бонтэн — небо Брахмы, самое низкое в буддийской космологической модели.

Слово о монахе, награжденном в этой жизни за веру в одиннадцатилую Каннон («Нихон рёнки», III-3)

одиннадцатилую Каннон — одиннадцать ликов подобного скульптурного изображения символизируют различные ипостаси Каннон: сострадательную, устрашающую и т. п.

государыни Абэ — занимала трон дважды: в 749—758 гг. (под именем Кокэн) и в 764—770 гг. (Сётоку).

Слово о монахе, в море не утопшем благодаря чтению сутр Великой Колесницы («Нихон рёнки», III-4)

Муцу — совр. префектуры Фукусима, Мияги, Иватэ и Аомори.

Слово о том, как бодхисаттва Мироку молитву услышал и чудо сотворил («Нихон рёнки», III-8)

«Шастру об учителе Юга» — под шастрой понимается канонизированное толкование вероучения учениками Шакьямуни и его последователями.

2-го года эры Небесного Покоя и Хранящих Божеств — 766 г.

Слово о том, как прозрела женщина, поклонявшаяся деревянной статуе будды Якуси («Нихон рёнки», III-11)

Якуси (санскр. Бхайшаджья-гуру) — будда-целитель.

Слово об обещании переписать «Сутру лотоса» и о спасении

из завала, куда не проникал солнечный свет («Нихон рёйки», III-13)

земли Мимасака — совр. префектура Окаяма.

О монахе Дзинъю из земли Этиго («Хокэ кэнки», № 81) пагоду строят на моей вершине — в этом предании находит отражение борьба между последователями буддизма и синтоизма. ри — мера длины, равная в древности 654,54 м.

пусть ты, бог грома... служишь монахам водоносом — бог грома по-прежнему, как и в добуддийское время, почитается подателем воды, но буддийская легенда «приземляет» его и из стихийного дождителя превращает в постоянный источник влаги.

в годы Хранящих Божеств и Блестящих Облаков — 767—770 гг.

О ловце из земли Муцу («Хокэ кэнки», № 113)

восемнадцатого дня каждой луны — в этот день было положено возносить молитвы Каннон и прославлять ее.

потерпел за грехи свои — т. е. за охоту на животных и птиц. табличку «не входить» повесили — чтобы посторонние избежали осквернения смертью.

Неотвратимое возмездие

Слово о том, как отец присвоил зерно сына и переродился быком, и о чуде, случившемся с ним («Нихон рёйки», I-10)

Слово о том, как монах присвоил дрова, предназначенные для кипячения воды, и переродился быком («Нихон рёйки», I-20)

Слово о наказании в этой жизни злодея за взваливание на лошадей непомерных тяжестей («Нихон рёйки», I-21)

асуры — в японском буддизме духи — защитники учения Будды, обитающие под землей или в морском дворце.

Слово о злодее, который пренебрегал сыновним долгом и навлек на себя наказание в этой жизни («Нихон рёйки», I-23)

Котоку — правил в 645—654 гг.

засел за книги — имеется в виду чтение философских трудов классиков конфуцианства, что было необходимо для занятия чиновничьей должности.

почему ты не верен сыновнему долгу? — типично конфуцианское выражение. Буддизм, пройдя через Китай, заимствовал некоторые положения морально-этического учения конфуцианства. Для собственно буддийского вероучения характерным является более широкое, не ограниченное рамками семьи понимание альтруизма.

Слово о наказании в этой жизни мучительной смертью за высокое мнение о собственной добродетели и за удар недостойного видом монаха («Нихон рёйки», II-1)

1-го года зры Небесного Спокойствия — 729 г.

повелевал Восемьк Островами Японии — согласно японской мифологии, боги Идзанаги и Идзанами в начале мира сотворили восемь островов, обычно идентифицируемых как Авадзи, Сикоку, Оки, Кюсю, Ики, Цусима, Садо, Ховсю.

Тоса — совр. префектура Сикоку.
Киш — совр. префектура Вакаяма.

Слово о наказании мучительной смертью в этой жизни злого сына, который из любви к жене задумал убить свою мать («Нихон рёнки», II-3)

Мусаси — совр. префектуры Сайгама, Токио, Канагава.
начальник из рода Отомо — род Отомо издавна занимал при государевом дворе воинские должности.

Слово о наказании юноши в этой жизни мучительной смертью за то, что он варил и поедал птичьи яйца («Нихон рёнки», II-10) 6-го года эры Небесного Спокойствия и Несравненного Сокровища — 754 г.

Слово о наказании дурной болезнью и смертью за избиеие монаха («Нихон рёнки», II-35)

Слово о злодее, наказанном в этой жизни мучительной смертью от меча («Нихон рёнки», II-40).

нарисовав монаха, они сделали из изображения мишень — согласно логике преданий, измена государю непременно сопровождается преступлением против буддизма.

Слово о том, как бодхисаттва Мёкэн обернулся оленем и указал на вора («Нихон рёнки», III-5).

бодхисаттва Мёкэн — антропоморфное олицетворение созвездия Большой Медведицы. Считалось, что Мёкэн защищает от стихийных бедствий, продлевает срок жизни и т. д.

Слово о наказании незамедлительной смертью за избиеие праведника, читавшего заклинания тысячерукой Каннон («Нихон рёнки», III-14)

Этидзэн — совр. префектура Исикава.
3-го года эры Храпящих Божеств и Блистающих Облаков — 769 г.
в час быка — около полудня.

Слово о женщине, наказанной в этой жизни за похоть и за то, что она лишала детей материнской груди («Нихон рёнки», III-16) 1-го года эры Драгоценной Черепахи — 770 г.

Слово о похотливом переписчике «Сутры лотоса», наказанном внезапной и мучительной смертью («Нихон рёнки», III-18)

2-го года эры Драгоценной Черепахи — 771 г.
между часом барана и часом обезьяны — от двух до четырех часов пополудни.

Слово о перерождении обезьяной в наказание за ущемление монахов («Нихон рёнки», III-24) эра Драгоценной Черепахи — 770—780 гг.

Рахула — сын Шакьямуни. Приводимый легендой эпизод относится к его прошлому перерождению, до того, как он стал сыном Шакьямуни.

Слово о наказании глупца мучительной смертью за то, что он

изрубил игрушечную статую Будды, вырезанную деревенским мальчиком («Нихон рёнки», III-29)

Слово о наказании мучительной смертью за издевательства над нищим монахом, просившим подаяние («Нихон рёнки», III-33)

4-го года эры Вечного Здравствия — 785 г.

монах, не прошедший посвящения — т. е. не получивший согласия властей на принятие монашества. Государство пыталось ограничить число таких монахов для увеличения податного населения, ибо в эпоху Нара, т. е. на протяжении VIII в., множество их бродило по всей стране.

имена двенадцати воинов-защитников (санскр. якша) — сопровождающие будду Якуси, одним из предназначений которого является оберегание и охрана праведников.

Слово о наказании за постройку малой пагоды и за срывание с храма знамен Учения («Нихон рёнки», III-36)

в 1-м году эры Вечного Здравствия — 782 г.

О монахе Кодзоне («Хокэ кэнки», № 61)

Тадзима — совр. префектура Хёго.

Чудесные статуи и сутры

Слово о чуде с монахом, «Сутру мудрости и нирваны» усердно читавшим («Нихон рёнки», I-14)

Слово о чуде чудном, случившемся с монахиней, что изобразила шесть миров в благодарность за четыре вида благодеяний («Нихон рёнки», I-35)

шесть миров, где все сущее живет — ад, мир голодных духов, животных, асуров, людей, небожителей.

Слово о том, как превратилась в цаплю статуя Каннон («Нихон рёнки», II-17)

Слово о воре, похитившем статую Будды, и о том, как чудесным образом он был пойман («Нихон рёнки», II-22)

Слово о брошенном бревне, из которого вырезали священные статуи («Нихон рёнки», II-26)

Кадзуса — совр. префектура Тиба.

он ходил вокруг дерева и читал сутры — после медитации в сидячей позе полагалось совершать круговые движения и читать сутры.

на чистом месте — имеется в виду ритуально чистое место.

Слово о чуде с деревянной статуей Каннон («Нихон рёнки», II-36)

Слово о чуде дивном, явленном деревянной статуей Каннон, что не сгорела в огне («Нихон рёнки», II-37)

Слово о чуде, явленном деревянной статуей будды Якуси, что была погребена под песком («Нихон рёнки», II-39)

на границе земель *Суруга* и *Тотоми* — совр. префектура Сидзуока.

2-го года эры *Небесного Покоя* и *Знаков Закона* — 758 г. вырезанной *Удаяной* — Удаяна, властелин Кушанского царства, покровитель буддизма.

Слово о рыбах, которыми хотел полакомиться монах, обернувшись «*Сутрой лотоса*», дабы защитить его от мирян («*Нихон рёнки*», III-6)

О монахе *Ундзё*, заночевавшем в пещере, что в земле *Сима* («*Хокэ кэнки*», № 14)

Сима — совр. префектура Миэ.

ливень нынешней ночью — то был не дождь, а слезы из глаз моих — в этой истории наблюдается буддийское переосмысление традиционного образа змея. Змей по-прежнему дождит, но теперь он — не податель влаги, но кающийся грешник.

О монахе *Додзё* из обители *Сонсё* храма *Хосэй* («*Хокэ кэнки*», № 19)

Хизэй — гора на границе столичного округа Киото и префектуры Сига. На горе находится множество храмов, в том числе храм *Энрякудзи*, главная святыня школы *Тэндай*.

О монахах *Хогоне* и *Рэндзо* из земли *Идзумо* («*Хокэ кэнки*», № 33)

Идзумо — совр. префектура Симанэ.

добрый бог — здесь бог — защитник учения Будды.

Бонтэн — Брахмадева, здесь повелитель неба *Брахмы*, защитник учения Будды.

Тайсяку-тэн (санскр. Индра) — здесь повелитель неба *Тори* (санскр. Траястринса), второго небесного мира в «сфере желаний».

О поклоннике «*Сутры лотоса*» монахе *Римане* («*Хокэ кэнки*», № 35)

Златоблеск и *Мудроцвет* («*Хокэ кэнки*», № 48)

Гангодзи, *Кофукудзи* — оба храма находились в столице.

Как обожатель «*Сутры лотоса*» от злого духа спасся («*Хокэ кэнки*», № 57)

Бисямон (санскр. Вайшравана) — охранитель северного направления в буддийской модели мира, изображался в обличье воина.

О монахе *Эйдзицу* из храма *Симмэйдзи* («*Хокэ кэнки*», № 66)

Хиго — совр. префектура Кумамото.

Стал колотить его — толкование этого места вызывает затруднения. Возможно, что таким образом *Эйдзицу* принял на себя хворь больной. Представления о том, что на лекаря-шамана переходит недуг больного, были распространены и в добуддийской Японии.

О монахе из храма *Морского Дракона* («*Хокэ кэнки*», № 67) пять злаков — пять основных злаков: рис, просо, чумиза, бобы, ячмень.

дождю я не хозяин. Засуха и другие напасти во власти небес-

ного владыки Бонтэна — в данном предании зафиксирован новый этап осмысления образа змея (дракона), когда тот уже отказывается от своих «полномочий» дождителя, уверяя (см. ниже), что если он вызовет дождь, то тогда Бонтэн убьет его, признавая, таким образом, свою подвластность буддийскому божеству.

О ваятеле Кансэ («Хокэ кэнки», № 85)

Тамба — совр. префектуры Киото и Хёго.

во 2-м году эры Совершенного Спокойствия — 962 г.

О чиновнике из земли Хиго («Хокэ кэнки», № 110)

Об обезьяне из храма Оцудзи, что в земле Этиго («Хокэ кэнки», № 126)

день поудачнее выбрал — дни месяца делились на «счастливые» и «несчастливые» для начинания какого-нибудь дела.

прибыв на место, он не стал возносить молитв родным богам — при назначении на должность управителю вменялось в обязанность прежде всего совершить приношения местным синтоистским божествам.

О распутнице из округа Мурино земли Киу («Хокэ кэнки», № 129)

Кумано — название района на границах префектур Вакаяма и Миэ, известного своими синтоистскими храмами, в которых активно происходил процесс контаминации синтоистских и буддийских предстаний.

хиро = 1,81 м.

Праведный суд

Слово о каре, постигшей безжалостного и неправедного ростовщика («Нихон рёнки», I-30)

Будзэн — совр. префектуры Фукуока и Оита.

2-го года эры Счастливых Облаков — 705 г.

7-го дня 7-й луны — праздник «Ткачиhi», когда, согласно китайскому поверью, встречаются двое возлюбленных: Пастух (звезда Альтаир) и Ткачиха (Вега).

5-го дня 5-й луны — также праздник китайского происхождения, когда возносились оберегающие молитвы.

в 1-й день нового года — считалось, что духи усопших навешают своих родичей в этот день.

Слово о почитании китайского бога и принесении ему в жертву быков, о милостивом освобождении животных и о воздаянии в этой жизни («Нихон рёнки», II-5)

позвал он прорицательницу — имеется в виду синтоистская жрица-шаманка.

Карудай — Калюдай (Удай), товарищ детских игр Шакьямуни, впоследствии его последователь.

Слово о человеке ученом, который оскорблял скрытого под обликом монаха святого, попал в этой жизни во дворец царя Эммы и был наказан в преисподней («Нихон рёнки», II-7)

16-го года эры Небесного Спокойствия — 744 г. Правильная дата — 745 г.

в Стране Тростниковых Полей — метафорическое название Японии.

Нёдзай и Кэнтэн — японские бодхисаттвы.

кальпа — 24 тыс. «божественных» лет, соответствующих 8 640 000 000 «человеческих».

21-го года эры Небесного Спокойствия — 749 г.

Слово о жене, почитавшей «Сутру мудрости и нирваны», и о том, как она посетила в этой жизни дворец царя Эммы («Нихон рёйки», II-19)

Убаи (санскр. упасика) — мирянка, соблюдающая заповеди.

Слово о праведном суде царя Эммы («Нихон рёйки», III-9)

2-го года эры Хранящих Божеств и Блистающих Облаков — 768 г.

Дзидзо — санскр. Кшитигарбха.

Слово о воздаянии в этой жизни за использование неверных весов и за переписывание «Сутры лотоса» («Нихон рёйки», III-22)

4-го года эры Драгоценной Черепахи — 773 г.

Слово о наказании мучительной смертью за безжалостное взимание долгов с великой для себя выгодой («Нихон рёйки», III-26)

7-го года эры Драгоценной Черепахи — 776 г.

Слово о возмездии за пренебрежение кармой и за совершение злых дел («Нихон рёйки», III-37)

когда Поднебесной повелевали государи из дворца Нара — Нара была столицей Японии в 710—784 гг.

Тикудзэн — совр. префектура Фукуока.

О настоятеле храма Тэйходзи («Хокэ кэнки», № 29)

выучился мирским искусствам — т. е. недуховной музыке и песнопениям.

го — облавные шашки.

О монахе Рэнсю («Хокэ кэнки», № 70)

Край Вечной Радости

О патриархе Дзомэ («Одзё гокуракки», № 6)

Энрякудзи — главный храм школы Тэндай.

Великое трехчастное учение — эзотерическое учение Тэндай.

государь Уда — правил в 887—897 гг.

после смерти нарекли Дзомэ Сэйканом — после кончины монаху присваивалось посмертное имя.

О монахе Муку («Одзё гокуракки», № 7)

О монахе Дзёи («Одзё гокуракки», № 10)

государя молитвами оберегавший монах — монах, назначаемый государевым указом для чтения молитв, охраняющих его самого и его царство.

поста же никогда не соблюдал, утром ел и вечером — монахам было запрещено принимать пищу во второй половине дня.

О монахах Тико и Райко («Одзё гокуракки», № 11)

О монахе из Восточной пагоды («Одзё гокуракки», № 12)

Буттёсон — один из будд эзотерического буддизма Японии, воплощение благодетельности.

О монахе Куя («Одзё гокуракки», № 17)

Ава и Тоса — совр. префектуры Тоба и Коти.
эры Великой Радости — 938—946 гг.

О монахе Сёнё («Одзё гокуракки», № 22)

О монахе, что жил у водопада Миноо («Одзё гокуракки», № 23)

О женщине из земли Кага («Одзё гокуракки», № 42)

Кага — совр. префектура Исикава.

в пору пышного цветения лотосов — лотос почитается в буддизме священным растением, в частности символом чистоты и непорочности.

О монахе Соо из храма Мудодзи, что на горе Хиэй («Хокэ кэнки», № 5)

Конгара (санскр. Кимкара) — сопроводитель Фудо.

Сэйтака — санскр. Сетака.

Об обожателе «Сутры лотоса» из земли Харима («Хокэ кэнки», № 15)

бодхисаттва Гикэн — персонаж «Сутры лотоса», который после захоронения мощей своего учителя в качестве жертвоприношения сжег свои локти.

О наместнике Есэе («Хокэ кэнки», № 42)

Идзу — совр. префектура Сидзуока.

обитель Спокойствия и Чистоты — метафорическое обозначение рая.

О монахе Дзёдзоне («Хокэ кэнки», № 73)

заповеди блюсти — то не по Закону выходит — т. е. цель верующего заключается не во внешнем соблюдении правил монашеского поведения, а во внутреннем совершенствовании.

О помощнике начальника стражи левой части государева дворца по имени Минамото Масамити («Хокэ кэнки», № 102)

и хоть добра не творил, а вознесся — в данном предании отражен уже достаточно зрелый этап развития амидаистских представлений, когда «слово» окончательно вытесняет «дело».

Мир полон чудес

Слово о том, как поймали гром («Нихон рёнки», 1-1)

Юряку — традиционно указываемые годы правления: 456—479.

при жизни государя называли Молодым Воином из Хацусэ — т. е. Юряку; это посмертное имя государя.

*из дворца Асакура, что в Хацусэ — совр. префектура Нара.
повязал на лоб красную повязку — считалось, что она предохраняет от удара грома.*

схватил копье с красным прапорцем на конце — знак государева посланца.

Слово о лисице и ее сыне («Нихон рёнки», I-2)

Киммэй — правил в 539—571 гг.

Мино — совр. префектура Гифу.

Слово о мальчике силы необычайной, рожденном с помощью грома («Нихон рёнки», I-3)

Бидацу — правил в 572—585 гг.

Иварэ — совр. префектура Нара.

он заслонил ее от страха и ужаса — в синтоистской традиции гром (бог грома и дождя), отождествляемый со змеем, испытывает страх перед металлическими предметами.

только сделай для меня лодку из камфарного дерева — строительство крестьянином лодки для бога грома — это синтоистский ритуал восстановления силы грома, потерянной им при падении на землю.

змей дважды обвивался вокруг его головы — свидетельствует о божественном происхождении мальчика от синтоистского бога грома.

и всегда давали богатый урожай — функция дарителя влаги, переосмысленная в условиях развитого земледельческого общества, переходит от змея к его потомку — монаху Додзэ.

сила его происходила из достоинств, накопленных в прошлых рождениях — чудесная сила и способности Додзэ объясняются сугубо с буддийских позиций. Но, как видно из эпизода о чудесном рождении будущего монаха, его качества происходят не от буддийских добродетелей, но передаются ему по наследству.

Слово о том, как дочь, унесенная орлом, встретила со своим отцом в далекой стороне («Нихон рёнки», I-9)

года зайца — 643 г.

Когёку — правила в 642—645 гг.

Котоку — правил в 645—654 гг.

года пса — 650 г.

Слово о том, как Яматомаро увидел прелюбодеяние вороны, отринул соблазны мира и стал монахом («Нихон рёнки», II-2)

Слово о воздаянии в этой жизни за освобождение краба и лягушки («Нихон рёнки», II-8)

забрался на крышу, разгреб солому и влез в дом — проникновение через крышу служит в синтоизме признаком божественности.

Слово о посланце Эммы, отблагодарившем женщину за совершенные ему приношения («Нихон рёнки», II-25)

оми — в зависимости от знатности рода его членам присуждались ранги (кабанэ).

Слово о девочке, родившейся из мясного шарика, которая творила добро и наставляла людей («Нихон рёнки», III-19)

во 2-м году зры Драгоценной Черепахи — 771 г.

в час тигра — около четырех часов утра.

из государева храма — один из храмов, построенных согласно указу 742 г. в каждой земле. Предназначались для молений о благополучии государства.

Хидзэн — совр. префектуры Сага и Нагасаки.

Сяри — здесь «высокомудрая».

Судати — санскр. Судатта.

Сэздэ — санскр. Шравасги.

Соман — санскр. Сумана.

Кабираэ — санскр. Капилавасту.

Слово о женщине, родившей камни и поклонявшейся им («Нихон рёнки», III-31)

1-го года эры Вечного Здравствия — 782 г.

Великий бог Инаба — синтоистское божество.

О скелете, читавшем «Сутру лотоса» на горе Сисигасэ, что в земле Киу («Хокэ кэнки», № 13)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Подвижники и кудесники	26
Слово о ревностном изучении Закона Будды, проповеди Учения на благо всеобщее и о чуде, явленном на смертном одре	26
Слово о чтении заклинаний «Будды Фазана», обретении в этой жизни сил чудотворных горного отшельника и о вознесении на небо	27
Слово о монахе, что совершал благодеяния, вырезая статуи будд, и о чуде, случившемся с ним в конце дней его	28
О царевиче Сётоку	29
О бодхисаттве Гёги	33
О монахе с горы Ёсино	36
О монахе Сюнтё	38
Об отшельнике Ёсё из обители Ходо, что у Западной пагоды на горе Хиэй	39
О святом Сэйку с горы Сёся, что в земле Харима	41
О святом Куватори из земли Этиго	43
О монахе Коку	44
О монахе Сайэне	45
О святом Дзога с горы Тоно	46
О настоятеле храма Тэнъодзи монахе Домэе	48
О монахе Синсэе	50
Об обожателе «Сутры лотоса» монахе Рэнсё	52
О монахе Мёсё	53
След прошлого	55
Слово о запоминании «Сутры лотоса» и о воздаянии в этой жизни	55
Слово о богатырше и ее подвигах	56
Слово о высокодобродетельном Гёги, распознавшем в женщине с ребенком ненависть прошлого и заставившем ее бросить дитя в реку	57
Слово о жене, съеденной злым духом	58
Слово об убийстве, ненависти, перерождении лисой и собакой и о взаимном мщении	59

Слово о вырывании ростка бамбука из глазницы черепа и о чуде, сотворенном молитвой	60
О чернокожем монахе Ансё	62
О монахе Какунэне	63
Исполненные молитвы	64
Слово о немедленном воздаянии за веру в бодхисаттву Каннон	64
Слово о бедствиях войны, о почитании статуи бодхисаттвы Каннон и о воздаянии в этой жизни	65
Слово о ревностном почитании Каннон, молитвах о богатстве и о даровании счастья в этой жизни	65
Слово о воздаянии в этой жизни за веру в Три Сокровища, почитание монахов и чтение сутр	66
Слово о ревностном переписывании «Сутры лотоса» и о чуде дивном	67
Слово о страсти любовной к статуе богини Китидзё и о ее удивительном ответе	68
Слово о бедной царевне, почитавшей статую богини Китидзё и заслужившей награду в этой жизни	68
Слово о дурном сне и чутком сердце, о чтении сутр и чудесном спасении	69
Слово о глиняной статуе божества, излучавшей от ног сияние, и о чудесном воздаянии в этой жизни	70
Слово о том, как сирота почитала бронзовую статую Каннон, и об удивительном воздаянии в этой жизни	71
Слово о пищенке, разбогатевшей благодаря почитанию тысячерукой Каннон	73
Слово о монахе, награжденном в этой жизни за веру в одиннадцатиликую Каннон	74
Слово о монахе, в море не утопшем благодаря чтению сутр Великой Колесницы	74
Слово о том, как бодхисаттва Мироку молитву услышал и чудо сотворил	76
Слово о том, как прозрела женщина, поклонявшаяся деревянной статуе будды Якуси	76
Слово об обещании переписать «Сутру лотоса» и о спасении из завала, куда не проникал солнечный свет	77
О монахе Дзинью из земли Этиго	78
О ловце из земли Муцу	80
Неотвратимое возмездие	82
Слово о том, как отец присвоил зерно сына и переродился быком, и о чуде, случившемся с ним	82

Слово о том, как монах присвоил дрова, предназначенные для кипячения воды, и переродился быком	83
Слово о наказании в этой жизни злодея за взваливание на лошадей непомерных тяжестей	84
Слово о злодее, который пренебрегал сыновним долгом и навлек на себя наказание в этой жизни	84
Слово о наказании в этой жизни мучительной смертью за высокое мнение о собственной добродетели и за удар недостойного видом монаха	85
Слово о наказании мучительной смертью в этой жизни злого сына, который из любви к жене задумал убить свою мать	86
Слово о наказании юноши в этой жизни мучительной смертью за то, что он варил и поедал птичьи яйца	87
Слово о наказании дурной болезнью и смертью за избиение монаха	88
Слово о злодее, наказанном в этой жизни мучительной смертью от меча	89
Слово о том, как бодхисаттва Мёкэн обернулся оленем и указал на вора	90
Слово о наказании незамедлительной смертью за избиение праведника, читавшего заклинания тысячерукой Каннон	90
Слово о женщине, наказанной в этой жизни за похоть и за то, что она лишала детей материнской груди	91
Слово о похотливом переписчике «Сутры лотоса», наказанном внезапной и мучительной смертью	93
Слово о перерождении обезьяны в наказание за ущемление монахов	93
Слово о наказании глупца мучительной смертью за то, что он изрубил игрушечную статую Будды, вырезанную деревянным мальчиком	95
Слово о наказании мучительной смертью за издевательство над нищим монахом, просившим подаяние	95
Слово о наказании за постройку малой пагоды и за срывание с храма знамен Учения	97
О монахе Кодзоне	98
Чудесные статуи и сутры	99
Слово о чуде с монахом, «Сутру мудрости и нирваны» усердно читавшим	99
Слово о чуде чудном, случившемся с монахиней, что изобразила шесть миров в благодарность за четыре вида благодеяний	100
Слово о том, как превратилась в цаплю статуя Каннон	101

Слово о воре, похитившем статую Будды, и о том, как чудесным образом он был пойман	102
Слово о брошенном бревне, из которого вырезали священные статуи	103
Слово о чуде с деревянной статуей Каннон	104
Слово о чуде дивном, явленном деревянной статуей Каннон, что не сгорела в огне	104
Слово о чуде, явленном деревянной статуей будды Якуси, что была погребена под песком	104
Слово о рыбах, которыми хотел полакомиться монах, обернувшихся «Сутрой лотоса», дабы защитить его от мирян	105
О монахе Ундзэ, заночевавшем в пещере, что в земле Сима	106
О монахе Додзэ из обители Сонсэ храма Хосэй	107
О монахах Хогоне и Рэндзо из земли Идзумо	108
О поклоннике «Сутры лотоса» монахе Римане	109
Златоблеск и Мудроцвет	110
Как обожатель «Сутры лотоса» от злого духа спасся	112
О монахе Эйдзицу из храма Симмэйдзи	113
О монахе из храма Морского Дракона	115
О ваятеле Кансэе	116
О чиновнике из земли Хиго	116
Об обезьяне из храма Оцудзи, что в земле Этиго	118
О распутнице из округа Муруно земли Кии	120
Праведный суд	122
Слово о каре, настигшей безжалостного и несправедливого ростовщика	122
Слово о почитании китайского бога и принесении ему в жертву быков, о милостивом освобождении животных и о воздаянии в этой жизни	124
Слово о человеке ученом, который оскорблял скрытого под обличем монаха святого, попал в этой жизни во дворец царя Эммы и был наказан в преисподней	126
Слово о жене, почитавшей «Сутру мудрости и нирваны», и о том, как она посетила в этой жизни дворец царя Эммы	129
Слово о праведном суде царя Эммы	130
Слово о воздаянии в этой жизни за использование неверных весов и за переписывание «Сутры лотоса»	131
Слово о наказании мучительной смертью за безжалостное взимание долгов с великой для себя выгодой	133
Слово о возмездии за пренебрежение кармой и за совершение злых дел	135
О настоятеле храма Тэйходзи	136
О монахе Рэнсю	137

Край Вечной Радости	138
О патриархе Дзомэе	138
О монахе Муку	139
О монахе Дзэи	139
О монахах Тико и Райко	140
О монахе из Восточной пагоды	141
О монахе Куя	142
О монахе Сёнё	143
О монахе, что жил у водопада Миноо	144
О женщине из земли Кага	144
О монахе Соо из храма Мудодзи, что на горе Хиэй	144
Об обожателе «Сутры лотоса» из земли Харима	146
О наместнике Ёсэе	147
О монахе Дзёдзоне	148
О помощнике начальника стражи левой части государева дворца по имени Минамото Масамити	149
Мир полон чудес	151
Слово о том, как поймали Гром	151
Слово о лисице и ее сыне	152
Слово о мальчике силы необычайной, рожденном с помощью грома	153
Слово о том, как дочь, унесенная орлом, встретила со своим отцом в далекой стороне	155
Слово о том, как Яматомаро увидел прелюбодеяние вороны, отринул соблазны мира и стал монахом	156
Слово о воздаянии в этой жизни за освобождение краба и лягушки	157
Слово о посланце Эммы, отблагодарившем женщину за совершенные ему приношения	158
Слово о девочке, родившейся из мясного шарика, которая творила добро и наставляла людей	159
Слово о женщине, родившей камни и поклонявшейся им	161
О скелете, читавшем «Сутру лотоса» на горе Сисигасэ, что в земле ии	161
Комментарий	163

ЯПОНСКИЕ ЛЕГЕНДЫ О ЧУДЕСАХ
IX—XI вв.

Редактор И. А. П р а з а у с к е н е
Младший редактор Е. В. С т е п а н о в а
Художник Б. Л. Р е з н и к о в
Художественный редактор Э. Л. Э р м а н
Технический редактор
З. С. Т е п л я к о в а
Корректор Е. В. А н о л и н а

ИБ № 15066

Сдано в набор 06.07.83. Подписано к печати
05.11.83. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типо-
графская № 2. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Усл. п. л. 9,66. Усл.
кр.-отт. 9,98. Уч.-изд. л. 9,93. Тираж
70 000 экз. Изд. № 5474. Зак. № 343.
Цена 80 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

Набрано в Полиграфическом объединении
«Полиграфист» Управления издательства,
полиграфии и книжной торговли
Мосгорисполкома. Москва, ул. Макарен-
ко, 5/16

Отпечатано во 2-ой типографии
издательства «Наука»
Москва Г-99, Шубинский пер., 10
Зак. 3596